This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Google

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

Digitized by Google

1897

Digitized by Google

БИБЛІОТЕКА
№ 199
В. С. ОССОВСКОЙ

Digitized by Google

Digitized by Google

ЛУЧШІЙ ДРУГЪ.

Verlag Olga Diakow & Co. G.m.b.H.
Berlin W.62 - Leihbibliothek - Kleiststr. 21
Telefon: Nollendorf, 6069.

БИБЛІОТЕКА
№ 4199
В. С. ОССОВСКОГО

Digitized by Google

Digitized by Google

Ал. Н. БУДИЩЕВЪ

№ 1897

12.

ЛУЧШІЙ ДРУГЪ

РОМАНЪ

Verlag Olga Diakow & Co. G. m. b. H.
Berlin W. 62 - Kleiststr. 21
Leihbibliothek
Telefon: Nollendorf, 6069.

Изданіе Спб. Товарищества Печатнаго и Издат. Дѣла „Трудъ"
С.-Петербургъ. Фонтанка, 86
1901

Digitized by Google

Digitized by Google

I.

Они лежали въ полѣ, на широк
прикрытые тѣнью ракиты, и тих
Кондарев темнорусый и худощ
и глазами и небольшими усика
ку, облокачиваясь на локоть
ыраженіемъ въ глазахъ и на в
щѣ говорилъ Опалихину о вче
Опалихинъ слушалъ его молча
осады скользила порою въ его
одныхъ сѣрыхъ глазахъ. Онъ
редъ собою, въ поле, рѣзко св
шнимъ солнцемъ. Благоуханіе
одой жизни разливалось по все
дрой волною, и поле точно нѣ
селой волнѣ свѣта и тепла.
вала и Кондарева и, щуря гл
ть. Онъ говорилъ, что вчера
охотовъ и просилъ взаймы д
ъ далъ ихъ ему, хотя Грохо
лучшіе друзь.

Digitized by Google

Типографія Спб. Т-ва „Трудъ“. Фонтанка, 86.

Digitized by Google

I.

Они лежали въ полѣ, на широкой межѣ, чуть прикрытые тѣнью ракиты, и тихо бесѣдовали. Кондаревъ, темнорусый и худощавый, съ карими глазами и небольшими усиками, лежалъ на боку, облокачиваясь на локоть и съ усталымъ выраженіемъ въ глазахъ и на всемъ блѣдномъ лицѣ говорилъ Опалихину о вчерашнемъ днѣ.

Опалихинъ слушалъ его молча, и только тѣнь досады скользила порою въ его ясныхъ и холодныхъ сѣрыхъ глазахъ. Онъ глядѣлъ прямо передъ собою, въ поле, рѣзко сверкавшее подъ вешнимъ солнцемъ. Благоуханіе крѣпкой и молодой жизни разливалось по всей окрестности бодрой волною, и поле точно нѣжилось въ этой веселой волнѣ свѣта и тепла. Эта волна обдавала и Кондарева и, щуря глаза, онъ говорилъ. Онъ говорилъ, что вчера у него былъ Грохотовъ и просилъ взаймы двѣ тысячи. И онъ далъ ихъ ему, хотя Грохотовъ долженъ

Digitized by Google

ему и безъ того пять тысячъ. Нельзя было не дать; очень ужъ у него былъ убитый видъ.

Опалихинъ презрительно усмѣхнулся.

— Грохотовъ вѣчно канючитъ,—проговорилъ онъ, трогая рукою свѣтлорусую бородку.—И на что, подумаешь, ему деньги? До уборки хлѣбовъ еще далеко. Такъ какая-нибудь дурь.

Опалихинъ презрительно двинулъ плечомъ. Кондаревъ весело разсмѣялся, и усталое выраженіе на минуту ушло съ его лица.

— О, нѣтъ, деньги ему нужны до зарѣзу. Онъ мнѣ такъ и сказалъ „до зарѣзу". Ему, видишь-ли, нужно купить граммофонъ, велосипедъ съ бензиновымъ двигателемъ и еще какой-то оркестріонъ. И все это ему нужно къ спѣху.

Кондаревъ все еще смѣялся; смѣхъ у него былъ хорошій, звонкій, дѣтскій. Но Опалихина онъ, видимо, сердилъ; по его яркимъ губамъ скользнула холодная и презрительная усмѣшка.

— Ну, чего ты смѣешься?—съ досадой проговорилъ онъ, приподымая съ травы свое сильное и стройное туловище.

— Ты мой другъ, мой лучшій другъ, и мнѣ тебя жаль!

Онъ усѣлся на межѣ, свернувъ по-турецки ноги, и глядѣлъ на Кондарева холодными и ясными глазами.

— Зачѣмъ ты суешь свои деньги направо и налѣво? Вѣдь Грохотовъ наканунѣ банкротства

Digitized by Google

и поддерживать его не къ чему. Чѣмъ скорѣе онъ вылетитъ въ трубу, тѣмъ будетъ лучше. Земля должна принадлежать сильнымъ и смѣлымъ, и она будетъ имъ принадлежать. Тормозить движеніе жизни безразсудно. Такіе люди, какъ Грохотовъ,—сорная трава! Это—ходячая меланхолія изъ кислаго тѣста.

Опалихинъ замолчалъ. Кондаревъ приподнялся съ травы, расправляя ноги. Ласковая и теплая волна неожиданно пришла съ поля, обдала ихъ обоихъ съ ногъ до головы и ушла дальше, скользя по зеленой скатерти хлѣбовъ темной зыбью. Листья ракиты зашуршали и стихли. Ракита словно перекинулась съ этой волной привѣтствіемъ на своемъ непонятномъ нарѣчіи и снова оцѣпенѣла въ тихой задумчивости.

— Вотъ я замѣтилъ,—внезапно заговорилъ Опалихинъ,—что тебя всего передернуло, когда я тебя моимъ лучшимъ другомъ назвалъ. И я подумалъ: онъ мнѣ не вѣритъ. А, между тѣмъ, это такъ: ты мой лучшій другъ. Ты много лучше окружающаго большинства. Все-же ты представляешь изъ себя кое-какой матеріалъ, изъ котораго время можетъ-быть, кое-что и вылѣпитъ. Ты какъ будто задумываешься надъ жизнью. А вѣдь большинство живетъ, какъ грибы. И поступать съ ними нужно, какъ съ грибами. Пригодныхъ для ѣды—на сковородку, а пога-

Digitized by Google

нокъ посшибать ногою. Да-съ,—вздохнулъ Опалихинъ съ холодной усмѣшкой,—а ты мнѣ не повѣрилъ. Впрочемъ, оговариваюсь заранѣе: мое расположеніе къ тебѣ меня ровно ни къ чему не обязываетъ. И если жизнь столкнетъ насъ когда-нибудь лбами, я буду твердо помнить только одну заповѣдь: жизнь есть единственное благо и дана мнѣ она на очень короткій срокъ. А потому-съ...

Внезапно Опалихинъ расхохотался. Смѣхъ у него былъ надменный, полный сознанія собственной силы и походилъ на первый раскатъ вешняго грома. Кондаревъ поблѣднѣлъ всѣмъ лицомъ.

— Скажемъ такой примѣръ, — между тѣмъ, продолжалъ Опалихинъ,—если-бы я полюбилъ жену искренняго моего всѣмъ разумомъ моимъ и всѣмъ помышленіемъ, я не сталъ-бы ставить своимъ желаніямъ загородки. Зачѣмъ? Докажи мнѣ, что жизнь дается каждому изъ насъ не единожды? Не сможешь? а тогда къ чему и огороды городить.

И онъ снова коротко разсмѣялся. Кондаревъ сидѣлъ блѣдный, съ усталымъ лицомъ и съ тоской думалъ: „какая наглость!“

Онъ былъ увѣренъ, что Опалихинъ говоритъ вотъ именно о немъ и о его женѣ.

Опалихинъ продолжалъ:

— Жизнь есть столкновеніе интересовъ од-

Digitized by Google

ного съ интересами другого или другихъ. Общество всегда прекрасно сознавало это и надѣло на себя предохранительный кринолинъ изъ заповѣдей и законовъ. Оно дорого цѣнило и цѣнитъ жизненныя блага и поэтому-то оно и огородило ихъ такъ старательно отъ покушенія болѣе смѣлыхъ и сильныхъ единицъ. Вотъ тебѣ происхожденіе нравственныхъ правилъ. Ни больше, ни меньше, какъ инстинктъ самосохраненія, но только не въ отдѣльной личности, а въ цѣлой группѣ. Ларчикъ, какъ видишь, открывается здѣсь совершенно просто. Заповѣди, впрочемъ, едва-ли кто соблюдаетъ и говорить о нихъ нечего, ну а „уложеніе о наказаніяхъ“ все-таки нужно имѣть на всякій случай въ виду.

Кондаревъ сдѣлалъ жестъ, какъ-бы желая говорить; Опалихинъ замолчалъ, поджидая возраженій съ холодной усмѣшкой на яркихъ губахъ. Но онъ не дождался ихъ.

— Мое оружіе и мой компасъ—разумъ, заговорилъ онъ снова. Это надежное и вѣрное оружіе, и съ нимъ я иду по своему пути безъ страха и упрека. Мой девизъ—захватить какъ можно больше благъ и радостей, и я работаю съ моимъ оружіемъ въ рукахъ, не зная устали, за что и въ правѣ требовать отъ жизни нѣкоторыхъ преимуществъ.

Опалихинъ замолчалъ, смѣлымъ взоромъ оки-

Digitized by Google

дывая окрестность. Кондаревъ вздохнулъ. На межѣ подъ ракитой стало тихо. Поля ярко сверкали, радуясь солнцу. Вся ихъ плоская и зыбкая равнина, широко, какъ зеленое море, разливавшаяся по окрестности и замкнутая со всѣхъ сторонъ рѣзко сверкающимъ небеснымъ куполомъ, изнемогала, какъ женщина, въ этомъ могучемъ объятіи неба, наслаждаясь свѣтомъ, тепломъ и всѣми радостями жизни. Казалось, было слышно, какъ поля пили благодатные соки земли, перерабатывая ихъ въ свои шелковыя ткани, полныя избытка силъ и безмѣрной жажды творчества. Удивительная гармонія связывала небо и землю. Тихіе и короткіе вздохи нежданно падали порою откуда-то сверху на зеленую грудь полей, и поля отвѣчали имъ радостнымъ шелковымъ свистомъ.

Опалихинъ сказалъ:

— О, какъ здѣсь хорошо! И можно-ли здѣсь не работать и не желать для себя всяческихъ радостей! Нѣтъ ничего лучше жизни, и нѣтъ ничего хуже той ямы, въ которую насъ со временемъ столкнутъ. И уже одно ея существованіе оправдываетъ все. Неправда-ли, мой лучшій другъ?—добавилъ онъ съ холодной усмѣшкой.

Кондаревъ пожалъ плечомъ. На межѣ изъ-за поворота, внезапно вынырнула стройная вороная лошадь въ щегольскомъ шарабанѣ. Опа-

Digitized by Google

лихинъ увидѣлъ широкую рыжую бороду своего кучера Епифана.

— А вотъ и Епифанъ,—сказалъ онъ,—трогая колѣно Кондарева,—ѣдемъ-же ко мнѣ обѣдать. Я показалъ тебѣ мои поля и видѣлъ твое благоговѣйное удивленіе. Это меня вполнѣ удовлетворило и потому я хочу ѣсть! — добавилъ онъ съ короткимъ смѣхомъ.

Епифанъ ловко осадилъ лошадь у самыхъ ногъ Кондарева. Они оба поднялись съ межи. И тому и другому около тридцати лѣтъ. Опалихинъ былъ въ свѣтло-сѣромъ костюмѣ и желтыхъ башмакахъ; отъ всей его фигуры вѣяло холодной силой и изяществомъ. Худощавое и тонкое тѣло Кондарева было облачено въ чечунчовый пиджакъ и лакированные сапоги; черный шелковый воротникъ русской косоворотки выглядывалъ изъ-подъ его пиджака. Опалихинъ принялъ возжи изъ рукъ Епифана, усаживаясь въ шарабанъ; Кондаревъ помѣстился рядомъ. Епифану приходилось идти въ усадьбу пѣшкомъ. Впрочемъ, до усадьбы Опалихина считалось всего версты двѣ.

Здѣсь, по извилинамъ рѣки Вершаута, расположены на разстояніи шести-семи верстъ три усадьбы: Опалихина, Ложбининой и Кондарева, и двѣ деревни—Опалиха и Медуновка. Двѣ первыхъ усадьбы оставались въ рукахъ дворянства, а третья принадлежала молодому

Digitized by Google

купцу Кондареву, самому богатому изъ этихъ трехъ владѣльцевъ, за женой котораго вотъ уже два года настойчиво ухаживаетъ Сергѣй Николаевичъ Опалихинъ. Объ этомъ, по крайней мѣрѣ, говоритъ весь уѣздъ. И припоминая кое-что изъ этихъ доходившихъ до него разговоровъ, Кондаревъ невольно хмурился, а Опалихинъ съ холодной усмѣшкой говорилъ ему:

— Я ждалъ тебя сегодня на весь день и нынче у меня къ обѣду два твоихъ любимыхъ блюда: пирогъ съ соминой и оладушки съ медомъ. А ты все еще не вѣришь, что я тебя люблю!—добавилъ онъ съ короткимъ смѣхомъ.

Кондаревъ сидѣлъ и думалъ объ Опалихинѣ:

— И ты тоже, милый мой,—парень теплый. Грохотову я далъ взаймы — это нехорошо, а вотъ тебѣ два года тому назадъ десять тысячъ вывалилъ—такъ это превосходно! Грохотову на граммофонъ, а тебѣ на чилійскую селитру. Но только когда-же ты мнѣ ихъ отдашь?

Опалихинъ стегнулъ лошадь возжею. Зеленая скатерть полей рванулась на встрѣчу путникамъ; въ ихъ ушахъ только зашумѣлъ вѣтеръ.

Послѣ обѣда Опалихинъ и Кондаревъ сидѣли на обтянутомъ парусиной балконѣ, выходившемъ въ садъ, и пили чай. Опалихинъ вкусно прихлебывалъ изъ стакана и говорилъ:

— Вотъ я дворянинъ, а ты купецъ. Твой

Digitized by Google

отецъ, и дѣдъ, и прадѣдъ создавали своими руками и горбомъ состояніе, а мои размотали половину доставшагося имъ. Теперь-же въ ихъ дѣтяхъ получилось совершенно обратное. Я работаю и пытаюсь создать состояніе, а ты рѣшительно ничего не дѣлаешь и даже, пожалуй, отчасти транжиришь доставшееся тебѣ. Вотъ тутъ и разговаривай о наслѣдственности.

— Что-же?—устало усмѣхнулся Кондаревъ,— и тутъ есть своего рода логика. Мои предки работали не покладая рукъ, а подумать времени у нихъ не было, и вотъ я теперь думаю и за нихъ и за себя.

Опалихинъ положилъ ногу на ногу.

— Неужто ты такъ-таки совсѣмъ не занимаешься хозяйствомъ? спросилъ онъ Кондарева.

Кондаревъ махнулъ рукою.

— Все думаешь?

— Видишь-ли,—неторопливо отвѣчалъ Кондаревъ,—съ самыхъ ребячьихъ лѣтъ я до отвала на работу эту самую наглядѣлся, и у меня до сей поры подъ ложечкой сосетъ. Нѣтъ ужъ, Богъ съ ней! Видѣлъ я, какъ люди состоянія создаютъ! И онъ снова махнулъ рукою.

На балконѣ стало тихо. Небольшой, но густой садъ благоухалъ возлѣ, грѣясь на солнцѣ. Порывы сильнаго и внезапнаго вѣтра порою бросались на него, и онъ недовольно ворчалъ, склоняясь въ одну сторону и блѣднѣя на вер-

Digitized by Google

шинахъ. Сквозь просвѣтъ аллей сѣрѣла узкая лента дороги и глядѣли тихія воды Вершаута. На дорогѣ неожиданно показался всадникъ въ англійскомъ несуразномъ шлемѣ.

— Вотъ тоже гусь,—сказалъ Опалихинъ, кивая на всадника.—Это Платоша Столбунцовъ, если не ошибаюсь. Ну да, онъ, конечно, онъ. И ѣдетъ онъ къ Ложбининой увиваться за Людмилочкой. А жена—сиди дома и веди конторскія книги.—Платонъ Платонычъ! — крикнулъ онъ, поднимаясь во весь ростъ.

Всадникъ повернулъ къ балкону маленькое и худенькое лицо, смѣшно выглядывавшее изъ-подъ шлема; тонкія губы на безбородомъ, бритомъ, какъ у актера, лицѣ раздвинулись въ плутоватую улыбку. Не останавливая лошади, онъ приподнялъ шлемъ и сдѣлалъ рукою жестъ, какъ бы желая сказать, что онъ спѣшитъ.

— А то заверните,—крикнулъ Опалихинъ,— Людмилочка и подождетъ, не умретъ!

И Опалихинъ расхохотался. Всадникъ повторилъ тотъ же жестъ и скрылся за вершинами сада.

Въ то-же время неожиданный и рѣзкій порывъ вѣтра ударилъ по саду и взбудоражилъ его побѣлѣвшія вершины, какъ волны. Садъ зашумѣлъ, какъ вода, и парусина балкона захлопала. Но вѣтеръ также внезапно исчезъ, какъ и появился. И вокругъ снова все застыло.

Digitized by Google

—Некогда ему,—сказалъ Опалихинъ о Столбунцовѣ,—торопится. А что же?—И Людмилочка не изъ вредныхъ. А знаешь,—поднялъ онъ на Кондарева глаза,—Грохотовъ зоветъ Столбунцова—„Палашка-канканеръ“. Столбунцовъ прекрасно пляшетъ канканъ и для этого надѣваетъ поверхъ панталонъ юбку. Преуморительно. Впрочемъ, что же?—добавилъ онъ съ холодной усмѣшкой,—живетъ, какъ умѣетъ!

Опалихинъ замолчалъ. Сильный порывъ вѣтра внезапно пригнулъ садъ, и садъ съ глухимъ ворчаньемъ затрясъ вершиною, точно пытаясь сбросить съ себя крѣпко вцѣпившагося врага. Парусина балкона захлопала, будто стрѣляла. Черная тѣнь всколыхнулась въ глубинѣ аллей и поползла съ песка дорожекъ на ступени балкона, какъ гнѣвныя волны. Видимо, приближалась гроза. Кондаревъ поспѣшно всталъ, собираясь домой.

На крыльцѣ, когда Кондареву подавали легонькій фаетонъ, Опалихинъ говорилъ ему:

— Ты, конечно, Андрей Дмитричъ, знаешь, что у Ложбининой съ этой недѣли начинаются четверги: вечеринки съ особеннымъ уставомъ, который выработалъ я. Soirées intimes. Не забывай-же этого и пріѣзжай къ ней въ четвергъ. Да жену, конечно, захвати съ собою. Непремѣнно захвати!

Digitized by Google

— Слушаю-съ, — съ внезапнымъ гнѣвомъ буркнулъ Кондаревъ и сердито разсмѣялся.

Когда онъ сердился, смѣхъ его, обыкновенно звонкій и ребячій, дѣлался хриплымъ.

„Ревнуетъ,—подумалъ Опалихинъ,—ну что-же? Ревнуй, братецъ, на здоровье“.

— А знаешь что?—сказалъ Кондаревъ, усаживаясь въ фаетонъ,—если-бы мнѣ, да твоя вѣра, я куда-бы смѣлѣе тебя былъ и полѣзъ-бы на проломъ, въ самое пламя! И знаешь что? почти вскрикнулъ онъ, внезапно блѣднѣя.—Я-бы тогда, пожалуй, вдесятеро сильнѣе тебя оказался! Слышишь?

— Трогай,—сердито тронулъ онъ спину кучера.

Гулкій ударъ грома пробѣжалъ на верху.

— А это какъ хочешь!—вызывающе крикнулъ Опалихинъ Кондареву въ догонку и коротко разсмѣялся.

Онъ пошелъ за ворота на встрѣчу шумѣвшему вѣтру за удалявшимся экипажемъ. „Это какъ хочешь“, думалъ онъ, „но я предъ тобою не отступлю!“.

Порывы вѣтра рвали вершины сада и гудѣли въ крышахъ. Стая голубей безпокойно носилась надъ амбарами.

„Я передъ тобой не отступлю!“ — думалъ Опалихинъ, и вся фигура Татьяны Михайлов-

Digitized by Google

ны рисовалась его внезапно взбудораженному воображенію. Его лицо дышало вызывомъ.

Гулкій ударъ снова со звономъ прокатился по небу и тамъ, по ту сторону Вершаута, въ лѣсномъ ущельѣ эхо откликнулось ему, словно кто-то сильный и смѣлый весело крикнулъ на встрѣчу раската:

— Тр-р-ахъ! тахъ-тахъ-тахъ!

II.

Тревога оказалась ложной; гроза прошла мимо. Когда Кондаревъ подъѣзжалъ къ тихой деревушкѣ Медуновкѣ, солнце уже сверкало попрежнему, а сизый сумракъ надвигавшейся грозы растаялъ, какъ дымъ. Дыханье вѣтра снова ласкало поля и въ этой теплой и нѣжной струѣ трудно было признать ту-же самую силу, которая такъ недавно съ бѣшенствомъ металась по землѣ и съ яростью набрасывалась на преграды.

День былъ праздничный; крестьяне деревни Медуновки грѣлись около хатъ на заваленкахъ, толкуя о домашнихъ дѣлахъ. Кондареву то и дѣло попадались на улицѣ разряженныя парни и дѣвушки. Несмотря на жаръ нѣкоторые изъ парней обмотали свои шеи яркими гарусными шарфами, а ноги обули въ валенки.

Digitized by Google

Но Кондарева не поражало это; онъ зналъ, что медуновцы пользовались нѣкоторымъ достаткомъ, и ихъ средства позволяли имъ даже и лѣтомъ носить гарусные шарфы и валенки.

Кондаревъ ѣхалъ и думалъ объ Опалихинѣ. Онъ не сомнѣвался ни на минуту, что его десять тысячъ за Опалихинымъ не пропадутъ. Опалихинъ считался наилучшимъ хозяиномъ во всей губерніи; если онъ и дѣлалъ долги, такъ только съ цѣлью поднять доходность имѣнья, и каждый задолженный имъ рубль приносилъ ему изрядный барышъ. Кондаревъ прекрасно сознавалъ это, и теперь ему было стыдно за подозрѣніе, шевельнувшееся въ немъ въ ту минуту, когда Опалихинъ выговаривалъ ему за деньги, выданныя взаймы Грохотову. И ревность его улеглась совершенно.

„Сергѣй Николаевичъ,—думалъ онъ объ Опалихинѣ, — человѣкъ ума необычайнаго и свѣтлаго, и вполнѣ порядоченъ. Да и Таня не изъ таковскихъ. А что онъ ухаживаетъ за ней такъ это еще ровно ничего не доказываетъ“.

И его думы становились все веселѣе и радостнѣе. Въ усадьбу онъ пріѣхалъ уже совершенно успокоенный и повеселѣвшій.

Усадьба Кондарева, раскинутая на той-же рѣкѣ Вершаутѣ, выглядывала щеголевато. Одноэтажный, но помѣстительный домъ ярко

Digitized by Google

сверкалъ на солнцѣ желѣзной зеленой крышею и весело глядѣлъ на примыкавшій къ нему садъ ясными звеньями венеціанскихъ оконъ. Кондаревъ бодро выпрыгнулъ изъ экипажа и тотчасъ-же приказалъ кучеру запречь свѣжую лошадь въ дрожки. Его какъ будто заразила энергія Опалихина: онъ намѣревался сейчасъ-же проѣхать на одинъ изъ своихъ степныхъ хуторковъ и поглядѣть, какъ идетъ тамъ ремонтъ построекъ, изрядно извѣтшавшихъ за послѣднее время.

Съ повеселѣвшимъ лицомъ Кондаревъ вошелъ въ домъ. Въ домѣ все было тихо; дѣти, очевидно, играли въ саду, а тетушка Пелагея Семеновна сидѣла на балконѣ и вышивала для Хвалынскаго монастыря воздухи. Она вышивала ихъ вотъ уже третій годъ. Кондаревъ заглянулъ и на балконъ; румяное и добродушное лицо дородной тетушки его жены всегда сообщало ему нѣкоторую уравновѣшенность, а теперь ему какъ будто хотѣлось усугубить свое настроеніе необычайной и свѣтлой радости и поднявшихся на встрѣчу жизни силъ.

Тетушка, рыхлая сорокалѣтняя женщина, сидѣла за пяльцами; почти у самыхъ ея ногъ, на ступеняхъ балкона, помѣщалась старая дѣвица Степанида съ длиннымъ веснущатымъ лицомъ и ртомъ, похожимъ на ижицу. Тетушка шуршала шелками, а Степанида, смѣшно

Digitized by Google

шевеля своей ижицей, разсказывала ей одинъ изъ богородицыныхъ сновъ.

— Шла Матушка-Марея,—говорила она нараспѣвъ,—изъ города Ерусалима; шла она—пріустала, легла она—пріуснула...

— Видимый сонъ ей привидился,—закончилъ за нее Кондаревъ и расхохотался звонкимъ ребячьимъ смѣхомъ.

— Ой, чтобъ тебя!—испуганно вскрикнула Степанида.

— А гдѣ Таня?—спросилъ Кондаревъ, все еще смѣясь.

Тетушка повернула къ нему свое румяное лицо.

— Въ спальной, книжки читаетъ,—отвѣчала она.

— Сколько книжекъ?

— Одну,—совершенно серьезно отвѣчала тетушка и разсмѣялась.—Тьфу ты,—проговорила она сквозь смѣхъ,—всегда-то онъ меня собьетъ!

Кондаревъ пошелъ съ балкона и по дорогѣ говорилъ голосомъ, похожимъ на Степанидинъ:

— Какъ на деревѣ кипарисномъ сидятъ книжники-фарисеи...

И онъ слышалъ, какъ за его спиной гнѣвно отплевывалась Степанида.

Татьяна Михайловна, худощавая двадцатипяти-лѣтняя женщина, гибкая и стройная, сидѣла въ просторномъ домашнемъ платьѣ въ

Digitized by Google

книгою въ рукахъ. Увидѣвъ мужа, она отложила книгу въ сторону, и ея большіе скорбные глаза мягко засвѣтились на блѣдномъ лицѣ. Кондаревъ подошелъ къ ней, тихо снялъ съ низкой скамеечки ея обутыя въ желтые башмаки ноги и, примостившись у этихъ ногъ на скамеечкѣ, обнялъ ея станъ, спрятавъ лицо въ ея теплыхъ колѣняхъ. Въ комнатѣ было тихо. Дыханіе сада вливалось въ открытое окно и наполняло комнату свѣжимъ и холодноватымъ запахомъ молодой жизни. Ни единаго звука не врывалось сюда, въ это прохладное и цѣломудренное царство. Только гардины окна мягко шуршали, колеблемыя лѣнивой струею.

И Кондареву казалось, что онъ ушелъ отъ жизни куда-то далеко-далеко и лежитъ на прохладномъ днѣ тихой рѣчки, а надъ нимъ мягко шуршатъ зеленыя перья упругаго камыша. Свѣтлый восторгъ наполнилъ его сердце сладкимъ и мучительнымъ трепетомъ; всѣ силы его души поднялись до невѣроятной напряженности, и его душа казалась ему готовой вотъ-вотъ постичь какую-то удивительную красоту, какую-то безконечно прекрасную гармонію. И вдругъ, точно подъ ударомъ молніи, избытокъ его силъ словно провалился въ какую-то пропасть, а свѣтлый восторгъ превратился въ безпросвѣтную скорбь.

Digitized by Google

Кондаревъ разрыдался въ колѣняхъ жены.

Татьяна Михайловна схватила его голову тонкими пальцами и пыталась оторвать ее отъ своихъ колѣнъ.

— Что ты? Андрюша! Милый... Глупый! — шептала она.

Въ ея большихъ глазахъ вспыхнули слезы. Она привыкла къ этимъ истеричнымъ припадкамъ мужа, но теперь ее поразила неожиданность.

— Глупый, милый... Ну зачѣмъ-же ты?..— шептала она, готовая расплакаться, блѣдная и испуганная.

Кондаревъ плакалъ, какъ ребенокъ, тихо и горько, то пряча свое лицо въ ея колѣняхъ, то съ тоской поднимая къ ней полные слезъ глаза.

— Это страшно, Таня,—шепталъ онъ со стономъ, съ лицомъ мокрымъ отъ слезъ, весь взволнованный и потрясенный,—мнѣ кажется иногда, Таня, что люди глядятъ другъ на друга, какъ на какой-то фруктъ.

— Это ужасно, Таня, — всхлипывалъ онъ всей грудью,—смотритъ человѣкъ на человѣка и думаетъ: „а съ какой стороны тебя нужно ѣсть? и какъ? снимать кожу, или вмѣстѣ съ кожей?“ И онъ снова плакалъ, всхлипывая, какъ ребенокъ; и судорога дергала его шею.

Жена, блѣдная и плачущая, утѣшала мужа.

Digitized by Google

Она хватала его голову руками, вытирала его глаза платкомъ и все ближе и ближе прижималась къ нему; она припадала къ его губамъ мучительнымъ, короткимъ поцѣлуемъ, вся взволнованная ласкала его волосы и шептала ему въ уши все, что подвертывалось ей на языкъ, полная безконечной женской жалости.

Долго они переговаривались такъ, оба — словно въ бреду, все тѣснѣе и тѣснѣе прижимаясь другъ къ другу, какъ два утопающихъ, порою хватая другъ друга за руки и обмѣниваясь мучительными поцѣлуями, словно готовясь идти на гибель, позоръ и разлуку.

Кондаревъ, наконецъ, вышелъ изъ спальни жены нѣсколько усталый и какъ будто примиренный съ чѣмъ-то женскимъ состраданіемъ и жалостью.

Онъ отправился на мельницу. А жена долго еще сидѣла у раскрытаго окна, блѣдная, съ тусклыми глазами, вся утомленная и разбитая, словно послѣ оргіи. И все о чемъ-то думала.

А къ вечеру она стояла на тихой луговинѣ сада возбужденная, съ раскраснѣвшимся лицомъ и сверкающими глазами и громко кричала, дѣлая изъ рукъ рупоръ:

— Люціанъ! Люціанъ!

Ея голосъ разносился по саду звонко и весело, а отъ всей ея тонкой фигуры вѣяло

Digitized by Google

жизнью. Она играла съ дѣтьми въ любимую ихъ игру „Гудзоновъ заливъ“.

Эту игру она сочинила имъ сама еще зимою, когда она прочла дѣтямъ романъ Майнъ-Рида того-же имени; и съ тѣхъ поръ эта игра вытѣснила изъ дѣтскаго обихода всѣ остальныя. Роли въ этой игрѣ обыкновенно распредѣлялись такъ: старшаго изъ французскихъ путешественниковъ, мѣткаго стрѣлка Базиля изображала сама Татьяна Михайловна; голубоглазаго и кроткаго Люціана—ея семилѣтній сынъ Костя; пятилѣтняя Леночка была недурнымъ Францискомъ, а трехлѣтнему Юркѣ приходилось исполнять роль милой и умной собаки Моренго. Къ сожалѣнію, всѣхъ участниковъ игры, исполнителя на роль выносливаго канадца Нормана среди ихъ труппы не находилось и, чтобы не брать со стороны какого-нибудь любителя, они пользовались услугами самой обыкновенной половой щетки.

И щетка вполнѣ оправдала ихъ довѣріе; въ роли канадца она оказалась положительно незамѣнимой. Она съ рѣдкимъ мужествомъ стерегла ихъ съѣстные припасы отъ дикихъ звѣрей и по цѣлымъ часамъ выносливо простаивала на часахъ, охраняя ихъ сонъ въ холодныя канадскія ночи, когда они утомленные за день охотой и приключеніями, сладко засыпали, тѣсно прижавшись другъ къ другу у горя-

Digitized by Google

щаго костра (въ дѣтской, на диванѣ). И теперь Татьяна Михайловна первая замѣтила отсутствіе неустрашимаго канадца, почему она и звала къ себѣ Костю.

— Люціанъ! Люціанъ!—кричала она,—вся точно сверкая возбужденіемъ.

Люціанъ, подстерегавшій до этого момента граціозную антилопу, лежа на животѣ въ сиреневомъ кусту, со всѣхъ ногъ бросился на зовъ старшаго брата. Онъ предполагалъ, что Базиль окруженъ теперь цѣлымъ табуномъ дикихъ пеккари и бѣжалъ къ нему на помощь, раздувая отъ быстраго бѣга ноздри и приготовляясь къ отчаянной схваткѣ. Однако, его опасенія не оправдались. Татьяна Михайловна спросила его:

— Люціанъ, а гдѣ-же Норманъ?—И она съ торопливымъ безпокойствомъ добавила:—Мы про него забыли, а мнѣ безъ него и отойти отсюда невозможно. Нельзя-же не стеречь нашихъ припасовъ? Моренго опять можетъ поѣсть у насъ бизоньи языки.—И она кивала головой на горсть сухихъ листьевъ, аккуратно сложенныхъ возлѣ нея на скамьѣ сада.

Безпокойство Базиля являлось вполнѣ основательнымъ, такъ какъ въ прошлое воскресенье Моренго, воспользовавшись забывчивостью охотниковъ, дѣйствительно, съѣлъ у нихъ цѣлыхъ четыре бизоньихъ языка, на что

Digitized by Google

въ присутствіи Нормана эта умная собачка никогда не отваживалась.

— Ахъ ты,—досадливо воскликнулъ Люціанъ, поводя плечомъ съ тѣмъ-же жестомъ, какъ и мать.

И онъ хотѣлъ доложить Базилю, что Норманъ, вѣроятно, тамъ, гдѣ быть ему и надлежитъ, т. е. торчитъ внизъ головой въ углу черной прихожей, рядомъ со своимъ хорошимъ другомъ—березовымъ вѣникомъ.

Но такой отвѣтъ тотчасъ-же показался ему оскорбительнымъ для репутаціи отважнаго канадца. И досадливо пожимая плечомъ, онъ капризно протянулъ:

— Норманъ этотъ вѣчно куда-нибудь запрячется!

Онъ серьезно поглядѣлъ на мать и со всѣхъ ногъ бросился на поиски канадца. Въ то-же время къ Базилю подбѣжали Францискъ и Моренго. Моренго ткнулся въ колѣни Базиля съ серебрянымъ смѣхомъ, и Базиль жадно обхватилъ его милую курчавую головку и сталъ осыпать ее любовными поцѣлуями. А Францискъ, въ бѣлой блузѣ и шелковомъ кушакѣ съ дѣловитой серьезностью на всемъ лицѣ, докладывалъ старшему брату:

— Мы съ Моренго нашли на дикой пашнѣ одну живую ветчину, жареный картофель и пирогъ съ яблоками.—Пироговъ, кажется, тамъ растетъ много!

Digitized by Google

Но Базиль не слышалъ этого. Солнца Египта, Бразиліи и всѣхъ тропическихъ странъ, взятыхъ вмѣстѣ, горѣли въ глазахъ суроваго путешественника по Канадѣ...

Когда Кондаревъ, еще весь полный дѣловымъ настроеніемъ, вошелъ въ садъ, золотыя верхушки деревьевъ уже погасли и мутная мгла ползла отъ рѣки къ плетневой изгороди сада. А на тихой луговинѣ, у зеленой скамьи, онъ нашелъ всѣхъ охотниковъ. Базиль сидѣлъ у самой скамьи, привалившись къ ней спиною; его глаза были закрыты; на немъ, пригрѣвшись между его грудью и рукою, лежалъ Моренго и тихо посапливалъ похожимъ на цвѣтокъ ротикомъ. Рядомъ, нервно раскинувъ руки и положивъ ноги на колѣна Базиля, спалъ впечатлительный Люціанъ. А Францискъ, привалившись къ плечу Люціана и подложивъ подъ щеку обѣ ладошки тихо, но внятно жевалъ въ просонкахъ губами. Францискъ отличался прожорливостью, иногда приводившей въ отчаяніе его старшаго брата Базиля, и теперь, очевидно, ему снились тѣ дикія пашни, на которыхъ растутъ въ сказочномъ изобиліи всякаго рода пироги и жареный картофель.

Кондаревъ внимательно оглядѣлъ ихъ всѣхъ. Онъ оглядѣлъ и Нормана, безмолвно сторожившаго бизоньи языки.

— Бизоньи языки цѣлы,—прошепталъ онъ.

Digitized by Google

Онъ сгребъ ихъ со скамьи и сталъ медленно пересыпать ихъ изъ одной руки въ другую.

— Цѣлы, цѣлы,—шепталъ онъ, задумчиво. И онъ снова положилъ листья на скамью, что-то шепча и поглядывая на спящихъ.

И вдругъ онъ порывистымъ жестомъ отвернулся отъ этой группы безконечно милыхъ ему существъ и, склонивъ голову, стиснулъ свои виски руками.

Свѣтлое счастье, какъ тихій ангелъ, витавшее надъ этой группой, внезапно показалось ему такой могучей красоты, такой божественной прелести, что онъ испугался чего-то. Онъ какъ будто призналъ себя недостойнымъ его, и онъ стоялъ блѣдный и потрясенный и ждалъ, что вотъ-вотъ ударитъ громъ и на смерть убьетъ его, или какъ дымъ развѣетъ это счастье.

— Ну, бейте меня,—шепталъ онъ помимо своей воли, съ мучительнымъ стономъ,—ну, бейте меня, если это надо, но за что же ихъ, за что-же ихъ, за-что же ихъ?..

Онъ готовъ былъ разрыдаться; и чтобы разогнать въ себѣ это чувство безконечной жалости и боязни за кого-то, онъ сталъ тереть руками виски и лобъ. И какъ будто-бы это успокоило его нѣсколько. Тогда онъ опустился на колѣни возлѣ жены и, бережно взявъ ея руку, сталъ нѣжно растирать ею свой лобъ. Жена раскрыла глаза и глядѣла на мужа съ

Digitized by Google

сонным недоумѣніемъ и улыбкой. А Кондаревъ, цѣлуя ея руку, шепталъ, задыхаясь отъ счастья, боязни и жалости:

— Мой милый Гудзоновъ заливъ, мой свѣтлый Гудзоновъ заливъ!

Черезъ часъ Кондаревъ полный энергіи щелкалъ у себя въ кабинетѣ на счетахъ, подсчитывая во что обойдутся ему постройки.

А Татьяна Михайловна сидѣла за воротами у рѣки на толстомъ бревнѣ. Рядомъ съ нею помѣщалась дородная тетушка Пелагея Семеновна. Татьяна Михайловна глядѣла на плывшую въ полѣ муть, а тетушка грызла кедровые орѣхи и, шевеля жирными, масляными губами, говорила:

— Ты по немъ тоскуешь, я это вижу. Онъ тѣбѣ любъ, и тебѣ отъ него не уйтить. Отъ Сергѣя Николаича. И что-же? Не та баба, которая сваво хвоста не замарамши жизнь прошла, а та баба, которая подолъ по самыя колѣна измызгала, и все-таки на чистый свѣтъ вышла; не согрѣшишь—не спасешься! Да.

III.

Опалихинъ, ясно улыбаясь, поправилъ на своей груди прекрасную душистую цѣпь, искусно сплетенную изъ жасминовъ съ пунцовою розою по срединѣ. Эту цѣпь сплели для него

Digitized by Google

Ложбинина и Людмилочка, и теперь онѣ съ звонкимъ смѣхомъ возложили ее на него, какъ на предсѣдателя и руководителя открывающихся Soirées intimes. Опалихинъ, сильный, изящный и обильно надушенный, сіяя холодными сѣрыми глазами, приготовлялся сказать маленькую рѣчь и лѣниво перебиралъ пальцами свою благовонную цѣпь. Въ помѣстительной столовой за большимъ круглымъ столомъ, на которомъ шипѣлъ самоваръ, стало на минуту тихо. Только сама хозяйка Вѣра Александровна Ложбинина еще посмѣивалась, переглядываясь съ Людмилой Васильевной или, какъ всѣ звали ее за глаза, Людмилочкой. Онѣ обѣ уже предвкушали то удовольствіе, которое имъ должна была, по ихъ предположенію, доставить рѣчь умнаго и милаго Сергѣя Николаевича. И та и другая—женщины лѣтъ 28-ми. Вѣра Александровна—немножко полная блондинка, а Людмилочка—худощава и рыжевата; обѣ они сумѣли какъ-то умненько отдѣлаться отъ своихъ мужей безъ скандала и съ приличнымъ обезпеченіемъ, такъ что мужья-же остались во всемъ виноватыми, и теперь онѣ наслаждались полнѣйшей самостоятельностью: по зимамъ жили въ Петербургѣ, а на лѣто пріѣзжали въ имѣнье Ложбининой. Тутъ же за круглымъ столомъ размѣщались всѣ участники четверговыхъ вечеринокъ; рядомъ съ

Digitized by Google

Людмилочкой сидѣлъ Столбунцовъ; онъ безпокойно вертѣлся на своемъ стулѣ, морщилъ бритое, какъ у актера, личико и порою поглядывалъ на бюстъ своей сосѣдки вороватыми мышиными глазками. Дальше, небрежно привалившись къ спинкѣ кресла и далеко вытянувъ ноги, одѣтый въ свѣтлый фланелевый костюмъ, помѣщался Грохотовъ, тонкій брюнетъ съ испаньолкой подъ нижней губой и мечтательными глазами. Онъ разсѣянно поглядывалъ на присутствующихъ и иногда, точно совершенно забывъ о нихъ, равнодушно выстукивалъ пальцами по колѣну, какой-то мотивъ. Рядомъ съ нимъ сидѣли Кондаревы—мужъ и жена. Мужъ глядѣлъ себѣ подъ ноги и устало жмурилъ глаза, а Татьяна Михайловна, нарядно одѣтая и надушенная, какъ будто немного дичилась. Впрочемъ, въ ея выразительныхъ глазахъ ярко сверкали порою оживленіе, удовольствіе и любопытство.

— Милостивыя государыни и милостивые государи!—наконецъ, заговорилъ Опалихинъ съ комичнымъ жестомъ.

Онъ оглядѣлъ всѣхъ присутствующихъ насмѣшливыми глазами и, доставъ изъ бокового кармана пиджака маленькую тетрадочку почтовой бумаги, продолжалъ:

— Наше дружно и тѣсно сплоченное общество поощренія смѣха, веселья и радостей съ

Digitized by Google

нынѣшняго дня открываетъ свои еженедѣльныя вечеринки. Цѣль каждаго изъ участниковъ этихъ вечеринокъ должна быть одна: стараться собрать въ свою дорожную торбу, какъ можно болѣе радостей. А попутно мы будемъ сшибать своими ногами предразсудки, тѣ самые предразсудки, которые до того придавили своею обузою свободное сердце человѣка, что его жизнь стала похожей на жизнь каторжника. Итакъ-съ попутно мы будемъ бороться съ ними.

— То-есть, какъ это бороться? — спросилъ Грохотовъ, поднимая лѣнивые и мечтательные глаза, и по его лицу было видно, что онъ тотчасъ же забылъ о своемъ вопросѣ.

Опалихинъ холодно оглядѣлъ его. Кондаревъ сидѣлъ блѣдный и устало жмурилъ глаза. Татьяна Михайловна вся превратилась во вниманіе.

— То-есть,—продолжалъ Опалихинъ съ надменной улыбкой,—каждый предразсудокъ, который попадется намъ на дорогѣ, мы бережно изловимъ, внимательно оглядимъ, какъ рѣдкостное насѣкомое, и затѣмъ прикинемъ на вѣсахъ чистаго разума...

— Опять разумъ!—внезапно вскрикнулъ Кондаревъ и задохнулся отъ нервной дрожи.

Всѣ оглядѣли его съ недоумѣніемъ.

— Разумъ,—между тѣмъ, продолжалъ онъ,—

Digitized by Google

въ свѣтлой душѣ—это крыло ангела а въ темной—волчій зубъ и лисій хвостъ!

И онъ замолчалъ.

— И затѣмъ прикинемъ на вѣсахъ чистаго разума,—настойчиво повторилъ Опалихинъ, не обращая на Кондарева ни малѣйшаго вниманія.— И если,—продолжалъ онъ, — насѣкомое вывѣситъ хотя сотую долю золотника, мы спрячемъ его въ свою торбу, благословимъ и скажемъ: плодитесь, размножайтесь и населяйте землю, а не вывѣситъ—вышвырнемъ его за бортъ.

При послѣднихъ словахъ Опалихинъ даже повысилъ голосъ, и все его лицо точно освѣтилось надменнымъ вызовомъ.

— Браво, браво,—тихо захлопала въ ладошки Вѣра Александровна.

Столбунцовъ визгливо расхохотался, и его маленькіе глазки лукаво забѣгали, какъ у вороватаго и трусливаго звѣрька.

— Мы долго и много терпѣли отъ этихъ насѣкомыхъ,—между тѣмъ, запальчиво продолжалъ Опалихинъ,—а теперь мы сказали: „довольно! мы хотимъ жить!“ И мы занялись пересмотромъ всѣхъ цѣнностей, всѣхъ до единой, желая, наконецъ, всѣмъ сердцемъ радостей и счастья. А желаніе жизни—развѣ оно не естественно для живого существа?

— Конечно,—заговорилъ онъ уже болѣе спокойно,—каждый изъ насъ обязанъ относиться

Digitized by Google

къ другому вполнѣ вѣжливо, уважая въ немъ ту или другую цѣнность,—и только-съ! На большее пусть не претендуетъ никто! И если жизнь столкнетъ кого-либо изъ насъ съ его сосѣдомъ,—каждый воленъ считать передъ собою всѣ пути открытыми, всѣ средства возможными, и пусть будетъ побѣда за смѣлымъ.

— Браво, браво, — снова захлопала въ ладошки Вѣра Александровна.

— И что-же,—спросилъ Кондаревъ,—когда Опалихинъ, наконецъ, кончилъ свою рѣчь,—что же подъ этимъ уставомъ расписаться что-ли надо? И онъ кивнулъ на тетрадку почтовой бумаги, которую вертѣлъ въ своихъ рукахъ Опалихинъ.

— А это какъ хочешь,—отвѣчалъ тотъ съ усмѣшкой.

— Что же, я подпишусь, — устало сказалъ Кондаревъ,—но только добавлю: разумъ — это волчій зубъ и лисій хвостъ. Хочешь?

Опалихинъ разсмѣялся.

— Добавляй, добавляй, — проговорилъ онъ сквозь смѣхъ,—но ты только этимъ признаешь то, что у тебя душа темная.

— У меня душа ни темная и ни свѣтлая, а такъ... сѣрая въ яблокахъ! — расхохотался Кондаревъ хриплымъ смѣхомъ,—что бывало съ нимъ только тогда, когда онъ сердился. И онъ сдѣлалъ рукою рѣзкій, совсѣмъ купеческій жестъ.

Digitized by Google

Послѣ чая онъ тотчасъ же отправился домой, оставивъ Татьяну Михайловну у Ложбининой. Онъ ссылался на то, что ему надо дома кое-чѣмъ распорядиться, заняться кое-какими дѣлами, но онъ обѣщалъ покончивъ съ дѣлами, снова возвратиться сюда часа черезъ три, четыре. Отъ усадьбы Ложбининой до усадьбы Кондаревыхъ было всего версты полторы, и онъ ушелъ пѣшкомъ.

Между тѣмъ, вечеринка продолжалась своимъ чередомъ. Вся компанія ѣздила кататься на лодкѣ, затѣмъ зажгла на берегу Вершаута костеръ, пѣла хоровыя пѣсни, и Столбунцовъ отплясывалъ даже у пылающаго костра канканъ, обрядившись въ юбку, которую ему, какъ оказалось, заранѣе приготовила Людмилочка. Затѣмъ вышло какъ-то такъ, что Опалихинъ и Татьяна Михайловна остались въ саду одни, съ глазу на глазъ.

Они ходили по аллеѣ сада и бесѣдовали. Она, взволнованная и возбужденная, съ огоньками въ глазахъ и поблѣднѣвшимъ лицомъ, говорила ему:

— Я какъ-то слышала отъ васъ, Сергѣй Николаевичъ, о какомъ-то царствѣ разума, гдѣ людямъ будетъ хорошо, очень хорошо, но гдѣ люди не будутъ любить другъ-друга...

Она не договорила. Ее перебилъ Опалихинъ.

Digitized by Google

— А развѣ люди теперь и здѣсь любятъ другъ друга?—спросилъ онъ ее.—Вы сказали: „гдѣ люди не будутъ любить другъ друга“. Да. Тамъ они не будутъ любить другъ друга совершенно точно такъ же, какъ они не любятъ и здѣсь. А не любятъ, такъ какъ это противно ихъ природѣ. Какъ я могу любить человѣка, ударившаго меня въ сердце? Я этого не могу, и переродиться не въ моей власти! Онъ замолчалъ, пожавъ плечомъ.

— Но, по крайней мѣрѣ,—сказала Татьяна Михайловна, — люди теперь знаютъ, что они должны любить. Это ужъ и то хорошо!

Опалихинъ снова пожалъ плечомъ.

— Я знаю,—проговорилъ онъ съ улыбкой,— я знаю, что долженъ вамъ тысячу рублей: но я также прекрасно знаю, что я никогда ихъ вамъ не отдамъ, такъ какъ я банкротъ. Легче-ли вамъ отъ этого?

— Да, — воскликнула Кондарева съ живостью,—мнѣ уже легче отъ вашего сознанія! И мнѣ было бы больнѣе, если бы вы совсѣмъ не признавали вашего долга!

— Ну, да,—небрежно усмѣхнулся Опалихинъ,— вы меня немножко поймали, такъ какъ я привелъ не совсѣмъ удачный примѣръ. Въ этомъ примѣрѣ я уже призналъ, что взялъ у васъ нѣкоторую сумму. Но если я ее у васъ не бралъ, а заработалъ ее самъ, своими ру-

Digitized by Google

ками, своимъ горбомъ, своей головой, тогда какъ прикажете мнѣ поступить?

Онъ заглянулъ ей въ самое лицо насмѣшливыми и холодными глазами. Она молчала въ замѣшательствѣ, потупивъ голову. Свѣтъ мѣсяца, заливавшій весь садъ, освѣщалъ и ея лицо, и оно казалось мертвенно блѣднымъ. Въ саду было тихо; деревья не шевелились, словно оцѣпенѣвъ въ сказочномъ снѣ, и необычайная тишина точно оковала и садъ, и воздухъ, и небо. Взрывы хохота, доносившіеся порою въ садъ изъ раскрытыхъ оконъ дома, казались неимѣющими ничего общаго съ этой цѣломудренной тишиною, и они быстро умирали здѣсь, какъ существа, вышедшія изъ другого міра. И тишина попрежнему оставалась недоступной и гордой.

— Въ царствѣ разума,—наконецъ, заговорилъ Опалихинъ, — люди отнимутъ возможность у того, у другого, у третьяго, у каждаго, вредить себѣ. Вредить будетъ не выгодно. И на томъ спасибо. А любить — это, пожалуй, слишкомъ жирно.

Они молча снова прошли всю аллею и вновь повернули назадъ. Свѣтъ мѣсяца разливался на пескѣ аллеи, и отраженія деревьевъ дрожали въ этомъ зеленоватомъ свѣтѣ, какъ въ водѣ.

Опалихинъ заговорилъ.

— Тамъ, въ томъ царствѣ, работать будетъ

Digitized by Google

полезно, а вредить невыгодно. И слава Богу! И это ужъ очень хорошо. Это почти все! Зачѣмъ же мечтать о кисельныхъ берегахъ, недоступныхъ ни намъ, ни нашимъ внукамъ, когда у насъ почти подъ самымъ носомъ рисуются ей-Богу же порядочныя страны. Но, конечно, — добавилъ онъ, — чтобы приплыть къ нимъ, надо работать, а работать-то мы какъ разъ и не любимъ. Намъ гораздо пріятнѣе мечтать.

И онъ говорилъ все на ту же тему смѣло и просто; она слушала его молча и какой-то новой жизнью, содержательной, ясной, полной радостей и смысла вѣяло на нее отъ его словъ. Мѣсяцъ поднимался все выше, заливая зеленоватымъ свѣтомъ весь садъ. И они тихо двигались въ этомъ свѣтѣ среди непробудной тишины.

Они подошли къ бесѣдкѣ, пріютившейся между кустовъ сирени на небольшой луговинѣ, въ самой окраинѣ сада. Здѣсь было еще свѣтлѣе и торжественнѣе, и тишина казалась напряженнѣе. Они вошли въ бесѣдку.

Мутный сумракъ залилъ ихъ своими волнами; въ бесѣдкѣ было темно, хотя лунный свѣтъ вливался сюда и въ два окна, и въ дверь тремя широкими и тихими потоками. Они молча сѣли, она—въ кресло, онъ на кушетку. Развернутая книжка валялась на крошечномъ столикѣ съ малиновою доскою, бѣлѣя въ полумра-

Digitized by Google

кѣ. Вѣра Александровна иногда любила почитать здѣсь книгу, заглядывая сюда даже и вечеромъ, и у одной изъ стѣнъ бесѣдки, на черной широкой тумбѣ, стояла предусмотрительно приготовленная пара бронзовыхъ подсвѣчниковъ, громадныхъ и тяжелыхъ, изображающихъ двухъ сатировъ съ факелами въ рукахъ. Лунный свѣтъ мягко сверкалъ на ихъ козлиныхъ ногахъ и на ихъ плоскихъ лицахъ, и сатиры точно пересмѣивались, угрожая другъ другу каждый своимъ факеломъ.

Бесѣдка стояла почти на самомъ обрывѣ, которымъ заканчивался садъ, круто сбѣгавшій къ Вершауту, и поверхность рѣки виднѣлась сквозь окно мутнымъ, дымящимся пятномъ.

Опалихинъ и Кондарева оба глядѣли на это тусклое пятно и молчали. Казалось тишина сада, лунный свѣтъ и вся эта сказочная ночь натянули струны ихъ душъ до невѣроятной напряженности, такъ что было достаточно одной упавшей на нихъ песчинки, чтобы они издали одинъ и тотъ же аккордъ. Опалихинъ боролся съ этимъ оцѣпенѣніемъ души и хотѣлъ начать разговоръ; но борьба нѣкоторое время оказывалась безплодной и онъ не находилъ на своемъ языкѣ нужныхъ словъ. Наконецъ, онъ вздохнулъ и сказалъ:

— Да-съ, Татьяна Михайловна; такъ-то-съ. Возлюби,—это вѣдь только сказать просто, а

Digitized by Google

на дѣлѣ выходитъ зачастую совсѣмъ даже невыполнимо. Вѣдь вы вотъ меня не любите, а я ли не молю вашей любви?—внезапно добавилъ онъ съ усмѣшкой. И онъ поблѣднѣлъ; Татьяна Михайловна поблѣднѣла тоже.

— Вы не о той любви говорите,—прошептала она, склоняя блѣдное лицо.

— Ахъ, не о той, — протянулъ Опалихинъ съ гнѣвной дрожью въ губахъ,—не о той! Вамъ надо любовь сахарную, тепленькую, жиденькую, слабенькую, такъ, чтобы не обжечься, не поперхнуться, не опьянѣть, но и не напиться. Да? О,—воскликнулъ онъ,—благодарю васъ за угощенье, но мнѣ-то этого совсѣмъ не нужно. И онъ засмѣялся сердитымъ смѣхомъ. — Мнѣ нужна,—продолжалъ онъ,—живая любовь, съ кровью и тѣломъ, счастьемъ и мукой,—могучая, земная, вотъ такая любовь,—шепталъ онъ, внезапно поднимаясь съ кушетки,—вотъ такая любовь, какою я люблю васъ!

Онъ замолчалъ и задумчиво прошелся взадъ и впередъ по бесѣдкѣ. Лицо его было блѣдно до неузнаваемости и оно озарялось теперь какою-то новою мыслью. И вдругъ онъ круто повернулся и сдѣлалъ шагъ, чтобы идти къ Кондаревой. Однако, онъ тотчасъ-же остановился съ жестомъ досады. Въ дверяхъ бесѣдки неожиданно появился Кондаревъ. Онъ увидѣлъ ихъ и весело закричалъ:

Digitized by Google

— Господа, пожалуйте ужинать. Торопитесь; Столбунцовъ въ азартѣ и это преуморительно! Онъ расхохотался звонкимъ смѣхомъ.

Татьяна Михайловна сидѣла смущенная. Опалихинъ глядѣлъ на Кондарева и думалъ: „Слышалъ ли онъ мои слова или нѣтъ?“ „Да конечно же нѣтъ!“—рѣшилъ онъ, увидѣвъ ясные какъ у ребенка глаза Кондарева. Онъ оглядѣлъ его насмѣшливо.

— Идите же,—между тѣмъ совершенно весело говорилъ Кондаревъ, — идите же, идите же, Богъ съ вами!

Всѣ втроемъ они двинулись въ домъ и всю дорогу Кондаревъ, не умолкая, трещалъ безпечно и весело. Однако, у самаго балкона онъ нѣсколько замѣшкался, и когда Опалихинъ и Татьяна Михайловна, миновавъ его, скрылись въ дверяхъ дома, онъ ухватилъ себя за голову и съ тоскою подумалъ:

— А? Что же это такое? И Таня, Таня молчала! Онъ обхватилъ перила балкона руками, точно боясь упасть. Нѣкоторое время онъ простоялъ такъ съ блѣднымъ лицомъ и печальными глазами. И вдругъ торжествующая злобная улыбка искривила его губы.

— Ну-съ,—что же, Сергѣй Николаичъ, подумалъ онъ,—кто же изъ насъ сильнѣе: я или ты? а?

И онъ сталъ тихо подниматься по ступенямъ балкона.

Digitized by Google

Ночью у себя дома, когда Татьяна Михайловна уже спала въ своей постели крѣпкимъ и сладкимъ сномъ, онъ сидѣлъ у окна спальни, глядѣлъ въ притихшій садъ и думалъ, думалъ объ Опалихинѣ.

— Охъ, Сергѣй Николаевичъ,—думалъ онъ, а вѣдь я много сильнѣе тебя, только я силушки свои желѣзными цѣпями оковалъ, а ты ихъ, какъ павлиній хвостъ, распустилъ, и самъ на себя дивишься не надивуешься. Силенъ не тотъ, кто цѣпи съ себя сорвалъ, а тотъ-кто самъ ихъ на себя наложилъ!

IV.

Солнце клонилось къ закату, но въ полѣ было еще совсѣмъ свѣтло, и пѣсни жаворонковъ доносились оттуда въ усадьбу, какъ звонъ серебряныхъ колокольчиковъ.

Татьяна Михайловна сидѣла на крыльцѣ своего дома, слушала это живое и радостное пѣнье полей и глядѣла на бабу. А баба съ коричневымъ лицомъ и коричневыми руками стояла прямо противъ нея, тыкала пальцемъ въ свою ногу и говорила:

— И кто ее знаетъ, отчего эта самая болѣзнь прикинулась, но только болитъ третій день. Ни тебѣ встать, ни тебѣ сѣсть, ни тебѣ

Digitized by Google

ходить. Можжитъ, — и весь сказъ. Пошла я третьеводни въ клѣтушку за мучицей, и дивибы чернымъ словомъ обмолвилась или еще что; а то даже ни Боже мой. А она, моя матушка, словно кто ее подъ колѣнку шиломъ ткнулъ. И свѣту не взвидѣть!

Баба замолчала, печально покачивая головой. Татьяна Михайловна, поглядывая за ворота усадьбы, думала:—„Опалихинъ обѣщалъ сегодня пріѣхать, а самъ не ѣдетъ". „А впрочемъ, мнѣ-то больно нужно", добавила она мысленно. И заглянувъ въ лицо бабы, она сказала:

— Въ больницу съѣзди, Матрена,—а у меня, какія же у меня лекарства? развела она руками.

— А великимъ постомъ давала,—какъ тогда помогло! вздохнула баба.—Скупишься ты! Вотъ что! Эхъ, матушка, и безъ того богата, на что тебѣ больше-то? и такъ сундуки полны.

— Да я не скуплюсь вовсе, а только я вѣдь тогда давала отъ горла, а теперь нога.

— Оно не только отъ горла, — говорила баба.—У Васютки головка болѣла, примочила я ему головку,—головѣ легче. У кума Захара къ сердцу подкатывало, размѣшала я ему ложечку на стаканъ квасу—какъ тебѣ рукой сняло. Оно не только отъ горла. Дай ты мнѣ его сдѣлай милость.

— Да вѣдь не поможетъ!—пожала плечомъ Татьяна Михайловна.

Digitized by Google

— Поможетъ. Дай, родная. Дай, золоченая. Дай,—заставь за себя Бога молить,—вздыхала баба, кланяясь коричневымъ, унылымъ лицомъ.

Татьянѣ Михайловнѣ пришлось уступить; она поднялась съ крыльца и вынесла то, что просила баба. Это былъ слабый растворъ борной кислоты.

Баба, ковыляя, ушла, а Татьяна Михайловна осталась на крыльцѣ.

„Обѣщалъ пріѣхать, а самъ не ѣдетъ. И зачѣмъ ему нужно видѣть меня?“ думала она объ Опалихинѣ. Эти думы преслѣдовали ее, помимо ея воли, помимо ея желанія, какъ стая надоѣдливыхъ мухъ, и она тщетно пыталась уйти отъ нихъ въ какое-нибудь дѣло, въ какую-нибудь книгу, въ какое-нибудь занятіе. Работа не клеилась, а книга не читалась, и цѣлый день она бродила въ странной тревогѣ и безпокойствѣ, точно отравленная какимъ-то напиткомъ.

„И зачѣмъ ему нужно видѣть меня?“ думала она, и ея глаза съ недоумѣніемъ глядѣли на окружающее. Однако и на крыльцѣ ей не сидѣлось, и она пошла въ садъ, полная замѣшательства и недоумѣнія передъ тѣмъ чувствомъ, которое поднималось въ ея сердцѣ. По дорогѣ она припоминала вчерашнія слова Опалихина.

Цѣлую недѣлю послѣ разговора съ нею въ бесѣдкѣ онъ какъ будто избѣгалъ ее, а вчера

Digitized by Google

во время разъѣзда съ вечеринки отъ Ложбининой онъ внезапно подошелъ къ ней и, поблѣднѣвъ всѣмъ лицомъ, шепнулъ:

— Завтра я пріѣду къ вамъ. Не браните меня за это.—Онъ точно подождалъ ея отвѣта и тѣмъ же шепотомъ добавилъ:—Андрея Дмитрича завтра не будетъ дома; онъ уѣдетъ къ Грохотову смотрѣть велосипедъ съ бензиновымъ двигателемъ.

Чуть замѣтная усмѣшка скользнула по его надменнымъ губамъ, и онъ торопливо ушелъ отъ нея.

Татьяна Михайловна вошла въ садъ. Дѣти съ возбужденными лицами играли на луговинѣ въ какую-то игру; увидѣвъ ее, они со всѣхъ ногъ бросились къ ней, весело крича: „Гудзоновъ заливъ, Гудзоновъ заливъ!“ Но она отклонила ихъ просьбы; ей совсѣмъ не хотѣлось играть, и они ушли отъ нея нѣсколько опечаленныя и удивленныя. Мать раньше такъ рѣдко отказывала имъ въ ихъ дѣтскихъ просьбахъ, что теперь это ихъ озадачило. И удаляясь, они переговаривались съ нѣкоторымъ безпокойствомъ и взволнованными жестами, постоянно оглядываясь на мать. И странно было видѣть замѣшательство и недоумѣніе на миломъ розовомъ личикѣ трехлѣтняго Юры. Онъ чаще всѣхъ оглядывался на мать и, прикладывая пальчикъ къ губамъ, шепталъ:

Digitized by Google

— Тись-тись, мама бобо!

Въ переводѣ на языкъ взрослыхъ это означало: „тише, тише, мама больна!“

Но мать не видѣла этого милаго личика. Глазами, полными недоумѣнія и тревоги, она глядѣла на садъ и не видѣла ничего и никого.

И вдругъ въ ея глазахъ вспыхнули оживленіе и радость; она услыхала веселый говоръ бубенчиковъ и поняла, что это пріѣхалъ Опалихинъ. Порывисто она приподнялась со скамьи, готовая идти туда, но не пошла; радость быстро смѣнилась въ ея глазахъ выраженіемъ безпокойства и тревоги и нѣкоторое время она стояла въ странномъ замѣшательствѣ, не зная, что ей теперь надо дѣлать, что предпринять, куда идти, что говорить. И она рѣшила было уйти въ глубь сада, чтобы нѣсколько оттянуть моментъ встрѣчи. Но уходить было уже поздно. Опалихинъ шелъ алеей на встрѣчу къ ней, ясный и веселый, легкой и смѣлой походкой увѣреннаго въ своихъ силахъ человѣка. Рядомъ съ нимъ плыла дородная тетушка Палагея Семеновна. Опалихинъ увидѣлъ Татьяну Михайловну и, приподнимая съ головы мягкую сѣрую шляпу, весело и звонко крикнулъ:

— Здравствуйте, Татьяна Михайловна! Мнѣ нужно было повидать Андрея Дмитрича, а его-то какъ разъ и нѣтъ.

Онъ приблизился къ ней, они поздоровались.

Digitized by Google

Вскорѣ Палагея Семеновна степенно уплыла къ дому, чтобы распорядиться чаемъ и было слышно, какъ она бряцала тяжеловѣсной связкой ключей, доставая ее по дорогѣ изъ своего необъятнаго кармана. Наконецъ, она скрылась въ дверяхъ. Они остались одни; они присѣли на скамью подъ тѣнью липы и заговорили о разныхъ пустякахъ, о сосѣдяхъ, о Столбунцовѣ, о Людмилочкѣ. Говорили они съ оживленіемъ, перебивая другъ друга, съ веселыми и рѣзкими жестами; но это оживленіе и эти жесты казались совсѣмъ неестественными, и было видно, что каждый изъ нихъ ждетъ отъ своего сосѣда совсѣмъ не тѣхъ словъ и не тѣхъ взглядовъ, но желаетъ скрыть это даже отъ самого себя. Съ такимъ же точно возбужденіемъ и жестами пойманный воришка доказываетъ порою свою невинность любопытной публикѣ, и самъ какъ будто вѣритъ своимъ словамъ.

И вдругъ разговоръ изсякъ; въ то же время взглядъ Татьяны Михайловны упалъ на играющихъ дѣтей, и странное, жуткое замѣшательство снова овладѣло ею; безотчетное желаніе уйти куда-нибудь, чтобы дѣти не видѣли ихъ вмѣстѣ, всколыхнулось въ ней; по выраженію ея лица онъ угадалъ ея желаніе, хотя онъ совсѣмъ не такъ объяснилъ его себѣ. И чтобы вывести ее изъ затрудненія, онъ первый предложилъ ей пойти въ осиновую рощу.

Digitized by Google

Она молча поднялася со скамьи и двинулась рядомъ съ нимъ по желтому песку аллеи. Осиновая роща лежала тутъ же за садомъ, на берегу Варшаута, и вся состояла изъ нѣсколькихъ десятковъ прямыхъ и высокихъ осинъ, стройно вздымавшихся на веселыхъ луговинахъ. Ранней весной здѣсь обыкновенно пасли телятъ, почему дѣти звали эту рощицу телячьимъ садомъ. Обогнувъ садъ, они пришли сюда. Зеленыя луговины рощи весело глянули на нихъ. Они медленно двинулись узкой дорогой, опушенной кое-гдѣ лиловыми тюльпанами, и молчали съ озабоченными лицами. Косые лучи солнца ярко сверкали на вершинахъ осинъ, пронизывая воздухъ привѣтливымъ тепломъ. Невидимыя птицы позванивали въ кустахъ шиповника, бузины и волчьей ягоды, разбросанныхъ тамъ и сямъ по полянамъ, и можно было подумать, что это весело перекликаются сами кусты, радуясь теплому вечеру.

— Вы знаете, зачѣмъ я пріѣхалъ къ вамъ сегодня?—внезапно спросилъ ее Опалихинъ, и она видѣла, какъ поблѣднѣло его лицо, опушенное бѣлокурой бородкой.

Она не отвѣчала ни слова и только ниже опустила голову. Онъ подождалъ ея отвѣта и досадливо качнувъ головой, продолжалъ:

— Вы отмалчиваетесь, Татьяна Михайловна, —это нехорошо. Я хочу знать правду о ва-

Digitized by Google

шихъ чуствахъ ко мнѣ, какою-бы горькою ни оказалась эта правда, а вы уклоняетесь.—Это нехорошо!—повторилъ онъ сердито.

— Слушайте,—продолжалъ онъ,—и она услышала въ его голосѣ звуки тревоги и страданія.—Слушайте. Я люблю васъ, я не могу безъ васъ жить, и мнѣ нужно слышать отъ васъ искренній и правдивый отвѣтъ. Не бойтесь-же правды. Если вы не любите меня, скажите прямо, и клянусь вамъ,—почти вскрикнулъ онъ, —клянусь вамъ, я на этой-же недѣлѣ продамъ имѣніе и уѣду отсюда навсегда. Я не буду стучаться въ безнадежно закрытую дверь, клянусь вамъ!—повторилъ онъ въ волненіи, — это не въ моихъ правилахъ!

— А жить рядомъ съ вами, видѣть и слышать васъ, и знать, что вы меня не любите,— заговорилъ онъ,—я не въ силахъ, я не могу. Неужели-же для меня нѣтъ и клочка счастья? За что? Не мучайте-же меня больше и скажите хоть что-нибудь. Я и безъ того измученъ уже достаточно.

Онъ досадливо передернулъ плечами; его движенія, всегда плавныя и спокойныя, дѣлались рѣзкими.

— Вѣрите-ли вы, — снова вскрикнулъ онъ, какъ-бы сердясь на самого себя, — вѣрите-ли вы, что я начинаю терять голову и самообладаніе, что я не могу порою работать, а вы

Digitized by Google

знаете, какъ я люблю трудъ и какъ высоко цѣню его.

Онъ замолчалъ, тяжело дыша; они двигались рядомъ по узкой дорогѣ, въ тепло нагрѣтомъ воздухѣ яснаго вечера. Низкорослые кусты весело перекликались на луговинахъ. Листья осинъ трепетали, какъ бьющіяся подъ окномъ бабочки, и шелестъ жизни носился по рощѣ радостными и короткими вздохами.

Наконецъ, Татьяна Михайловна прошептала:

— Я замужемъ. Я не должна даже слушать васъ. Что вы говорите мнѣ?

Онъ сердито вскрикнулъ:

— А я развѣ виноватъ, что встрѣтилъ васъ позже, чѣмъ вашъ мужъ?

Онъ замолчалъ съ рѣзкимъ жестомъ, и она увидѣла въ его обыкновенно ясныхъ и холодныхъ глазахъ небывалые огни.

— И потомъ, — добавилъ онъ, — я первый разъ слышу, что замужество есть причина калѣчить жизнь, есть отреченіе отъ счастья. Это вздоръ; дѣло не въ этомъ, все дѣло въ вашемъ чувствѣ!

Онъ снова замолчалъ, точно пережидая спазму, давившую его горло.

— Страсти,—наконецъ, заговорилъ онъ взволнованно, — онѣ сильнѣе насъ, мы ничтожные аппараты, на одно мгновенье воспринимающіе лишь отраженіе жизни, а страсти—это вѣчная

Digitized by Google

мысль міра, это сама жизнь. Ничтожное и грязное чувство въ ничтожномъ и грязномъ человѣкѣ—это блоха, которую можно раздавить однимъ пальцемъ, а страсть—бѣшеная и дикая лошадь, и какимъ мундштукомъ остановлю я ея разбѣгъ? И нужно-ли останавливать?

Онъ замолчалъ, оглядывая ее; два красныхъ пятна мерцали на ея блѣдныхъ щекахъ, подъ самыми глазами, и онъ чувствовалъ горячій трепетъ ея глазъ подъ опущенными рѣсницами. И этотъ трепетъ снова взволновалъ его нѣсколько утомившееся сердце.

— Такъ что-же вы молчите?—крикнулъ онъ сердито и рѣзко,—любите-ли вы меня? Да, или нѣтъ? Я жду, слышите-ли, я жду и не уйду отсюда безъ отвѣта.

Внезапно она остановилась, повернулась къ нему порывистымъ движеніемъ и подняла на него глаза; горячій трепетъ уже погасъ въ нихъ и они были тусклы; ея губы тихо дрогнули, готовясь дать отвѣтъ. Онъ притихъ, точно оцѣпенѣвъ, и ему показалось, что вокругъ все оцѣпенѣло, замерло и притихло—и небо, и роща, и воздухъ,—точно теченіе жизни остановилось на одно мгновеніе. Съ трудомъ онъ переводилъ дыханіе.

— Я васъ не люблю,—наконецъ, прошептала она,—уходите.

Но онъ не уходилъ. Съ минуту онъ глядѣлъ

Digitized by Google

на нее съ выраженіемъ страха и страданія въ потемнѣвшихъ глазахъ; но затѣмъ, какъ-бы сдѣлавъ надъ собой усиліе, онъ круто повернулся и быстро пошелъ отъ нея. И вдругъ онъ закачался, какъ пьяный. Она вскрикнула, боясь, что сейчасъ онъ упадетъ.

Онъ повернулся къ ней мертвенно-блѣднымъ лицомъ.

— Не безпокойтесь,—прошепталъ онъ кривящимися губами,—я не упаду. Все-же во мнѣ есть кое-какія силки, вы ихъ взяли не всѣ-съ. И я забуду васъ,—вскрикнулъ онъ,—будьте увѣрены! Но ломать чувства я-бы вамъ не совѣтывалъ. Это богохульство!

Онъ разсмѣялся сердитымъ смѣхомъ.

— А за правду спасибо, — продолжалъ онъ осиплымъ голосомъ,—завтра-же напечатаю объявленіе о продажѣ имѣнія по сходной цѣнѣ. Прощайте!

Онъ хотѣлъ двинуться дальше и даже сдѣлалъ уже движеніе, но внезапно увидѣлъ на ея лицѣ новое выраженіе, одну новую черточку, которая поразила его и совершенно измѣнила его намѣреніе. Быстрой и рѣшительной походкой онъ подошелъ къ ней. И заглядывая въ ея блѣдное лицо, улыбающееся виноватой, жалкой улыбкой пристыженнаго человѣка, онъ прошепталъ:

— Завтра, ровно въ 6 часовъ я приду туда,

Digitized by Google

къ „Поющимъ ключамъ“?—И, кивнувъ головою на ту сторону Вершаута, онъ добавилъ:

Но зачѣмъ такъ страдать! Этого не надо; повѣрьте, этого никому не надо!

Виноватая, блѣдная и пристыженная, она стояла передъ нимъ. Но, однако, она прошептала:

— Я туда не приду. Но ради Бога, не продавайте вашего имѣнья. Ради Бога... Мнѣ будетъ тяжко...

Опалихинъ внимательно оглядѣлъ всю ея словно сломленную фигуру, досадливо пожалъ плечами и, круто повернувшись, пошелъ отъ нея прочь.

— Хорошо-съ, словно обронилъ онъ по дорогѣ рѣзко—хорошо-съ!

V.

Надъ обширной площадью города Присурска стояли облака вонючей и ѣдкой пыли, а сама площадь ревѣла, какъ звѣрь, громыхала желѣзомъ, кричала, волновалась, и играла на органахъ какой-то разухабистый вальсъ. Дикіе взвизги башкиръ проносились съ конскихъ рядовъ и прорѣзывали весь этотъ гвалтъ ястребинымъ крикомъ, пугая ребятъ. Татьяна Михайловна, усталая, и насквозь пропыленная,

Digitized by Google

возвращалась съ ярмарки въ номеръ гостинницы, гдѣ она остановилась. Она закупила уже все, что ей было нужно, но выѣхать домой она могла только завтра утромъ, такъ какъ уже было поздно. Ей предстояло переночевать въ номерахъ. И она какъ будто даже была рада этому. Послѣдніе дни состояніе ея духа было таково, что она искала одиночества всѣмъ сердцемъ. На ярмарку она уѣхала черезъ день послѣ того, какъ Опалихинъ объяснился ей въ любви, и она уѣхала вотъ именно съ этой цѣлью, чтобъ немножко разсѣяться, чтобъ уйти отъ навязчивыхъ думъ, чтобъ забыть тѣ слова, которые такъ странно зажигали ее всю и позоромъ и счастіемъ. И теперь, возвращаясь къ себѣ въ номеръ въ пролеткѣ плохого извозчика, она припоминала ихъ, эти ужасныя слова:

— Я люблю васъ; я не могу безъ васъ жить!

И ей при одномъ воспоминаніи дѣлалось жутко.

Пріѣхавъ въ гостинницу, она вся вымылась, переодѣлась въ легкій капотъ и не зажигая свѣчи, сѣла у окна въ кресло. Сѣрыя сумерки стояли въ комнатѣ, какъ сѣтка тумана, а она сидѣла и напряженно думала о чемъ-то.

И вдругъ она услышала, что кто-то прошелъ мимо двери ея номера, у самаго порога какъ-бы въ колебаніи замедливъ шагъ. Она

Digitized by Google

испуганно привстала съ кресла вся полная жуткихъ чувствъ. Съ минуту она простояла такъ въ задумчивости, бѣлѣя въ сумракѣ странно поблѣднѣвшимъ лицомъ, готовая въ отчаяніи заломить руки. Ее всю словно обожгла мысль. Она думала: „Ужели то, уже пришли ко мнѣ, и мнѣ неуйти отъ него ни куда".

Съ острымъ трепетомъ она тихохонько подошла къ двери и, слегка пріотворивъ ее, стала глядѣть въ корридоръ съ громко бьющимся сердцемъ. „Пришло, пришло", думала она, едва не стуча зубами отъ страха и тоски. Однако, въ корридорѣ все было тихо и, повидимому, спокойно. Сѣрыя сумерки ползли между стѣнъ, какъ туманъ. Она все стояла и слушала, бѣлѣя помертвѣвшимъ лицомъ. И тутъ ей показалось, что кто-то слѣдитъ за ней, такъ-же, какъ и она, слегка пріотворивъ дверь въ другомъ концѣ корридора и полный такихъ же чувствъ. Она стремительно отшатнулась отъ двери, тихо подошла къ креслу и едва не упала въ него. Она вздрогнула; въ дверь ея номера тихо вошелъ Опалихинъ. Онъ былъ блѣденъ и даже какъ будто сконфуженъ. Она сидѣла, не поднимая на него глазъ.

— Какая гадость,—заговорилъ онъ робко,— я подглядываю за вами, я выслѣживаю васъ! Развѣ вы не видите этого!

Digitized by Google

Онъ развелъ руками, какъ-бы поджидая ея словъ. Она попрежнему молчала.

— Что-же ты молчишь?—вдругъ вскрикнулъ онъ,—вѣдь я-же люблю тебя!

Онъ передохнулъ въ волненіи и снова рѣзко вскрикнулъ:

— Иль ты, не видишь моихъ мукъ? Тебѣ стыдно? заговорилъ онъ уже тихо и покачалъ головою, какъ-бы съ сожалѣніемъ,—кого? чего? А меня мучить не стыдно?—снова вскрикнулъ онъ сердито.—Такъ слушай-же ты, когда такъ!—сдѣлалъ онъ рѣзкій жестъ.—Любовь все разрѣшаетъ и все оправдываетъ, и я всѣхъ обманулъ, чтобъ пріѣхать къ тебѣ, слышишь-ли, всѣхъ! а ты... какъ ты безжалостна,—покачалъ онъ головою. И вдругъ онъ припалъ къ ней и обхватилъ ея станъ руками. Внезапно въ ея сердцѣ проснулась злоба; она уперлась въ его грудь руками, чтобъ оттолкнуть его отъ себя, но что-то пришло къ ней, что сильнѣе этой злобы и задушило эту злобу, какъ кошка душитъ воробушка. Она вся обезсилила и будто покатилась въ какую-то пропасть.

Черезъ два дня, когда Татьяна Михайловна сидѣла у себя въ саду, къ ней словно мимоходомъ зашелъ Опалихинъ и быстро проговорилъ:

— Приходи завтра къ „Поющимъ Ключамъ“ въ 6 часовъ! Хорошо?

Digitized by Google

Та молча кивнула головою и поблѣднѣла. А онъ снова торопливо проговорилъ:

— А сейчасъ прощай. Сегодня я не хочу видѣть твоего мужа.

И онъ пошелъ отъ нея легкой и смѣлой походкой, но въ самой калиткѣ едва не столкнулся лбомъ съ Кондаревымъ.

— А-а, протянулъ онъ холодно и насмѣшливо,—тебя-ли я вижу, мой лучшій другъ?

Онъ шутливо расшаркался передъ нимъ. Между тѣмъ, Кондаревъ смотрѣлъ на него во всѣ глаза. Ему казалось, что онъ видитъ на этомъ лицѣ отраженіе чувствъ, одно подозрѣніе о которыхъ повергало его въ трепетъ. Съ большимъ трудомъ онъ стряхнулъ съ себя тягостныя мысли и сказалъ:

— А сейчасъ я встрѣтился съ Грохотовымъ и уговорился съ нимъ ѣхать завтра къ тебѣ поглядѣть поля.

Опалихинъ разсмѣялся.

— И какъ разъ не во-время, — отвѣчалъ онъ со смѣхомъ,—завтра я буду занятъ. Впрочемъ, — добавилъ онъ послѣ нѣкотораго колебанія,—до шести часовъ я еще могу располагать своимъ временемъ, а тамъ—извините-съ!

И Кондареву вновь показалось, что онъ видитъ на этомъ лицѣ выраженіе, такъ испугавшее его только сейчасъ. Между тѣмъ, Опалихинъ быстро пожалъ его руку за локоть и

Digitized by Google

пошелъ къ своему экипажу бодро и весело. А Кондаревъ глядѣлъ ему вслѣдъ и съ тоскою думалъ: „Да быть-же этого не можетъ. Это что-нибудь да не такъ, что-нибудь не такъ!“

Долго онъ ходилъ по двору, странно обезпокоенный и встревоженный, съ тоскою въ сердцѣ и, наконецъ, вошелъ въ домъ. Когда онъ нашелъ жену, она сидѣла на балконѣ блѣдная и усталая, съ нераскрытой книгой въ рукахъ. Онъ поцѣловалъ ея руку и, пройдясь изъ угла въ уголъ по балкону, небрежно сказалъ:

— А знаешь, Таня, что я надумалъ?

Она подняла на него глаза съ страннымъ, безразличнымъ выраженіемъ и оглядѣла его, какъ какую-то вещь. Этотъ взглядъ ударилъ его по сердцу. Еще ни разу она не глядѣла на него такъ. И припомнивъ выраженіе лица Опалихина, онъ подумалъ: „Такъ неужели-же это правда? Неужели-же все рѣшено и подписано?“

— А знаешь, Таня, что я надумалъ?—повторилъ онъ, — поѣдемъ завтра съ дѣтьми пить чай?

— Когда?—спросила она его безучастно.

— Послѣ обѣда, часовъ въ шесть? — и онъ притихъ съ захолонувшимъ сердцемъ, поджидая ея отвѣта.

Она отвѣчала:

Digitized by Google

— Прекрасно. Поѣдемъ.

„Такъ что-же это такое? — подумалъ Кондаревъ, — неужели-же произошла ошибка? А если нельзя вѣрить глазамъ и сердцу, такъ кому-же послѣ этого вѣрить?“

VI.

Кондареву не спалось всю ночь. Онъ то безпокойно ворочался съ боку на бокъ въ своей постелѣ, то вставалъ и садился въ кресло у открытаго окна спальни съ тревожными глазами и тяжестью на сердцѣ. И прислушиваясь къ таинственнымъ ночнымъ голосамъ, шелестящимъ по кустамъ сада, онъ думалъ о женѣ: „Итакъ, что-то она скажетъ завтра за обѣдомъ. Если она поѣдетъ въ луга, — значитъ произошла ошибка, а не поѣдетъ, — я не ошибся, и глаза мои меня не обманули“. Только подъ утро онъ, наконецъ, уснулъ усталый и разбитый.

Но только что онъ поднялся съ постели, какъ тревога и безпокойство снова захватили его въ свои лапы, и онъ напрасно искалъ средства, чтобы унять эту мучительную тоску души. Все утро вплоть до самаго обѣда онъ ходилъ самъ не свой, не зная, какъ убить время, весь полный тревоги, безпокойства и

Digitized by Google

какого-то лихорадочнаго томленія. А за обѣдомъ онъ небрежно спросилъ жену:

— Ну, что-же, Таня, ѣхать что-ли сегодня пить чай въ луга?

Онъ на минуту замолчалъ, чувствуя замираніе сердца и съ большимъ усиліемъ, принимая небрежный видъ, добавилъ:

— Съ дѣтьми, конечно. Въ Гудзоновъ заливъ, тамъ сыграемъ. Я за Нормана буду охранять ваши припасы. Такъ часиковъ около шести?

Татьяна Михайловна долго молчала и глядѣла на мужа какими-то замкнутыми глазами. Пелагея Семеновна сказала:

— И впрямь, Танюша, не съѣздить-ли?

Она поглядѣла и на тетку съ выраженіемъ той-же замкнутости въ свохъ большихъ и темныхъ глазахъ и, наконецъ, отвѣчала:

— Нѣтъ, я не поѣду. Мнѣ что-то нездоровится сегодня. Послѣ обѣда мнѣ хочется погулять одной.

Кондаревъ чуть не вскрикнулъ. Однако онъ ни слова не сказалъ женѣ, а тотчасъ-же послѣ обѣда онъ велѣлъ осѣдлать себѣ лошадь и поѣхалъ къ Грохотову. „Такъ, такъ,—думалъ онъ по дорогѣ, тихо покачиваясь въ покойномъ казачьемъ сѣдлѣ, — глаза и сердце не обманываютъ; лгутъ только языки".

А у самыхъ воротъ обширной, но безпоря-

Digitized by Google

дочной Грохотовской усадьбы ему неожиданно пришло въ голову: „Одну цѣпочку я уже съ себя сбросилъ; лисій хвостъ начинаетъ дѣйствовать и даже весьма удовлетворительно. Скоро-ли будетъ работать волчій зубъ?“

Около шести часовъ Татьяна Михайловна, съ блѣднымъ лицомъ и тревожнымъ выраженіемъ въ глазахъ, вышла изъ воротъ усадьбы; она торопливо обогнула садъ и повернула налѣво по берегу Вершаута, направляясь къ тому мѣсту, гдѣ черезъ его тихія воды переброшенъ узкій переходъ. Чтобъ пройти туда, къ „Поющимъ ключамъ“, ей было необходимо перебраться на тотъ берегъ. Тамъ между невысокими и лѣсистыми холмами, часто заросшими молодою березой и тонкимъ орѣшникомъ, есть тѣнистый оврагъ съ зелеными отлогими берегами и каменистымъ русломъ. Оврагъ этотъ доходитъ до самого Вершаута, но лишь неглубокой канавкою, а начинается онъ по ту сторону холмовъ отъ крестьянскихъ пашенъ саженнымъ обрывомъ. И здѣсь-то, съ этого обрыва, въ русло оврага падаютъ съ разныхъ высотъ тонкія струи семи родниковъ, разнося по тѣнистой рощѣ скорбное пѣнье плачущихъ водъ, за что крестьяне и прозвали этотъ оврагъ „Поющими ключами“. Они говорили даже, что „Поющіе ключи“ надѣлены даромъ пророчества и могутъ предсказывать засуху; что пе-

Digitized by Google

редъ засухою они поютъ тоньше, слезливѣе и жалостнѣе.

— „Поющіе ключи“ Лазаря затянули,—говорили крестьяне,—быть засухѣ.

И послѣ молебствій о дождѣ они жадно прислушивались: не запѣлъ-ли „ключъ“ веселѣе?

А каждый годъ дня за два передъ тѣмъ, какъ Вершауту сломать ледъ эти „ключи“ гудѣли какъ труба, оглашая тѣнистыя окрестности стономъ.

— Наметки, братцы мои, готовить надо,—говорили въ такія минуты крестьяне,—„ключи“ рыбамъ Христосъ Воскресе запѣли!

Къ этимъ-то „ключамъ“ и отправилась Татьяна Михайловна. Скоро она услышала ихъ скорбное пѣнье, горькой жалобой разносившееся по тѣнистымъ скатамъ оврага. Она вошла въ русло, безпокойно оглядѣлась и даже на минуту остановилась, точно прислушиваясь къ какому-то голосу. Затѣмъ, она будто что-то припомнила и стала медленно подниматься по отлогому берегу ската. И тутъ она увидѣла Опалихина. Онъ сидѣлъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нея подъ тѣнью березы и курилъ папиросу, сдвинувъ на затылокъ мягкую сѣрую шляпу. Онъ увидѣлъ ее и, порывисто поднявшись съ травы, быстро пошелъ къ ней на встрѣчу.

А она замерла безъ движенія подъ тѣнью

Digitized by Google

березы и припала къ ея стволу мертвенно блѣдною щекою. Онъ все ближе и ближе подходилъ къ ней, улыбаясь, радостно протягивая ей обѣ руки и любуясь ея темными глазами, полными скорби, между тѣмъ, какъ ея лицо не выражало собою ни восторга, ни радости встрѣчи. Это было скорбное лицо мученицы, добровольно пришедшей на позоръ и муки.

Онъ тихо взялъ ея руки, медленно поцѣловалъ ихъ и положилъ къ себѣ на плечи.

Татьяна Михайловна принадлежала къ старому купеческому роду. Еще ребенкомъ она осталась сиротою и воспитывалась сначала въ старовѣрческомъ Хвалынскомъ монастырѣ у тетки, теперь уже умершей; тамъ ее научили рукодѣлью, читать и писать, и давали заучивать наизусть „Богородицыны сны" и тексты апокрифическихъ евангелій. А затѣмъ на двѣнадцатомъ году, когда умерла ея тетка, дѣвочку взялъ въ свой домъ ея крестный. Таню отдали въ пансіонъ для благородныхъ дѣвицъ, одѣли по модѣ, и пятнадцати лѣтъ она уже бойко читала на французскомъ языкѣ романы Поль-де-Кока и Монтепена.

Въ домѣ-же крестнаго она познакомилась и съ будущимъ своимъ мужемъ Андреемъ Дмитріевичемъ Кондаревымъ,—тогда безбородымъ юношею, вольнослушателемъ сельско-хозяйст-

Digitized by Google

венной академіи. Онъ только что получилъ въ то время послѣ смерти отца богатое наслѣдство, но жилъ замкнуто, избѣгалъ шумныхъ купеческихъ попоекъ, и купцы съ удивленіемъ говорили про него:

— Отецъ до старости первый бабникъ и сорви голова былъ, а сынъ—на вотъ, поди! Чистый монахъ! Чудны дѣла твои, Господи!

Но этотъ задумчивый и скорбный монахъ приглянулся пылкой дѣвушкѣ съ милымъ сумбуромъ въ хорошенькой головкѣ, гдѣ тексты апокрифовъ мирно уживались рядомъ съ страницами французскихъ бульварныхъ романовъ.

И они поженились.

Между тѣмъ, Кондаревъ, устало вытянувъ ноги, сидѣлъ въ обширномъ кабинетѣ Грохотова и жмурилъ каріе глаза. А Грохотовъ, одѣтый въ какой-то черный шелковый подрясникъ, ходилъ мимо него по кабинету, шелестя шелкомъ и говорилъ;

— Моя жена и дѣти уѣхали въ Крымъ, и я радъ; мнѣ никто не мѣшаетъ работать, и я теперь пишу по фарфору цѣлыми днями.

Онъ подходилъ къ безчисленнымъ столикамъ своего кабинета, бралъ съ нихъ едва высохшія доски фарфора и показывалъ Кондареву картину за картиною; тому обыкновенно нравились рисунки Грохотова, необыкновенно нѣжные и мяг-

Digitized by Google

кіе, но теперь ему было не до нихъ и онъ невнимательно проглядывалъ всѣхъ этихъ безконечныхъ ангеловъ съ странными глазами, которыхъ по преимуществу рисовалъ Грохотовъ. Здѣсь былъ и „ангелъ раздумья", и „ангелъ скорби", и „ангелъ-губитель", и „падшій ангелъ". Этотъ послѣдній произвелъ на Кондарева странное впечатлѣніе, онъ даже никакъ не предполагалъ, что его можно изобразить именно такимъ, какимъ изобразилъ Грохотовъ. А Грохотовъ написалъ его въ свѣтлой ризѣ, съ свѣтлымъ тѣломъ, съ божественными чертами лица и только выраженію его глазъ онъ придалъ какую-то необычайную замкнутость. Казалось, изображенный имъ небожитель сознавалъ всю тьму своего паденія, но не желалъ повѣдать міру о своихъ мысляхъ и чувствахъ. И Кондаревъ глядѣлъ на него и думалъ:

„Почему діаволъ произведенъ не изъ темныхъ стихійныхъ силъ міра, а отъ божественной природы ангела? Какая страшная мысль заключена въ этомъ?"

И въ то-же время онъ припоминалъ, что такое же точно выраженіе замкнутости онъ видѣлъ сегодня за обѣдомъ у своей жены.

А Грохотовъ, шелестя своимъ шелковымъ подрясникомъ, показывалъ ему уже новую доску фарфора съ изображеніемъ окровавленнаго и

Digitized by Google

опозореннаго тѣла христіанской мученицы, привязанной къ хвосту дикаго буйвола. И съ лѣнивой мечтательностью въ глазахъ онъ говорилъ Кондареву:

— Когда Столбунцовъ увидѣлъ у меня эту картину, онъ загоготалъ и захлебнулся отъ восторга. Можете себѣ это представить? Какъ-нибудь иначе онъ не въ состояніи смотрѣть на обнаженное женское тѣло. Оно всегда вызываетъ въ немъ хохотъ. Онъ, можетъ быть, и не виноватъ въ этомъ, а мнѣ въ тотъ вечеръ хотѣлось застрѣлиться.

Онъ хотѣлъ еще что-то сказать Кондареву, но тотъ внезапно поднялся и сталъ прощаться. Часы кабинета пробили семь разъ, и онъ вспомнилъ, что сейчасъ ему нужно дѣйствовать.

— Лисій хвостъ, лисій хвостъ, — шепталъ онъ, усаживаясь въ казачье сѣдло,—что-то мы сейчасъ съ тобою узнаемъ?

Когда онъ въѣзжалъ во дворъ Опалихина, тѣни безпокойства исчезли съ его лица, принявшаго его обыкновенное выраженіе усталости. Онъ передалъ лошадь конюху и черезъ нѣсколько минутъ уже сидѣлъ въ кабинетѣ Опалихина и, прихлебывая изъ стакана чай, устало говорилъ:

— Вотъ теперь я что-то не припомню, Сергѣй Николаевичъ, какъ это ты говорилъ: если жизнь столкнетъ одного изъ насъ съ другимъ...

Digitized by Google

Опалихинъ разсмѣялся и сказалъ:

— Такъ каждый воленъ считать за собой всѣ пути открытыми.

— Такъ неужели-же всѣ?—спросилъ его Кондаревъ, жмуря глазами, и подчеркивая слово „всѣ".

— Всѣ,—повторилъ Опалихинъ твердо.

— А если я употреблю мошенническій пріемъ?

— А „уложеніе о наказаніяхъ"?—вопросомъ-же отвѣтилъ Опалихинъ.

— Такъ неужели-же ты признаешь только одно „уложеніе"?—воскликнулъ Кондаревъ со скорбью въ голосѣ.

Опалихинъ оглядѣлъ его спокойными и ясными глазами.

— А тебѣ чего-же еще надо?—спросилъ онъ насмѣшливо.

Кондаревъ безпокойно завозился на стулѣ.

— Ну хоть признай слово „стыдно"—снова воскликнулъ онъ. Все его лицо выражало безконечныя муки, и онъ ждалъ отвѣта Опалихина съ тоскою въ глазахъ.

Опалихинъ отвѣчалъ:

— Стыдиться надо только глупости.

Кондаревъ вскочилъ со стула и безпокойно заходилъ изъ угла въ уголъ.

— Ну, а слово „нехорошо"?—спросилъ онъ останавливаясь передъ Опалихинымъ и все еще

Digitized by Google

взволнованный.—Что ты о немъ скажешь, объ этомъ словѣ?

— Объ этомъ словѣ,—переспросилъ Опалихинъ съ холодной усмѣшкой,—объ этомъ словѣ исписали цѣлые пуды бумаги, а на провѣрку вышло: нехорошо для всякаго, да вкусно для Якова.

Онъ звонко разсмѣялся. Кондаревъ долго и внимательно глядѣлъ въ его ясные глаза и, наконецъ, махнулъ рукой.

— Ты за своей вѣрой,—сказалъ онъ устало, —какъ за каменной стѣною; тебя не вышибить оттуда никакой пушкою. Что-же, можетъ быть, ты и правъ!

Опалихинъ надменно улыбнулся.

— Моя вѣра хороша уже тѣмъ, — проговорилъ онъ,—что она проста и чужда путаницы. А это, ей-Богу, большое достоинство.

Кондареву хотѣлось злобно крикнуть:

— А у собакъ еще проще!

Однако, онъ не крикнулъ этого и снова безпокойно заходилъ изъ угла въ уголъ, заложивъ руки въ карманы и устало глядя себѣ подъ ноги.

— А я тебя вотъ еще о чемъ спрошу,—заговорилъ онъ, наконецъ, послѣ долгой паузы, въ то время, какъ Опалихинъ спокойно прихлебывалъ свой чай.—Такъ вотъ о чемъ,—снова повторилъ онъ,—почему по богословской

Digitized by Google

легендѣ безконечно злое существо діавола создано изъ безконечно благого ангельскаго? Почему? Неужто въ цѣломъ мірѣ не нашлось другого болѣе подходящаго матерьяла? Какъ ты объ этомъ думаешь? И Кондаревъ уставилъ на Опалихина тусклый взоръ.

Опалихинъ звонко расхохотался.

— А я объ этомъ никакъ не думаю, — сказалъ онъ,—да и тебѣ не совѣтую!

— Нѣтъ, отчего-же,—усмѣхнулся дѣланной улыбкою Кондаревъ.—А я объ этомъ думаю вотъ какъ,—продолжалъ онъ.—Я думаю, что, если большое зло создано по легендѣ изъ большого блага, такъ только потому, что оно самый подходящій для этого матерьялъ; я думаю, что въ психологіи между двумя крайностями разстояніе гораздо короче, чѣмъ между серединой и любымъ изъ концовъ. Понялъ? По математикѣ это, можетъ быть, абсурдъ, а въ психологіи—аксіома, и изъ Павла Иваныча Чичикова ничего кромѣ Чичикова не вылѣпишь, а изъ Ивана Грознаго могъ выйдти Антоній Великій!

Онъ передохнулъ, чувствуя, что его охватываетъ съ головы до ногъ жуткое и мучительное волненіе. И привычнымъ жестомъ потеревъ себѣ виски, онъ продолжалъ:

— Ты говорилъ какъ-то, что я все-же представляю изъ себя нѣкоторый матерьялъ, изъ

Digitized by Google

котораго можно кое-что вылѣпить, но это невѣрно. Я—золотая середина, а изъ середины ничего кромѣ середины-же не выйдетъ. Ни бе, ни ме, ни папа, ни мама, ни то, ни это! А вотъ ты,—ближе придвинулся онъ къ Опалихину,—это дѣло другого рода, ты почти у предѣла, и изъ тебя можно сотворить кое-что недурное, но для этого,—понизилъ онъ голосъ до шепота,—для этого...

Онъ замолчалъ; дыханіе злобы обожгло его своимъ мучительнымъ огнемъ, и ему хотѣлось крикнуть:

— Но для этого, можетъ быть, тебя нужно ударить ногою въ лицо!

Онъ взглянулъ на Опалихина загорѣвшимися глазами.

— А гдѣ ты былъ сегодня въ 6 часовъ?—неожиданно спросилъ онъ его, измѣняя сразу тонъ и голосъ.

Его вопросъ былъ такъ внезапенъ, что тѣнь смущенія метнулась по спокойному лицу Опалихина: онъ даже слегка поблѣднѣлъ, что не ускользнуло отъ вниманія Кондарева. Однако, скоро онъ овладѣлъ собою и съ насмѣшливой улыбкою спросилъ Кондарева:

— А тебѣ на что?

И подражая отвѣту Каина, онъ съ сердитымъ смѣхомъ добавилъ:

— Развѣ ты пастырь друга своего?

Digitized by Google

— Нѣтъ,—засмѣялся и Кондаревъ,—но мой конюхъ сказалъ, что видѣлъ тебя въ 6 часовъ на мельницѣ, а я подумалъ: ужъ не думаетъ-ли онъ перенести туда молотильный приводъ. А, вѣдь, водой молотить куда выгоднѣе!—съ внезапной веселостью воскликнулъ онъ.—Какъ ты думаешь?

И Кондаревъ тронулъ рукою колѣно Опалихина.

Тотъ равнодушно пробурчалъ:

— Да, я былъ на мельницѣ.

„И вовсе нѣтъ",—подумалъ Кондаревъ, — „тебя, голубчикъ, тамъ совсѣмъ не было! Это я знаю навѣрно. Я, вѣдь, тебѣ о конюхѣ-то нарочно навралъ, а ты, какъ ворона, въ супъ!"

Было уже поздно, когда Кондаревъ, наконецъ, вернулся домой. Весь домъ былъ погруженъ во мракъ и тусклыми стеклами печально глядѣлъ на притихшій садъ. Кондаревъ тихо прошелъ въ спальню; Татьяна Михайловна еще не спала, но лежала уже въ постели. Мужъ подошелъ къ ней и поцѣловалъ ея руку. Въ спальнѣ было сумрачно; только огонекъ лампадки мигалъ передъ образами, и странныя зеленыя тѣни трепетали по стѣнамъ и потолку комнаты. Кондаревъ сбросилъ съ себя свѣтлый лѣтній пиджакъ и остался въ черной шелковой рубахѣ. Онъ былъ какъ-то удивительно настроенъ; свѣтъ лампадки и эти странныя зеленыя тѣни

Digitized by Google

точно пугали его, и ему хотѣлось двигаться осторожнѣе и говорить тише.

— Ты гдѣ гуляла сегодня, Таня?—внезапно спросилъ онъ ее, присаживаясь на подоконникъ.

Она молчала; онъ видѣлъ ея блѣдное лицо, рѣзко бѣлѣвшее въ полумракѣ комнаты и пытливо уставился въ него. Она шевельнулась; она хотѣла сказать: „Въ осиновой рощѣ". Но тутъ-же ей пришло въ голову: „А что, если онъ былъ тамъ и меня не нашелъ?"

Наконецъ, она отвѣчала:

— Такъ гуляла... по берегу Вершаута.

А Кондаревъ съ тоскою подумалъ: „О, какъ ты долго стала раздумывать надъ такими пустыми вопросами!"

VII.

Татьяна Михайловна спала съ блѣднымъ лицомъ и трепещущими рѣсницами, натянувъ до самого горла одѣяло. Мужъ долго и внимательно глядѣлъ на нее, прислушиваясь къ ея тихому дыханію. Затѣмъ, онъ снялъ съ своихъ ногъ высокіе сапоги, обулся въ мягкіе татарскіе ичеги, а на плечи накинулъ желтаго сукна поддевку.

Неслышно ступая красными сафьяновыми

Digitized by Google

ичегами, онъ снова подошелъ къ постели, гдѣ спала жена. Уперевъ руки въ бока, онъ глядѣлъ на нее и думалъ:

„Жизнь по старой вѣрѣ ушла, начинается жизнь по новой вѣрѣ. А что-же? Можетъ быть-тамъ еще слаще?“ Онъ усмѣхнулся кривой усмѣшкой и задумчиво покачалъ головою.

— Стыдиться можно только глупости,—прошепталъ онъ,—и что не хорошо для всякаго, то вкусно для Якова.

Онъ вздохнулъ, снова покрутилъ головой и подумалъ:

„Ну, что-же, Сергѣй Николаевичъ, когда такъ, такъ ужъ и я къ Яковамъ сопричислюсь. Если ужъ тянуться, такъ на одной палкѣ. Но только понравится-ли это вамъ?“

Онъ окинулъ унылымъ взоромъ комнату, точно прощаясь со всѣми наполнявшими ее вещами, близкими его сердцу. Въ комнатѣ было тихо. Свѣтъ лампадки мигалъ передъ сверкающими ризами образовъ, и странныя тѣни трепетали на стѣнахъ и потолкѣ; порою онѣ забирались даже на постель и осторожно подползали къ самой подушкѣ, какъ будто любопытствуя заглянуть въ блѣдное лицо спящей женщины. Но каждый разъ онѣ поспѣшно уходили оттуда, точно напуганныя чѣмъ-то. Кондаревъ осторожно пошелъ вонъ изъ комнаты; онъ намѣревался пройти въ садъ; ему было

Digitized by Google

необходимо обдумать кое-какую идею, съ самаго утра неуловимо мелькавшую передъ нимъ, а здѣсь онъ не могъ сосредоточиться. Эти трепетавшія зеленыя тѣни врывались помимо его воли въ его душу и вносили раздоръ, тревогу и смуту. Въ саду онъ облегченно вздохнулъ всею грудью. Онъ прошелъ аллею разъ и два, тщетно пытаясь уловить мелькающую передъ нимъ нить, напрягая всѣ силы своего воображенія.

Въ аллеяхъ было тихо; темная, молчаливая ночь неподвижно стояла въ саду въ такой непробудной тишинѣ, что жизнь ни однимъ звукомъ не рѣшалась напомнить о себѣ. Ни одинъ листокъ не шевелился. Только Кондаревъ ходилъ взадъ и впередъ по аллеѣ, и его безпокойный видъ такъ былъ чуждъ этой тишинѣ, что садъ глядѣлъ на него въ гордомъ недоумѣніи. И внезапно Кондарева точно что осѣнило; онъ чуть не вскрикнулъ отъ изумленія и торжества; онъ нашелъ, наконецъ, то, что было ему такъ необходимо. Сначала онъ даже какъ будто не вѣрилъ себѣ и хватался за виски, точно провѣряя себя, но каждый разъ послѣ такой провѣрки онъ шепталъ:

— Нѣтъ, это такъ, такъ, такъ.

Онъ поспѣшно двинулся въ домъ; ему мучительно хотѣлось приняться за работу сегодня-же.

Digitized by Google

— А тамъ посмотримъ, что изъ этого выйдетъ,—шепталъ онъ блѣдными губами.

Онъ прошелъ къ себѣ въ кабинетъ, сбросилъ съ своихъ плечъ поддевку и зажегъ лампу. Затѣмъ онъ подошелъ къ столу, сосредоточенно выбралъ изъ портфеля самый плохенькій и обыкновенный конвертъ и такой-же листъ почтовой бумаги. И то, и другое онъ оглядѣлъ со вниманіемъ со всѣхъ сторонъ; вѣроятно онъ остался доволенъ сдѣланнымъ выборомъ и присѣлъ къ столу. На конвертѣ измѣненнымъ почеркомъ онъ изобразилъ: „Мѣстное. С. Н. Опалихину". Послѣ этого онъ принялся за письмо. Писалъ онъ его долго, тѣмъже измѣненнымъ почеркомъ, порою отрываясь отъ работы, потирая лобъ и хмуря брови. Казалось онъ обдумывалъ каждое слово, прежде чѣмъ занести его на бумагу, такъ какъ отъ каждаго слова здѣсь зависѣло все. Уже бѣлесоватый разсвѣтъ заглянулъ въ окна его комнаты своими мутными и ничего невыражающими глазами, когда наконецъ онъ дописалъ его.

Вотъ что онъ прочиталъ въ немъ:

„Милый, хорошій. Пишу тебѣ въ страхѣ и ужасѣ. У меня голова идетъ кругомъ, и я прошу твоей помощи, твоего совѣта. Читай это письмо внимательнѣй и помоги мнѣ твоимъ умомъ. Сейчасъ мужа нѣтъ дома, онъ уѣхалъ въ поле, откуда вернется не скоро, и

Digitized by Google

я пишу тебѣ довольно храбро. А въ почтовый ящикъ я брошу его сама.

Такъ вотъ слушай. Мужъ устроилъ мнѣ вчера ужасную сцену. Онъ ревнуетъ меня къ тебѣ. И онъ умолялъ меня открыть ему всю правду. Онъ то плакалъ у моихъ ногъ, то грозилъ, что сейчасъ поѣдетъ къ тебѣ и убьетъ тебя. И я боюсь, боюсь! Я знаю, какимъ дикимъ онъ бываетъ въ гнѣвѣ. И я думаю, не лучше-ли сказать ему все? Правда его обезоружитъ,—я въ этомъ увѣрена. Онъ все можетъ простить, все, кромѣ лжи. Но какъ я могу сдѣлать такой рѣшительный шагъ безъ твоего совѣта? И вотъ что я придумала, милый. Слушай-же меня. Ты напишешь мнѣ письмо, но адресуешь его такъ: Въ усадьбу такого-то, прислугѣ Матренѣ Федотовой. А самое письмо начнешь такими словами: Милая дочь, Матрена. Затѣмъ,—если ты совѣтуешь мнѣ сказать мужу всю правду, ты напиши: Вчера я купилъ корову. А если твой совѣтъ—лгать: Вчера я купилъ лошадь. Послѣ этихъ словъ можешь писать, что угодно. Условныя фразы я записала и не собьюсь. Запиши и ты ихъ; а это письмо тотчасъ-же уничтожь. Пиши-же, родной, скорѣй, поддержи меня такъ или иначе. Я колеблюсь. Письмо подпиши: „твой отецъ Евстигней Федотовъ". Такое письмо попадетъ только въ мои руки. И ты не бойся. А если-бы оно

Digitized by Google

и попало въ чьи-нибудь руки, такъ тотъ ничего не пойметъ. Я взвѣсила все. — Пишу измѣненнымъ почеркомъ и письма не подписываю. Боюсь. Жду письма. Цѣлую. Будь точенъ въ условныхъ фразахъ".

Кондаревъ внимательно перечиталъ письмо нѣсколько разъ, затѣмъ запечаталъ его въ конвертъ и спряталъ въ бумажникъ. Послѣ этого онъ отправился въ спальню. Однако ему долго не спалось, несмотря на ужасную усталость и головную боль. И поглядывая на потолокъ тусклыми глазами, онъ все думалъ о только-что написанномъ письмѣ. Въ немъ какъ будто была предусмотрѣна каждая мелочь, но онъ все-таки провѣрялъ себя. „Въ письмѣ,—думалъ онъ,—адреса не указано, тамъ говорится: „въ усадьбу такого-то", и подписи автора нѣтъ, а слѣдовательно, если получится письмо „въ усадьбу Кондарева",—это будетъ уликою. Господинъ Опалихинъ отвѣтитъ туда, гдѣ проживаетъ его возлюбленная; это ясно, и ему предоставленъ широкій выборъ".

„Конечно, — думалъ Кондаревъ черезъ минуту,—онъ пожалуй и совсѣмъ не отвѣтитъ, но кажется ловушка поставлена такъ хитро, что и умный звѣрь можетъ влетѣть съ головою. Во всякомъ случаѣ полученіе письма отъ Евстигнѣя явится такою уликою, черезъ которую не перепрыгнешь".

Digitized by Google

Кондаревъ уснулъ тяжелымъ сномъ. Впрочемъ, цѣлую недѣлю онъ протаскалъ это письмо въ своемъ бумажникѣ. Онъ какъ будто не рѣшался бросить его въ почтовый ящикъ, сознавая, что этимъ поступкомъ онъ порветъ съ прежнимъ своимъ міромъ всѣ цѣпи, всѣ до единой, и уйдетъ въ новый міръ головокружительныхъ ощущеній, весь съ головою и безъ остатка. И ему было и больно, и жутко, и страшно. Но факты, дразнившіе его подозрительность, все накоплялись, а Опалихинъ все сильнѣй и сильнѣй подзадоривалъ его своимъ катехизисомъ, и черезъ недѣлю Кондаревъ украдкой бросилъ письмо въ почтовый ящикъ.

— Ну, что-же? — шепталъ онъ, выходя съ почты,—что не хорошо для всякаго, вкусно для Якова!

А черезъ два дня онъ снова былъ уже въ почтовой конторѣ. Онъ былъ блѣденъ, какъ мѣлъ, когда чиновникъ выдавалъ ему его корреспонденцію, и пальцы его рукъ дрожали. И вдругъ стѣны конторы запрыгали передъ его глазами, а воздухъ сдѣлался спертымъ до головокруженія. Кондаревъ едва устоялъ на ногахъ; среди газетъ и журналовъ онъ увидѣлъ письмо; оно было заадресовано такъ: „Мѣстное. Въ усадьбу А. Д. Кондарева, прислугѣ Матренѣ Федотовой“.

Забравъ все, что далъ ему чиновникъ, онъ

Digitized by Google

чуть не опрометью выскочилъ въ дверь, впрыгнулъ въ экипажъ и съ бѣшеной злобою крикнулъ кучеру:

— Пошелъ-же, чортъ ихъ подери!

Кучеръ пустилъ тройку во весь духъ, едва только они выѣхали въ поле; онъ зналъ, что баринъ любитъ бѣшеную ѣзду, и ему хотѣлось потѣшить барина. А Кондаревъ дѣйствительно любилъ хорошую ѣзду, и зимой, пока еще можно ѣздить тройкою, онъ иногда, когда ему хотѣлось прокатиться на славу, бралъ съ собой дождевой зонтикъ.

Этимъ зонтомъ онъ пугалъ пристяжныхъ, съ шумомъ раскрывая его передъ ихъ глазами и бывалъ доволенъ, когда онѣ несли его такъ, что только снѣгъ злобно визжалъ подъ санями. Такое катанье онъ называлъ „потѣхой души".

И теперь эта „потѣха души" нѣсколько успокоила Кондарева. Въ воротахъ усадьбы онъ выпрыгнулъ изъ экипажа и отправился въ поле. Тамъ на зеленой межѣ онъ вскрылъ конвертъ. Онъ не ошибся. Письмо начиналось такъ: „Милая дочь Матрена! Вчера я купилъ лошадь". А въ подписи значилось: „твой отецъ Евстигнѣй Федотовъ". Вмѣстѣ съ конвертомъ онъ бережно спряталъ это письмо въ бумажникъ и справился съ своей записной книжкою, гдѣ онъ нашелъ замѣтку слѣдующаго содержанія: „А если твой совѣтъ—лгать: Вчера я купилъ лошадь",

Digitized by Google

Онъ съ злобной усмѣшкою подумалъ: „Такъ вы мнѣ лгать совѣтуете, Сергѣй Николаевичъ? Будемъ стараться!“

Онъ сунулъ руки въ карманы и безпокойно заходилъ по межѣ.

Въ полѣ было тихо; сильно нагрѣтый воздухъ рѣзко сверкалъ, и свѣтлая зыбь съ мягкимъ шелестомъ ползала по волнующейся поверхности.

Кондаревъ съ искаженнымъ лицомъ внезапно вскрикнулъ:

— Такъ ты драться хочешь? Драться? Такъ что-же—будемъ драться!—Онъ хрустнулъ пальцами и тѣмъ-же осиплымъ голосомъ добавилъ:

— Но знай, что я буду бить тебя твоею-же палкою. Помни-же! Твоею-же поганою палкою!

Онъ круто повернулся и направился къ себѣ въ усадьбу.

Татьяна Михайловна испуганно вздрогнула, когда въ дѣтскую, гдѣ она сидѣла за работой, неожиданно вошелъ мужъ.

— Гдѣ Гудзоновъ заливъ?—спросилъ онъ ее.

Она съ недоумѣніемъ поглядѣла на него.

— Что такое ты говоришь?

— Куда ты подѣвала Гудзоновъ заливъ?—повторилъ Кондаревъ съ напускной строгостью.

Она вмѣсто отвѣта внезапно припала къ

Digitized by Google

столу и тихо расплакалась. Кондаревъ подошелъ къ ней и, нѣжно трогая ея плечо, зашепталъ:

— Ну что? О чемъ ты? Что съ тобой?

Она сквозь слезы шептала:

— Ты меня испугалъ. Зачѣмъ ты меня такъ испугалъ? Я думала, что-нибудь случилось.

— Ахъ, глупая, глупая, — качалъ головой мужъ и глядѣлъ на слезы, падавшія на тонкія пальцы ея рукъ.

Столбунцовъ фехтовалъ съ Людмилочкой на липовыхъ прутьяхъ, а Ложбинина сидѣла съ Опалихинымъ на балконѣ, глядѣла на фехтующую парочку и слушала Опалихина.

Кругомъ было свѣтло, но подъ деревьями трава казалась уже темносиней. На зелени сада лежали розовые блики, малиновое небо глядѣло въ просвѣты и сквозь листву деревьевъ, со стороны рѣки, тягучими и плавными ударами приносилась прохлада. Опалихинъ, весело и холодно сіяя глазами, говорилъ:

— Ревность—чувство неразумное, и потому обречено на смерть.

— А любовь?—спросила Людмилочка, повертывая хорошенькую рыженькую головку, въ волосахъ которой горѣли теперь совершенно золотыя нити.

Digitized by Google

И въ ту-же минуту она нанесла зазѣвавшемуся противнику ловкій ударъ въ плечо.

— Вы ранены,—сказала она, бросая прутъ,— и я не желаю продолжать поединка.

— Нѣтъ-съ, и еще разъ нѣтъ-съ,—кричалъ Столбунцовъ, юля около ея юбокъ,—въ сердце я раненъ вами давно, но теперь я этого удара не считаю.

— Любовь, пожалъ плечами Опалихинъ,— любовь никогда не умретъ. Это чувство разумно.

— Любовь-то разумна?—переспросила Ложбинина.

— А какже,—разсмѣялся Опалихинъ,—любовь удваиваетъ человѣческую энергію и производитъ на свѣтъ новыхъ рабочихъ. А развѣ это не разумно?

— А какъ она удваиваетъ энергію, — замѣтилъ Столбунцовъ,—надо спросить у беременныхъ.

Всѣ разсмѣялись.

— Впрочемъ, у пчелъ,—продолжалъ Опалихинъ,—рабочіе не занимаются любовью, а любятъ только трутни...

— И притомъ семеро одну,—добавилъ Столбунцовъ, — а это не вкусно, я предпочелъ-бы наоборотъ.

Всѣ снова разсмѣялись, а Столбунцовъ продолжалъ:

Digitized by Google

— Я всегда былъ горячимъ поклонникомъ разнообразія, а въ молодости написалъ даже стихи:

Пусть красотой ты хоть Аспазія, —
Но нѣтъ милѣй разнообразія!

Онъ замолчалъ, играя брелоками и поглядывая на всѣхъ маленькими вороватыми глазками.

— А теперь я хотѣлъ-бы поговорить вотъ о чемъ, — началъ онъ, взбѣгая на балконъ и усаживаясь въ кресло.—Почему вы, милыя барыни, — заговорилъ онъ, шутливо и комично приподнявъ брови.—Почему вы, барыни, такъ высоко цѣните философію Сергѣя Николаевича, а о моей не хотите и знать? Онъ въ вашихъ глазахъ пророкъ,—а я нуль! За что такая несправедливость? Мнѣ завидно. Вѣдь между философіей Сергѣя Николаевича и моей собственной очень много общаго. Потрудитесь прослѣдить. Онъ говоритъ: „Будь умнымъ. Долой нравственность!“ А я говорю: „Будь мальчикъ пай. Да здравствуетъ безнравственность!“ Теперь-съ дальше. Сергѣй Николаевичъ, ставитъ себѣ такой вопросъ: „Какой изъ собакъ должна принадлежать кость, которую выбросилъ изъ окна поваръ?“ И отвѣчаетъ: „Умнѣйшей и сильнѣйшей“. Но почему-съ, — воскликнулъ Столбунцовъ,—по какому праву? Отчего, напримѣръ, не нахальнѣйшей? Вѣдь, въ собачьемъ мірѣ

Digitized by Google

такіе пассажи бываютъ, и часто десять здоровеннѣйшихъ псовъ преспокойно глядятъ на паршиваго заморыша, который еле волочитъ отъ окна кухни великолѣпнѣйшую кость. И ни-ни, ни звука. Ухомъ не пошевелятъ. Встанутъ, проводятъ завистливыми глазами и развалятся по заваленкамъ. И заморышъ преспокойно все, что сможетъ, съѣстъ, а остаточекъ въ ометъ закопаетъ.

Столбунцовъ минуту помолчалъ, поглядывая на смѣющіяся лица присутствующихъ мышинными глазками.

— Да-съ,—затѣмъ, продолжалъ онъ,—въ собачьемъ мірѣ нахальство, слѣдовательно, признается уже за нѣкоторый, такъ сказать, талантъ, за оружіе, вполнѣ дозволенное въ борьбѣ за существованіе. Да почему-же его не дозволить? За что такое преимущество силѣ? Что такое сила? У меня недавно здоровеннаго пса „Геркулеса“ такъ-то шестеро шавокъ обработало, что "Геркулесъ“ еле-еле домой приползъ и до сихъ поръ съ омета не слезаетъ. А гдѣ на сложеніе и вычитаніе дѣло пошло, тамъ ужъ какой шутъ въ силѣ. Это, вѣдь, давно извѣстно, что я съ товарищемъ могу мѣру картофелю съѣсть, если я въ товарищи свинью возьму. Такъ-то-съ, Сергѣй Николаевичъ, усмѣхнулся Столбунцовъ лукаво и даже погрозился пальцемъ, — не гордитесь силой, охъ, не гор-

Digitized by Google

дитесь! эй, не гордитесь! Вѣдь, и мой „Геркулесъ“ силенъ и гордъ былъ, да, вѣдь, на ометъ-то залѣзъ! Залѣзъ вѣдь! Залѣзъ!

Онъ расхохотался во все горло и внезапно оборвалъ смѣхъ. На балконъ входили мужъ и жена Кондаревы.

VIII.

— Господа!—громко заговорилъ Опалихинъ, когда послѣ обильнаго ужина хозяйка хотѣла было вставать изъ-за стола.—Господа! Андрей Дмитричъ Кондаревъ сообщилъ мнѣ, что онъ привезъ съ собою сказочку собственнаго своего сочиненія, которую онъ желалъ-бы прочесть всѣмъ намъ. Не правда-ли, пусть прочтетъ?

— Пусть прочтетъ, пусть прочтетъ!—закричали Ложбинина и Людмилочка, хлопая въ ладоши.

Людмилочка, злоупотребившая на этотъ разъ наливкой, даже почему-то добавила:

— Браво, браво!

— Пусть прочтетъ!—повторили всѣ.

Кондаревъ, устало жмуря глаза, вынулъ изъ бокового кармана пиджака маленькую тетрадочку, передохнулъ отъ нервной дрожи и громко произнесъ:

Digitized by Google

ЦАРСТВО РАЗУМА.

СКАЗКА.

„Весною, — началъ онъ, — въ 1900 г. отъ рождества Артура Биркингейма, великаго изобрѣтателя усовершенствованнаго воздухоплавательнаго велосипеда, въ царствѣ Разума все обстояло благополучно. Этотъ годъ выдался какимъ-то особенно удачнымъ. За весь годъ не случилось ни одного преступленія противъ собственности и личности гражданъ. Такія преступленія, впрочемъ, вообще, совершались здѣсь рѣдко, такъ какъ общественный механизмъ былъ свинченъ съ такою математической точностью, съ такимъ удивительнымъ расчетомъ, что вредить сосѣду значило вредить себѣ, и обокрасть его — обокрасть себя. Должность ночныхъ караульщиковъ была упразднена, и только нѣкоторые изъ ревнивцевъ нанимали ихъ для своихъ женъ. Итакъ, все обстояло благополучно. Алкоголики были всѣ вылѣчены, хронически больнымъ найдены подходящія работы, причемъ часть безнадежно слѣпыхъ занимали должности судей, такъ какъ все равно имъ никогда не приходилось рыться въ законахъ, за отсутствіемъ преступленій. По той-же самой причинѣ косноязычные сдѣлались адвокатами. Даже семейныхъ драмъ въ этотъ годъ не произошло. Работою цѣлыхъ вѣковъ характеръ людей до

Digitized by Google

того сгладился, до того былъ пригнанъ къ извѣстному желательному для разума шаблону, что люди стали похожи другъ на друга, какъ ершъ на ерша. А при такомъ положеніи вещей объ отвергнутой любви, напримѣръ, не могло быть и рѣчи; Матренѣ было все равно, кого-бы ни любить: Петра или Семена. А для Семена и Матрена, и Марья являлись все однимъ и тѣмъ-же ершемъ. Разумъ восторжествовалъ и убилъ чувства, всѣ до единаго: высокомѣріе и кротость, жалость и ненависть, любовь и враждебность. Только одно равнодушіе разносилось человѣческой кровью по уравновѣшеннымъ и спокойнымъ мышцамъ. Три божества, три идеала:—„выгодно", „разумно" и „полезно"— сдѣлали то, что самая буйная область человѣческой сущности была обуздана и порабощена на вѣки. Человѣкъ никогда, ни въ чемъ не вредилъ сосѣду, но онъ былъ безжалостенъ, какъ звѣрь. Царство Разума было „царствомъ просвѣщенныхъ звѣрей". Кондаревъ передохнулъ, оглядѣлъ Опалихина усталымъ взоромъ и продолжалъ:

„Но люди не сознавали этого; они не сознавали, что они звѣри, что они хуже звѣрей, у которыхъ все-же есть намеки на чувства, въ то время, какъ у нихъ не было ничего, ничего, кромѣ инстинкта самосохраненія, инстинкта искусно сложеннаго каменнаго сооруженія, про-

Digitized by Google

тивополагающаго удару молота свою крѣпость и за себя, и за сосѣда. И люди неустанно трудились надъ созданіемъ этого каменнаго бегемота цѣлые вѣка, совершенствуя безчисленные винтики и колеса, напрягая весь свой разумъ и всѣ усилія, тогда какъ во имя того-же самосохраненія, имъ нужно было разнести все это нелѣпое зданіе по камню. Они наслаждались покоемъ и счастіемъ, воображая, что это счастье прочно, между тѣмъ, какъ въ мірѣ не было ничего болѣе опаснаго и болѣе ужаснаго самаго этого колосса. И было достаточно одного камня, брошеннаго подъ колесо машины, чтобы произошла катастрофа со всею свирѣпостью, на которую только способна машина. Однако, по наружному виду трудно было угадать о ея близости. Весна стояла теплая, благодатная, урожай обѣщалъ быть баснословнымъ, и поля, удобренныя азотомъ, добытымъ непосредственно изъ воздуха, зеленѣли своей тучной щетиной, какъ непролазныя дебри болота. А, между тѣмъ, камешекъ былъ такъ близокъ.

„И вотъ, въ Великій городъ, являвшійся центромъ царства Разума, внезапно проникъ слухъ, что въ одномъ изъ маленькихъ городковъ царства на людяхъ появилась неслыханная ужасная болѣзнь, не поддающаяся никакимъ средствамъ медиковъ, отъ которой люди мрутъ, какъ мухи, въ неимовѣрномъ количествѣ и съ

Digitized by Google

изумительною быстротою. Великій городъ слегка заводновался. Лучшія медицинскія силы были отправлены въ городокъ, пораженный ужаснымъ моромъ. Но силы возвратились и дали отвѣтъ, что борьба съ неизвѣстной болѣзнью— безполезна. Болѣзнь не поддается никакому лѣченію, и ея исходъ — смерть. Наука въ настоящемъ ея положеніи, несмотря на весь свой великолѣпный багажъ, является здѣсь безсильной и можетъ дать только одинъ совѣтъ: строжайшій карантинъ. Это единственное средство; другихъ, къ сожалѣнію, нѣтъ.

„Великій городъ поволновался и успокоился. Ну, что-же? Карантинъ, такъ карантинъ. Городокъ обреченъ на смерть, но что-же дѣлать? Строжайшій карантинъ обложилъ городокъ съ наказомъ, чтобы и мышь не пробѣжала. А пытающихся прорваться—сжигать, благо средства къ тому наукою выработаны. Но, несмотря на ужасный карантинъ, новое страшное извѣстіе вскорѣ вновь взволновало Великій городъ. Болѣзнь перекинуло, какъ въ пожаръ перекидываетъ головешки, еще въ одинъ сосѣдній городокъ, а затѣмъ въ другой и третій, а почему? и отчего?—неизвѣстно.

„Снова были посланы медицинскія силы, и силы снова дали отвѣтъ: никакой карантинъ не поможетъ и помочь не можетъ. Ужасныя зерна болѣзни сохраняются въ почвѣ неопре-

Digitized by Google

дѣленное время здравыми, невредимыми и вполнѣ годными къ оплодотворенію, а затѣмъ они разносятся по воздуху вѣтрами. Въ такомъ смыслѣ высказались медицинскія силы, и сообщеніе это было тотчасъ-же обнародовано. Городъ заволновался. Въ первый разъ въ царство Разума заглянулъ ужасъ. Толпы народа загудѣли по улицамъ города, какъ волны моря подъ натискомъ бури. Люди поняли, что хотя наука узнала многое, но неизвѣстныя земли все-же существуютъ и для нея. Великій городъ загудѣлъ, какъ гигантскій улей, всполошенный горящею головнею. А лучшіе умы всей страны три дня и три ночи почти безъ сна и пищи сидѣли въ храмѣ науки, производили опыты и совѣщались. Наконецъ, результатъ ихъ самоотверженной работы былъ объявленъ забушевавшему городу. Вотъ что узналъ онъ:

„Зерна болѣзни гибнутъ только въ огнѣ, плавящемъ желѣзо, а потому, чтобы прекратить дальнѣйшее распространеніе мора, надо сжечь всю охваченную болѣзнью область, со всѣмъ, что заключается въ ней, прокаливъ даже самую почву. Техника обладаетъ нужными для того средствами, но жечь-ли? Не выждать-ли? Охваченная моромъ область, одна изъ хорошихъ житницъ царства, и подписать ей смертный приговоръ, не взвѣсивъ всѣхъ обстоятельствъ, не совсѣмъ разумно. А, между тѣмъ, черезъ

Digitized by Google

недѣлю, черезъ двѣ, можетъ быть, будетъ найдено болѣе цѣлесообразное средство. Но и выжидать, впрочемъ, не безопасно. Итакъ: жечь, или выжидать?

Толпа заревѣла какъ исполинскій звѣрь:

— Жечь?

Инстинктъ самосохраненія сказался.

Городъ немедля приступилъ къ сооруженію десяти гигантскихъ башенъ, съ вершины которыхъ должны были быть направлены на несчастную область жестокіе лучи тепловыхъ солнцъ. Работа шла съ головокружительной быстротою и скоро десять чудовищныхъ исполиновъ высоко подняли свои металлическія головы надъ крышами города. Между тѣмъ, пронырливые и ловкіе антрепренеры устраивали громаднѣйшіе амфитеатры, откуда любопытная публика могла-бы созерцать величественное зрѣлище пожара цѣлой области. И вотъ, наконецъ, насталъ назначенный для этого день. Великій городъ гудѣлъ и волновался съ утра, переполняя чудовищныхъ размѣровъ амфитеатры, куда то и дѣло подъѣзжали экипажи, съ мило болтающими женщинами и сдержанными, спокойно разсудительными мужчинами. Роковой моментъ приближался; уже съ металлическихъ головъ, высоко вздымавшихся чудовищъ, зловѣще мигнули зеленые глаза тепловыхъ солнцъ, управляемыхъ умѣлыми руками,

Digitized by Google

и переполненные народомъ безчисленные ярусы многоэтажныхъ амфитеатровъ затаили дыханіе, какъ вдругъ ужасающій ревъ всколыхнулъ окрестность. Амфитеатры внезапно увидѣли въ небѣ зеленые столбы теплового свѣта, направляемые откуда-то, и, очевидно, столь-же искусными руками на самый Великій городъ. И они поняли все. Обреченная на сожженіе область узнала о готовящейся ей участи и соорудила точно такія-же чудовища, рѣшившись на отчаянную борьбу за жизнь. Область взбунтовалась. И борьба началась. Безчисленные зеленые лучи, какъ скрещенные мечи, сверкнули въ небѣ, озаряя окрестности зловѣщимъ зеленымъ свѣтомъ. Зеленыя пятна свѣта замелькали по крышамъ многоэтажныхъ зданій... И вдругъ Великій городъ испустилъ мучительный ревъ обожженнаго раскаленнымъ желѣзомъ быка. Бросивъ смертоносныя копья тепловыхъ лучей въ грудь пораженной области, онъ принялъ и самъ ея смертельный ударъ. Столбы дыма и пламени, какъ взрывавшіяся бомбы, показывались то тамъ, то сямъ съ ужаснымъ шипѣньемъ. Зажженные амфитеатры съ грохотомъ рушились, и изступленный вой бѣшенаго звѣря, запертаго въ ловушку, носился въ воздухѣ. А на горизонтѣ вздымались такіе-же точно столбы дыма и пламени. Это горѣла обреченная на смерть область. Царство разума по-

Digitized by Google

гибало. Камень былъ брошенъ, равновѣсіе нарушено, и ловко свинченная машина поѣдала самое себя, съ жестокостью попорченной машины, въ дикомъ ревѣ, и гулѣ, въ дыму и пламени".

Кондаревъ замолчалъ и спряталъ тетрадочку обратно въ свой карманъ.

— Сказочка ничего себѣ,—сказалъ Опалихинъ,—жаль только, что въ ней масса неточностей. Ты, напримѣръ, совершенно исключаешь въ гражданахъ Царства Разума жалость, а, между тѣмъ, въ этомъ царствѣ каждый сосѣдъ долженъ будетъ жалѣть сосѣда, ну хотя-бы вотъ такъ-же, какъ хозяинъ жалѣетъ домашній скотъ. И потомъ эта ужасная развязка,—продолжалъ онъ,—чтобы устроить ее, тебѣ потребовалось призвать на помощь какой-то удивительный моръ. А это натяжка. При такомъ морѣ едва-ли возможенъ порядокъ въ какомъ угодно благоустроенномъ царствѣ. И, слѣдовательно, сказочка рѣшительно ничего не доказываетъ. А, впрочемъ, она ничего себѣ!—заключилъ Опалихинъ съ ясной улыбкой.

— „А не прочитать-ли мнѣ вслухъ письмо Евстигнѣя Федотова?"—вдругъ пришло въ голову Кондарева",—ну хоть какъ образецъ крестьянскаго изложенія мыслей. Вотъ подскочитъ-то"—думалъ онъ объ Опалихинѣ. Онъ побѣлѣлъ, какъ полотно; мучительная улыбка

Digitized by Google

искривила его губы. Горячій вихорь дикаго желанія наскочилъ на него и закружилъ въ своемъ бѣшеномъ водоворотѣ. Его рука снова полѣзла въ боковой карманъ пиджака.

Людмилочка взвизгнула.

— Да что ты дѣлаешь!—вдругъ крикнулъ Опалихинъ, бросаясь къ Кондареву и ловя его за локти.

Кондаревъ съ качающейся на плечахъ головой сползалъ съ своего стула подъ столъ.

— Обморокъ, проговорилъ Опалихинъ, — ублажилъ самого себя сказочкой. Ну, люди! И онъ поднесъ къ побѣлѣвшимъ губамъ Кондарева стаканъ воды.

— Хочешь, Таня, немножко прокатиться со мною? спросилъ Кондаревъ жену, когда они уже сидѣли рядомъ въ фаэтонѣ, уѣзжая съ вечеринки Ложбининой.

Татьяна Михайловна безмолвно кивнула головою.

— Такъ провези насъ сначала полемъ, а затѣмъ домой. Да потише, сказалъ Кондаревъ кучеру.

И покойнѣе усаживаясь въ уголъ экипажа съ тѣмъ расчетомъ, чтобы ему было видно лицо жены, онъ заговорилъ:

— Я хочу разсказать тебѣ Таня, крошечную, крошечную сказочку. Я слышалъ ее отъ одного плутоватаго татарина въ пыльномъ степномъ городкѣ, на конной ярмаркѣ. Тата-

Digitized by Google

ринъ называлъ свою сказочку „сказкой о Христѣ и Магометѣ“, и когда онъ говорилъ ее, его узенькіе и раскосые глазки лукаво свѣтились отъ удовольствія. Ему казалось, что этой сказочкой Магометъ очерченъ куда величественнѣе, чѣмъ Христосъ, и чувство удовольствія, свѣтившееся при этомъ въ его глазахъ, дѣлало честь его религіозности.

Кондаревъ замолчалъ, приваливаясь въ уголъ экипажа. Татьяна Михайловна смотрѣла на мужа своими мерцающими глазами и видѣла, какъ тѣни разнородныхъ чувствъ скользили по этому, бѣлѣвшему во мракѣ лицу, освѣщая его, какъ-бы вспышками какого-то огня.

Они уже въѣзжали въ поле; слабые звуки сельской жизни едва достигали сюда, обѣщая впереди благоговѣйную тишину. Татьяна Михайловна внезапно схватила руку мужа и сдавила ее нервнымъ и короткимъ пожатіемъ.

— Ну, что-же ты замолчалъ? спросила она.

Кондаревъ точно очнулся отъ сна.

— Татаринъ говорилъ мнѣ такъ,—началъ онъ.—Однажды въ одной пустынѣ Богъ свелъ Христа и Магомета и выпустилъ на нихъ двухъ дикихъ львовъ, для того, чтобы Пророки показали Ему свою силу. И когда левъ подбѣжалъ къ Магомету, Пророкъ перерубилъ его пополамъ своею саблей, а Христосъ обласкалъ подбѣжавшаго къ нему льва рукою и поѣхалъ

Digitized by Google

на немъ верхомъ. Этого льва, говорилъ татаринъ, люди долго показывали по городамъ въ клѣткѣ, но когда человѣкъ однажды вошелъ къ нему, левъ задралъ его на смерть. Что можно Христу, пояснялъ татаринъ, того нельзя человѣку,—и съ лукавой улыбкой онъ добавлялъ— Магометъ лучше! А иногда онъ заключалъ свою сказку такъ: и ваша вѣрэ и наша вѣрэ— одно. Только у васъ адъ горячій, а у насъ— калудный. „Калудный“ означало холодный.

Кондаревъ замолчалъ. Татьяна Михайловна слабо улыбнулась. Они уже давно ѣхали полемъ. Послѣдніе отголоски сельской жизни остались далеко позади, и ни одинъ звукъ не врывался сюда. Одна безконечная равнина высокой ржи, вся оцѣпенѣвшая подъ ночнымъ небомъ, лежала передъ ними въ могучей красотѣ. Дыханіе ея великой груди проносилось порою изъ края въ край теплой и легкою волною, оставляя за собой мягкій и протяжный шелестъ. Здѣсь не было ничего лишняго. Здѣсь было только небо и звѣзды, да безконечное море ржи, да вотъ этотъ протяжный шелестъ. И только. Но все это было такъ удивительно красиво и просто. Такъ просто, что, казалось, и лошади чувствовали всю божественную прелесть этой простоты, и онѣ шли, чуть колыхая крупами и кивая умными мордами, шли какимъ-то особеннымъ степеннымъ шагомъ, какъ будто

Digitized by Google

гордыя сознаніемъ того, что и ихъ коснулась эта святѣйшая благость.

Кондаревъ оглянулся на жену и не узналъ ея лица. Она глядѣла прямо передъ собою скорбными мерцающими глазами, и все ея поблѣднѣвшее лицо трепетало въ молитвенномъ созерцаніи и мукахъ покаянія.

Мужъ понялъ ее. Онъ слишкомъ хорошо зналъ весь складъ ея мыслей. Она думала. „Господи Боже нашъ! Свѣтлый и чистый! Жертва и Сила! Кротость и Слава! Взгляни на муки наши и порази звѣря, сидящаго въ насъ, саблей". Кондаревъ взялъ руку жены и тихо пожалъ. Онъ умышленно разсказалъ ей сейчасъ эту сказочку.

— А вотъ что, Таня,—внезапно спросилъ онъ ее ласково и укоризненно,—почему ты дѣтей сегодня на ночь не благословила? Это такъ нехорошо!

Онъ видѣлъ, какой мукою дрогнули ея губы. У него замерло сердце. Она прошептала:

— Забыла.

Но онъ понялъ по ея лицу, что она не забыла, а не смѣла. Онъ тихо сказалъ кучеру: „домой!" и съ мучительной тоскою подумалъ: „О, какъ я ее ударилъ, какъ я больно ее ударилъ, и неужели-же у меня хватитъ и силъ и мужества ударить ее еще больнѣе? Для кого-же и для чего-же все это нужно?"

Digitized by Google

IX.

Въ свѣтломъ лѣтнемъ костюмѣ и въ высокихъ сапогахъ, весь словно сіяющій холоднымъ и спокойнымъ свѣтомъ Опалихинъ стоялъ на берегу рѣки и наблюдалъ за работами. А работа кипѣла здѣсь ключемъ, и звонкіе веселые звуки носились въ воздухѣ. Здѣсь, на рѣкѣ Урлейкѣ, въ семи верстахъ отъ своей усадьбы, Опалихинъ возводилъ новую плотину. Старая, устроенная по первобытному способу, почти изъ одного хвороста, оказывалась никуда негодной, и ея ежегодный ремонтъ стоилъ большихъ денегъ. И вотъ Опалихинъ приступилъ къ сооруженію новаго образца плотины, совсѣмъ безъ хвороста, которая вся должна была состоять изъ однихъ только затворовъ, разбирающихся въ вешнюю воду.

— Мы воды не тронемъ,—шутилъ Опалихинъ съ рабочими,—иди, красавица, въ какія хочешь ворота,—такъ зачѣмъ-же она насъ будетъ обижать?

Кромѣ того, здѣсь-же, на той-же Урлейкѣ, нѣсколько ниже плотины, на зеленомъ мысу, онъ ставилъ маленькій винокуренный заводъ. Каменщики, перемазанные въ глинѣ и извести, выкладывали уже стѣны, а извозчики въ телѣгахъ, покрытыхъ красною пылью, подвозили

Digitized by Google

кирпичъ. И всѣ эти работы оглашали воздухъ радостнымъ звономъ. У плотины, надъ свѣтлыми водами Урлейки, гулко бухала бабка, заколачивая сваи. На берегу пѣла живая цѣпь рабочихъ, подтягивавшая на канатахъ тяжелыя сосновыя бревна, еще пахнувшія боромъ. Гдѣ-то шипѣло точило, натачивая топоръ; слышались шлепки глины; шуршалъ кирпичъ о кирпичъ. И всѣ эти разноголосые звуки, сливаясь въ своеобразную мелодію, носились въ этомъ блескѣ свѣтлаго дня, припадали къ водамъ рѣки и будили въ сердцахъ, копошившихся здѣсь людей, веселую бодрость труда, какъ труба будитъ солдата. Люди бѣгали, ходили, осторожно перебирались по бревнамъ надъ водами рѣчки, сгибали спины подъ тяжестью, вздымали руки, вооруженныя сверкающими топорами, упирались ногами, подтаскивая бревна, пыхтѣли, кричали, пѣли.

И прирѣчные кусты откликались людской работѣ протяжными вздохами.

Живая цѣпь рабочихъ, какъ будто порывомъ бури вся наклоненная въ одну сторону, въ распоясанныхъ рубахахъ съ растегнутыми воротами, пѣла:

— Ка-а-ма стыдъ свой потеряла,
Какъ бурлака увидала,—
И-эхъ, дубинушка ухнемъ!

И Опалихину было весело слушать всю эту

Digitized by Google

звонкую музыку труда, глядѣть на напрягавшіяся мышцы, на покрытыя потомъ лица, на засученные рукава, на молодую бодрость еще неуставшихъ силъ, на живой блескъ глазъ.

„Вотъ она—жизнь,—думалъ онъ,—жизнь—молодая и бодрая красавица, смѣлая, задорная и бойкая; она не прочь и потрудиться, не прочь и кутнуть. Зачѣмъ-же навязывать ей то, чего у нея совсѣмъ нѣтъ, и какъ можно отказываться отъ ея горячихъ ласкъ?“

Ясными и смѣлыми глазами онъ окидывалъ веселые извивы Урлейки и всю сверкающую на солнцѣ окрестность и думалъ снова: „Вонъ Урлейкѣ забавно разорять мои плотины, а меня радуетъ перехитрить ее, и кто-же тутъ виноватъ? Жизнь—борьба, но въ этой борьбѣ вся наша радость и счастье, и да здравствуютъ побѣдители!“

Съ плотины протяжнымъ напѣвомъ неслось

— И-эхъ, сказала Волгѣ Кама,
Что тебѣ за дѣло, мама!

Въ то-же время Кондаревъ ѣхалъ къ Опалихину. Онъ прекрасно зналъ, что того сейчасъ нельзя застать дома, что Опалихинъ на мельницѣ, и вотъ поэтому-то онъ и ѣхалъ къ нему.

— Баринъ дома? — спросилъ онъ молодого, чистенько одѣтаго паренька, прислуживавшаго Опалихину и теперь встрѣтившаго Кондарева въ прихожей.

Digitized by Google

Паренекъ улыбнулся, лицо у него было курносоватое, все въ крупныхъ рябинахъ, но онъ очень гордился имъ, держалъ себя въ чистотѣ и былъ безконечно веселъ.

— Никакъ нѣтъ-съ; они-съ на мельницѣ.

— Анисъ въ лугахъ,—пошутилъ Кондаревъ,— а на мельницѣ мука да вода. — И безпечно оглядѣвъ фыркнувшаго паренька, онъ добавилъ:

— Я подожду барина въ кабинетѣ. Слышалъ?

Кондаревъ вошелъ въ кабинетъ Опалихина. И едва только онъ переступилъ порогъ кабинета, безпечное выраженіе ушло съ его лица. Глаза его блеснули тревожно; онъ поблѣднѣлъ и безпокойно заходилъ изъ угла въ уголъ.

„Что-же это такое?"—подумалъ онъ, внезапно останавливаясь посреди кабинета,— „неужели я на попятный задумалъ играть? Какихъ это такихъ страховъ я испугался?"

Онъ опять прошелся по кабинету съ блѣднымъ лицомъ и безпокойно сверкающими глазами.

— Нѣтъ, если идти, такъ ужъ идти до дна!— хотѣлось ему кричать на весь кабинетъ,—бить, такъ ужъ бить такъ, чтобы голова подъ облака улетѣла!

Онъ тяжело передохнулъ и снова остановился посреди кабинета съ тревогою въ гла-

Digitized by Google

захъ. Мучительныя колебанія бѣгали по его лицу кривыми судорогами. Казалось, онъ твердо рѣшился переступить черезъ какую-то черту, но что-то удерживало его передъ нею могучимъ и властнымъ окрикомъ, порою только удесетерявшимъ бѣшенство желаній, приходившихъ въ ярость, какъ звѣрь подъ ударами плети. Иногда-же онъ ловилъ себя на мысли: „Вѣдь назадъ сыграть еще можно будетъ, зачѣмъ-же преждевременно рюмить". Въ концѣ концовъ онъ какъ будто-бы нѣсколько утѣшилъ себя именно этимъ и съ мучительною смѣлостью двинулся къ письменному столу Опалихина. Сперва онъ внимательно оглядѣлъ самый столъ, заходя съ боковъ и сзади и даже нагибаясь подъ его доску. Это былъ нѣсколько оригинальный столъ, блестяще-черный, съ узенькими золотыми бордюрчиками на ящикахъ и желтымъ, золотистымъ сукномъ. И казалось, онъ остался доволенъ его обзоромъ. Затѣмъ съ рѣзкими и быстрыми жестами, точно боясь, что его опять потащатъ назадъ, онъ досталъ громадную связку ключей и, наклоняясь надъ ящикомъ стола, сталъ подбирать къ нему ключъ, быстрыми движеніями пальцевъ откидывая негодный обратно въ свою связку и принимаясь за слѣдующій. Однако, вся связка оказалась негодной; рѣзко и торопливо онъ сунулъ ее обратно въ карманъ и досталъ но-

Digitized by Google

вую. Нѣсколько минутъ онъ работалъ такъ, наклонившись надъ столомъ, перемѣняя связку за связкой, блѣдный, съ насторожившимся лицомъ. И вдругъ злая улыбка торжества освѣтила его лицо. Нужный ключъ отыскался; замокъ дважды звякнулъ, открывъ и закрывъ ящикъ. Тогда онъ снялъ этотъ ключъ со связки и испробовалъ имъ замки всѣхъ ящиковъ стола; ключъ отпиралъ и запиралъ всѣ до единаго. Убѣдившись въ полной пригодности ключа, Кондаревъ оглядѣлъ его внимательно и пристально, какъ человѣка, съ которымъ придется дѣлать большое дѣло, и спряталъ его отдѣльно въ карманъ жилета. Однако и этого ему показалось мало, и онъ тотчасъ-же снова досталъ его оттуда и перепряталъ въ кошелекъ, какъ драгоцѣнность. Послѣ этого съ до-нельзя утомленнымъ лицомъ, съ разслабленными жестами человѣка, измученнаго непосильной работой, онъ подошелъ къ дивану, удобно усѣлся, привалившись спиною въ уголъ и, закрывъ глаза, положилъ на колѣни ладони. Казалось, онъ ничего не видѣлъ и не слышалъ, и только отдыхалъ.

— А-а, — холодно и насмѣшливо протянулъ Опалихинъ, увидѣвъ Кондарева въ своемъ кабинетѣ,—весьма радъ видѣть, мой лучшій другъ!

Кондаревъ поднялся ему на встрѣчу съ дивана. Они поздоровались.

Digitized by Google

— Да что тебѣ нездоровится, что-ли? — спросилъ его Опалихинъ.

Онъ весь точно свѣтился спокойствіемъ и ясностью и отъ каждаго его мускула еще вѣяло рабочей энергіей.

— Нѣтъ, я ничего, — говорилъ Кондаревъ, снова усаживаясь на диванъ съ разслабленными жестами, — я всегда такой, вѣдь ты меня знаешь?

Опалихинъ присѣлъ къ письменному столу и сталъ разсказывать ему о работахъ на мельницѣ.

— А знаешь, — говорилъ онъ черезъ нѣсколько минутъ Кондареву, — знаешь, почему ты такой?

— Какой такой?

— Ну, какъ-бы тебѣ сказать? ну, кислосоленый, что-ли, — усмѣхнулся Опалихинъ, — оттого, что у тебя никакой вѣры нѣтъ. Это повѣрь мнѣ. Вѣра—сила. И я если и силенъ, такъ только своей вѣрой.

— Да что ты?—съ дѣланнымъ изумленіемъ воскликнулъ Кондаревъ.

— Вѣра въ какую хочешь критическую минуту придетъ и выручитъ. Она и черезъ море по суху проведетъ. Вспомни Авраама. Человѣку сына нужно было зарѣзать, и что-же? Пошелъ, свѣтлый и ясный. А почему? Да все потому-же! Вѣра-съ!

Digitized by Google

Кондаревъ внезапно поблѣднѣлъ:

— Вотъ какъ!—проговорилъ онъ. Онъ точно не ожидалъ такого оборота отъ Опалихина и нѣкоторое время глядѣлъ на него какъ-бы съ изумленіемъ.

— Такъ стало быть по твоему выходитъ,— наконецъ заговорилъ онъ задумчиво и даже съ дрожью въ голосѣ,—по твоему выходитъ, что —если человѣкъ ради торжества вѣры своей, противъ этой-же самой вѣры пойдетъ, т. е. противъ заповѣдей этой вѣры, — поправился тотчасъ-же онъ,—такъ это подвигъ, стало быть? И если стало быть человѣкъ...

Однако, онъ не договорилъ; онъ какъ-бы уже окинулъ чтото своими собственными глазами, безъ помощи посторонняго и продолженіе вопроса для него оказывалось лишнимъ. И онъ замолчалъ; а затѣмъ, внезапно оживившись, онъ заходилъ по комнатѣ и заговорилъ, что за чудо травы нынѣшній годъ въ его поляхъ. На его щекахъ начиналъ загораться румянецъ, а онъ все бѣгалъ по комнатѣ и съ возбужденными жестами говорилъ и говорилъ. Его точно несло потокомъ, и лихорадочный блескъ свѣтился въ его глазахъ; наконецъ, неожиданно остановившись передъ Опалихинымъ, онъ спросилъ его:

— А какъ по твоему,—падающаго толкнуть надо?

Kleiststr. 21

Digitized by Google

Опалихинъ недовольно поморщился. Болтовня Кондарева какъ-будто начинала ему уже надоѣдать.

— А почему ты меня объ этомъ спрашиваешь?—спросилъ онъ его въ свою очередь недовольнымъ тономъ и съ легкой гримасой.

— Да такъ ужъ!—Возбужденно воскликнулъ Кондаревъ, — нужно мнѣ это, ужъ повѣрь нужно!—повторилъ, онъ снова забѣгавъ по комнатѣ.

— Если хочешь знать, — отвѣчалъ Опалихинъ,—толкать то, что и безъ того падаетъ, я нахожу напрасной тратой энергіи. А впрочемъ,—добавилъ онъ,—въ лѣсномъ хозяйствѣ приходится къ этому прибѣгать; все-же лучше воспользоваться полусгнившимъ деревомъ, чѣмъ гнилью.

Кондаревъ съ восторгомъ глядѣлъ на него.

— На все у него готовъ отвѣтъ!—воскликнулъ онъ, закатываясь изступленнымъ смѣхомъ,—ну, вѣдь это просто чудо, что такое? То-есть, прямо-таки кладовая какая-то! Нѣтъ, кончено, вскрикивалъ онъ съ возбужденными жестами и весь красный,—кончено! сейчасъ-же перехожу въ твою вѣру. Сію-же минуту! Баста! И я человѣкомъ хочу быть! Къ черту кислосоленую меланхолію!

Онъ былъ точно въ бреду; однако, Опалихинъ, казалось, не замѣчалъ этого и глядѣлъ

Digitized by Google

на него чуть-чуть презрительно, но вмѣстѣ съ тѣмъ и весело. Видъ Кондарева теперь какъ будто начиналъ его забавлять.

Между тѣмъ Кондаревъ бѣгалъ изъ угла въ уголъ по кабинету и потиралъ руки.

— Впрочемъ, мнѣ немножко кажется, — съ улыбкой заговорилъ онъ подбѣгая вновь къ Опалихину, — мнѣ чуть-чуть кажется, что отчасти ты свою вѣру заимствовалъ. И знаешь откуда?—плутовато улыбался онъ въ лицо Опалихина,—знаешь откуда? Изъ пятаго евангелія!

— Изъ какого пятаго?— спросилъ Опалихинъ небрежно.

— Отъ Фридриха! — протянулъ Кондаревъ, подражая голосу дьякона,—отъ Фридриха Заратустры!—онъ расхохотался.

— Не знаю,—небрежно усмѣхнулся Опалихинъ,—не все-ли равно, откуда пчела медъ набрала, медъ хорошъ—и ладно!

— И опять отвѣтъ! — воскликнулъ Кондаревъ, — нѣтъ, рѣшительно перехожу въ твою вѣру!

— Сію-же минуту! Онъ снова разсмѣялся; почти всѣ свои вскрикиванья онъ теперь сопровождалъ смѣхомъ.

— Ну-съ, забѣгалъ онъ по комнатѣ,—какъ-бы только намъ это устроить? То-есть присоединеніе-то это къ новой вѣрѣ! Онъ что-то

Digitized by Google

искалъ глазами, бѣгая по комнатѣ, и, увидѣвъ въ углу трость Опалихина, побѣжалъ къ ней.

— Вотъ все, что намъ нужно!—вскрикивалъ онъ, схватывая трость и потрясая ею.

Все его лицо было въ красныхъ пятнахъ; глаза горѣли. Алыя пятна выступали даже на его лбу, надъ бровями.

— Вотъ самый подходящій инструментъ. Опалихинская палка!—вскрикивалъ онъ.—Этой самой палкой я буду... — онъ не договорилъ, раскатившись смѣхомъ.

— Я буду клясться,—продолжалъ онъ и положилъ палку на столъ. — Вотъ взгляни! Любуйся и слушай!

Онъ сталъ въ величественную позу, отставилъ ногу, выпятилъ грудь и положилъ руку на палку. Опалихинъ глядѣлъ на него съ холодной усмѣшкой. Болтовня Кондарева снова стала ему противна. Это было замѣтно по его презрительной усмѣшкѣ.

— Клянусь,—между тѣмъ съ комичной торжественностью говорилъ Кондаревъ слово за словомъ, — клянусь вотъ этою самою опалихинскою палкою отнынѣ всѣмъ сердцемъ моимъ и разумомъ признавать лишь нижеслѣдующее: въ борьбѣ всѣ пути открыты. Это первое. Второе. Что не хорошо для всякаго, вкусно для Якова. Третье. Стыдиться надо только глупости.

Digitized by Google

И четвертое. Толкать падающаго — напрасная трата энергіи. Все-съ!

Кондаревъ побѣжалъ съ палкой Опалихина обратно въ уголъ. Затѣмъ онъ тѣмъ-же порывистымъ жестомъ досталъ изъ кармана кошелекъ, вынулъ оттуда ключъ и, быстро вращая его въ своихъ тонкихъ пальцахъ, заигралъ имъ передъ глазами Опалихина.

— Вотъ погляди, — говорилъ онъ съ веселымъ возбужденіемъ, точно въ конецъ охмѣлѣвшій, — вотъ полюбуйся! вотъ ключъ! и съ этимъ самымъ ключомъ я въ новыя двери иду! Понялъ? Нѣтъ? Какъ хочешь! — И онъ снова опустилъ ключъ въ кошелекъ и спряталъ его въ карманъ.

Послѣ этого онъ опустился на диванъ и замолчалъ. Когда Опалихинъ, удивленный его внезапнымъ молчаніемъ, обернулся къ нему, его щеки были уже совсѣмъ блѣдны, а глаза глядѣли въ противоположную стѣну и устало жмурились.

— Вотъ ты всегда такъ,—сказалъ ему Опалихинъ,—смѣешься, смѣешься, а потомъ точно въ воду нырнешь. И смѣхъ твой—нездоровый смѣхъ, капризный, женскій, нервный. Впрочемъ иногда онъ похожъ на ребячій.

Кондаревъ не отвѣчалъ ему ни слова. Онъ какъ будто считалъ все дѣло сдѣланнымъ.

Однако, уже усаживаясь въ экипажъ, онъ

Digitized by Google

вдругъ вспомнилъ, что имъ сдѣлано далеко не все.—„Какъ-же это я такъ?“—подумалъ онъ, —„о самомъ-то главномъ чуть-чуть и не позабылъ!“—Онъ выпрыгнулъ изъ экипажа и снова вошелъ въ кабинетъ Опалихина.

— У меня къ тебѣ дѣло было,—сказалъ онъ тому съ усталымъ видомъ, — да я чуть, признаться, не позабылъ. Помнишь, ты мнѣ хотѣлъ дать образцы шуваловскаго овса? Они у тебя въ письменномъ столѣ кажется, въ нижнемъ ящикѣ, налѣво.

Опалихинъ нагнулся къ столу и досталъ изъ кармана небольшой бронзовый ключъ. „Ключъ отъ стола онъ въ карманѣ носитъ“.—подумалъ Кондаревъ,—„это хорошо!“—И онъ добавилъ вслухъ:

— Вотъ сразу видать дѣлового человѣка, и ключъ отъ стола въ карманѣ, а у меня другой разъ ищешь-ищешь,—развелъ онъ руками.

— А какъ-же иначе-то,—отвѣчалъ Опалихинъ и вручилъ Кондареву образцы овса.

„Такъ ключъ отъ стола у него всегда при себѣ“, — думалъ Кондаревъ всю дорогу, — „и если я захочу его бить, такъ ужъ безъ промаха стало быть“.

Впрочемъ, тутъ-же онъ добавилъ: „Можетъ быть я до конца и не дойду и на вершокъ отъ края отбой сыграю и назадъ оберну. Ну, да тамъ виднѣе будетъ!“

Digitized by Google

У самого крыльца своего дома онъ нагналъ бабу; баба кивала ему коричневымъ лицомъ и совала въ руку какой-то грязный узелокъ.

— Что тебѣ, милая? спросилъ онъ ее.

— Да вотъ твоей хозяйкѣ, заговорила баба,— въ гостинецъ; пользовала она меня, спасибо ей, отъ ноги; то бишь, отъ горла, или бишь...

Баба спуталась, и по ея лицу бродило замѣшательство.

— Средствіе, то бишь, она мнѣ давала отъ горла,—наконецъ, нашла она истинный путь,— а пользовала я имъ ногу!

— И помогло?

— Какъ тебѣ рукой сняло! въ умиленіи доложила баба.

И видя, что Кондаревъ отстраняетъ ея узелочекъ, она торопливо и ласково восклицала ему въ догонку:

— Ну-ну, что-же ты? милый! Намъ вѣдь не жалко! Не погнушайся ужъ, Христосъ съ тобой!

А Кондаревъ входилъ въ домъ и думалъ: „Вотъ тутъ такъ ужъ вѣра, истинная вѣра, могучая вѣра, Авраамовская вѣра!“

Черезъ нѣсколько дней, ночью въ кабинетѣ Кондарева случилось маленькое несчастіе: неосторожно онъ опрокинулъ на письменномъ столѣ лампу, и столъ нѣсколько пострадалъ отъ огня. Нужныя бумаги, впрочемъ, уцѣлѣли

Digitized by Google

всѣ, столъ же пришлось вынести въ кладовую. На другой день утромъ, Кондаревъ уѣхалъ въ губернскій городъ по какимъ-то неотложнымъ дѣламъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ онъ хотѣлъ пріобрѣсти тамъ кстати и новый письменный столъ, о чемъ онъ и сообщилъ женѣ.

X.

Татьяна Михайловна стояла на зеленой ложбинѣ у „Поющихъ ключей", глядѣла на Опалихина и съ возбужденными жестами говорила:

— Какая-же это любовь? Ты самъ говоришь „любовь—счастье". А здѣсь—мука. Такъ, стало быть, это не любовь!

Опалихинъ смотрѣлъ на нее спокойно и насмѣшливо.

— Это все оттого, возражалъ онъ ей, что ты не умѣешь жить. Ты вся оплетена предразсудками и бьешься въ нихъ, какъ муха въ паутинѣ. Я прошу тебя объ одномъ,—продолжалъ онъ уже совсѣмъ весело,—будь чуточку посмѣлѣе и ты убѣдишься, что паутина есть только паутина и порвать ее—сущій пустякъ. А ты принимаешь эту паутину за морской канатъ?

Онъ разсмѣялся и добавилъ:

— Однако пойдемъ отсюда: здѣсь солнце.

Digitized by Google

А я хоть и люблю ясность, но не до такой степени.

Они двинулись вверхъ по отлогому скату. Скатъ благоухалъ мятой, и пѣніе „Поющихъ Ключей“ звенѣло въ листьяхъ.

— Ты сказалъ, — заговорила Кондарева,— ты сказалъ, что я не умѣю жить. Это неправда; я чутка къ жизни и я люблю ее, но теперь у меня путаница въ чувствахъ...

— Не въ чувствахъ, а въ мысляхъ, поправилъ ее Опалихинъ, двигаясь рядомъ съ нею по отлогому скату.

— Нѣтъ, въ чувствахъ,—чуть не вскрикнула Кондарева съ возбужденнымъ лицомъ.—Пойми меня, въ чувствахъ!

Опалихинъ усмѣхнулся.

— Чувства—ясны, какъ день,—проговорилъ онъ, — а идеи бываютъ ужасно спутанны; это вѣрно. Я люблю ее, и ненавижу его, я хочу ѣсть. Какая-же тутъ можетъ быть путаница?

Онъ скользнулъ по ней насмѣшливымъ и спокойнымъ взоромъ и добавилъ:

— Вся штука въ томъ, чтобы и идеи сдѣлать такими же ясными и простыми, какъ чувства, а люди трудились только надъ тѣмъ, чтобы запутать ихъ какъ можно болѣе. И вотъ въ этомъ-то все наше несчастіе. Онъ искоса оглядѣлъ ее.

Она не отвѣчала. Они были на зеленой по-

Digitized by Google

лянѣ, какъ вѣнкомъ окруженной молодыми березками; здѣсь было прохладнѣе, и пѣніе „Поющихъ ключей“ едва доносилось сюда грустнымъ аккордомъ. Кондарева сѣла на пенекъ и уронила на траву зонтикъ. Ея глаза теперь глядѣли съ недоумѣніемъ, и она какъ будто все что-то рѣшала про себя. Оживленіе мало-помалу исчезало съ ея лица.

Опалихинъ помѣстился у ея ногъ.

— Мнѣ бываетъ такъ стыдно, такъ горько— зашептала Кондарева, какъ будто разглядывая что-то вдали.

Она слегка поблѣднѣла и выраженіе тревоги мелькнуло въ ея недоумѣвающихъ глазахъ.

— Иногда мнѣ кажется, — говорила она въ задумчивости, — что я люблю тебя, а иногда словно ненавижу. И не милъ ты мнѣ, не милъ, не милъ. Отчего-бы это?—слегка развела она руками.—А мужа мнѣ стыдно, — продолжала она,—и дѣтей стыдно,—добавила она совсѣмъ шепотомъ, — я ужъ и не помню, когда я съ ними и играла-то. Сторонюсь я отъ нихъ!

Опалихинъ глядѣлъ на нее и укоризненно шепталъ:

— Ахъ, Таня, Таня! Развѣ-же можно быть такой глупой!

Но она точно не слышала его и съ тѣмъже недоумѣвающимъ выраженіемъ на лицѣ шептала:

Digitized by Google

— Ты мнѣ сильнымъ приглянулся, а пожалѣла я тебя слабаго, когда ты чуть не упалъ. И мужа я вотъ также жалѣла,—добавила она тѣмъ-же шепотомъ.

Внезапно она замолчала; глаза ея подернулись туманомъ, лицо поблѣднѣло, и губы какъ-то странно кривились. Казалось, она хотѣла сказать Опалихину что-то самое главное, но у нея не хватало силъ и рѣшимости. Опалихинъ увидѣлъ блѣдность ея лица и торопливо схватилъ ее за руки.

— Ну что ты, Таня?—вскрикнулъ онъ, придавая своему голосу умышленно веселый тонъ,—что-же это, Таня!

Онъ сталъ трясти ея руки, какъ-бы стараясь пробудить ее отъ сна. Она молчала и только ея глаза свѣтились туманнымъ свѣтомъ.

— Я нашъ колоколъ монастырскій слышала,—наконецъ прошептала она съ жалкой улыбкой,—а зачѣмъ онъ звонилъ?—пожала она плечомъ.—Стало-быть нехорошо!

Онъ трясъ ея руки и повторялъ:

— Ахъ, Таня, Таня! Какъ это стыдно: вѣрить сказкамъ!

Онъ заглядывалъ въ ея глаза, пытаясь разсмѣшить ее взглядомъ и жестами.

— Когда я къ тебѣ въ первый разъ пришла,—между тѣмъ шептала она,—и вотъ тутъ у березы стояла... И слышу, онъ звонитъ; нашъ,

Digitized by Google

монастырскій. А потомъ въ полѣ, съ мужемъ я ѣхала...

— Да будетъ-же тебѣ!—вскрикнулъ Опалихинъ съ досадой.

Онъ тихо снялъ ее съ пенька и привлекъ къ себѣ. Она расплакалась, а онъ сталъ цѣловать ея руки, глаза, губы. Ея горе слегка тронуло его.

— Пойми, глупая,—шепталъ онъ ей вразумительно и шутливо,—какое можетъ быть преступленіе любить того, кого любится. Виноватъ ли я въ томъ, что мнѣ нравится зеленый цвѣтъ, а не красный? И если вкусъ мой внезапно измѣнится, — такъ вѣдь я-то тутъ при чемъ? Вотъ въ дѣтствѣ я любилъ манную кашу, а теперь я ее не выношу. Просто отъ одного ея вида тошнитъ. Кто же тутъ виноватъ? Природа, создавшая мой языкъ и зрѣніе? Но вѣдь протестовать противъ законовъ природы— безсмыслица.

— Впрочемъ, — добавилъ онъ уже со смѣхомъ, — пересоздайте меня, если можете; я противъ этого ничего не имѣю.

Онъ сталъ качать ее въ своихъ рукахъ, какъ ребенка, и это успокоивало ее какъ-будто. Вокругъ было тихо; запахъ мяты носился надъ ними, и пѣнье родниковъ грустно журчало въ листвѣ.

— Мы ни въ чемъ не виноваты передъ тво-

Digitized by Google

имъ мужемъ,—говорилъ Опалихинъ, покачивая ее,—наоборотъ, мы приносимъ ему жертву, оставляя его въ сладкомъ невѣдѣньи. Что же? Нераскрытый обманъ есть истина, и когда наука вѣрила, что солнце ходитъ вокругъ земли, это было истиной для всего человѣчества.

Онъ замолчалъ и сталъ цѣловать ея блѣдную щеку. Она не открывала своихъ полузакрытыхъ глазъ, и ея рука лежала вокругъ его шеи. Неподвижный воздухъ, теплый и невыразимо мягкій, обнималъ ее всю, какъ вода. А порою тихая волна лѣниво ползла надъ нею, и она слышала, какъ деревья что-то бормотали въ полуснѣ, касаясь другъ друга шелестящимъ листомъ.

Уже разставаясь съ нею, Опалихинъ спросилъ:

— Ну-съ, успокоился ли, наконецъ, онъ, и какъ поживаетъ его ревность?

Татьяна Михайловна догадывалась, кого разумѣетъ Опалихинъ подъ словомъ „онъ", но тѣмъ не менѣе она не понимала вопроса. Мужъ совсѣмъ не ревновалъ ее все послѣднее время. Опалихинъ изумился, когда услышалъ ея отвѣтъ; нѣсколько взволнованный онъ разсказалъ ей содержаніе полученнаго имъ письма и о томъ, какой отвѣтъ послалъ онъ за подписью Евстигнея Федотова.

Но она все-таки ничего не понимала.

Digitized by Google

— Проживаетъ ли, по крайней мѣрѣ, у васъ въ усадьбѣ Матрена Федотова? — допытывался Опалихинъ.

Она отвѣчала, что теперь не проживаетъ; раньше дѣйствительно у нихъ служила прачкой Матрена Федотова, но недѣли три тому назадъ она разсчиталась и нанялась къ Столбунцову.

Они взволновались оба и принялись рѣшать задачу вдвоемъ. Продѣлка была очевидна, и автора продѣлки нужно было розыскать во что бы то ни стало.

Нѣсколько минутъ они взволнованно переговаривались объ этомъ. И вдругъ Опалихину показалось что онъ нашелъ этого автора.

— Это Столбунцовъ,—сказалъ онъ Татьянѣ Михайловнѣ. Это—никто больше, какъ Столбунцовъ. Матрена Федотова проживаетъ у него и онъ авторъ этой продѣлки. Платоша Столбунцовъ.

— Но какова бестія! — воскликнулъ онъ въ негодованіи.

— Впрочемъ, — успокоивалъ онъ Кондареву, — онъ сдѣлалъ это не ради шантажа. Онъ даже и для шантажа слишкомъ мелокъ и трусливъ. Это повѣрь мнѣ. Онъ сдѣлалъ это ради празднаго любопытства. Онъ кое-что подозрѣвалъ и все подсмѣивался надо мною: „а захочу, такъ узнаю навѣрняка! Это вѣдь

Digitized by Google

только мужья никогда ничего не узнаютъ. Одни только мужья!"

— Вотъ каналья-то! — восклицалъ Опалихинъ съ рѣзкимъ жестомъ.

Но все-таки продѣлка эта его нисколько не обезпокоила, а въ концѣ-концовъ только смѣшила.

„Столбунцовъ и я", думалъ онъ, „ну, можетъ-ли мнѣ повредить такая козявка!" И онъ презрительно усмѣхался своими яркими губами. Его беззаботный и смѣлый видъ успокоилъ какъ будто и Татьяну Михайловну, и ея лицо снова оживилось.

А вечеромъ, съ лицомъ, освѣщеннымъ какимъ-то чистымъ свѣтомъ, она сидѣла въ саду на скамьѣ, держала на колѣняхъ, бѣлоголоваго Юрку и говорила Костѣ, который, впрочемъ, въ настоящую минуту отъ головы до пятъ былъ уже Люціаномъ:

— Вотъ что, Люціанъ,—говорила Татьяна Михайловна дѣловито, — ступай и скажи Норману, что бизоньи языки караулить не къ чему. Лучше идите къ Франциску искать вмѣстѣ клубни дикаго картофеля.

Люціанъ слушалъ ее внимательно, но нѣкоторое время стоялъ какъ бы въ замѣшательствѣ. Казалось, что онъ затруднялся передать столь сложное порученіе половой щеткѣ, но не

Digitized by Google

зналъ въ какой болѣе приличной формѣ объяснить это старшему брату Базилю.

— Да вотъ что, — проговорилъ онъ, наконецъ,—я лучше только съ Францискомъ; вѣдь Норманъ все равно ничего не пойметъ!

И онъ капризно дергалъ плечомъ, подражая жесту матери.

— Какъ же не пойметъ,—возражала Татьяна Михайловна, — вѣдь тебѣ же извѣстно канадское нарѣчіе?

Это возраженіе совершенно успокоило Люціана, и черезъ нѣсколько минутъ онъ уже прыгалъ съ дикимъ видомъ по старымъ грядкамъ запущенныхъ огородовъ и безпощадно таскалъ за собою мужественнаго канадца. Таскалъ онъ его по-просту и безъ церемоній: прямо за волосы, которые, какъ извѣстно, отличались у канадца необычайной жесткостью и походили на щетину. И канадецъ не протестовалъ. Такой пріемъ, очевидно, выражалъ собою бесѣду на канадскомъ нарѣчіи.

Въ то же время Татьяна Михайловна показывала Юркѣ на звѣзды и говорила:

— Это ангелы, свѣтлые, чистые ангелы, Божьи любимцы. Они любятъ тебя, потому что и ты свѣтлый и чистый. У тебя нѣтъ въ сердцѣ ни одного грѣшнаго пятнышка.

Юрка смотрѣлъ на небо, туда, куда показывала ему мать, и въ его глазахъ тихо свѣти-

Digitized by Google

лась свѣтлая радость и ясное изумленіе. И мать, припадая къ сыну блѣдной щекой, задумчиво шептала, показывая на звѣзды:

— Ты слышишь, какъ онѣ поютъ: мы свѣтлые, свѣтлые. Мы чистые, чистые. Будьте такими, какъ мы.

Она припоминала стѣны монастыря, тихія, воды озера и голосъ старой тетки-монахини, и шептала:—Будьте чистые, чистые...

Она не договорила, поблѣднѣла, какъ снѣгъ, и поставила сына на землю. Скорбный и протяжный звонъ старовѣрческаго монастыря внезапно коснулся ея слуха, ворвался въ ея сердце и потрясъ его до основанія. Она вскочила со скамьи прислушалась въ тревогѣ и безпокойствѣ съ широко открытыми глазами, въ мучительной позѣ окаменѣвъ передъ скамьею. Сынъ ухватилъ ее за платье. Она вздрогнула, какъ подъ ударомъ. Звонъ повторился. Тихій, протяжный и кроткій, онъ прогудѣлъ въ темныхъ вершинахъ сада, какъ хвоя сосны подъ вѣтромъ, съ невѣроятной силой ударилъ ее по сердцу властной волной и умеръ, какъ вздохъ. Она упала на колѣни передъ скамьею.

„Господи Боже мой,—думала она въ ужасѣ, припадая къ скамьѣ лицомъ, — ужели Ты гонишь меня отъ сына, какъ гналъ тогда отъ любовника? Да будетъ Твоя воля, но я не уйду отъ сына, не уйду, не уйду!“

Digitized by Google

Юрка заплакалъ, крѣпко хватая ее за шею обѣими руками.

XI.

Кондаревъ быстро и весело вбѣжалъ въ кабинетъ Опалихина и, подражая его тону и манерѣ, звонко и насмѣшливо протянулъ:

— А-а, мой лучшій другъ! Онъ подбѣжалъ къ Опалихину, весело расхохотался, пожалъ его руку и шумно бухнулся у письменнаго стола въ кресло.

— Что это ты какимъ ураганомъ?—спросилъ его Опалихинъ насмѣшливо.

Онъ сидѣлъ у стола въ креслѣ за какими-то бумагами и теперь не безъ любопытства оглядывалъ Кондарева; весь его видъ показался Опалихину не совсѣмъ обычнымъ.

Кондаревъ былъ одѣтъ въ черную шелковую рубаху, черные бархатные шаровары и свѣтло-желтую поддевку, а отъ его лица, нервнаго и слегка какъ будто осунувшагося, на весь кабинетъ несло весельемъ и смѣхомъ.

— Ураганомъ?—переспросилъ онъ и расхохотался.

— Ахъ, вотъ кстати, чтобы не забыть,—вдругъ вскочилъ онъ съ кресла,—я тебѣ, такъ сказать, услуга за услугу. Хочу, братецъ мой,

Digitized by Google

тебя предупредить. — Онъ замолчалъ и снова опустился въ кресло. Его лицо стало серьезнымъ.

— Вѣдь ты завѣдывалъ, — съ разстановкою заговорилъ онъ,—раздачей земскихъ ссудъ на обсѣмененіе крестьянамъ нашего района? Такъ?

— Такъ,—кивнулъ головой Опалихинъ.

— Предсѣдателемъ комисіи по обсѣмененію,— продолжалъ Кондаревъ тѣмъ-же дѣловымъ тономъ,—является, какъ тебѣ извѣстно, предводитель дворянства. Предводитель-же, въ настоящую минуту за границей, выдаетъ ссуды безземельнымъ француженкамъ, и всѣ предводительскія дѣла теперь принялъ Алексѣй Петровичъ Грохотовъ. Такъ вотъ онъ-то и желаетъ поторопить всѣхъ васъ съ отчетами. У тебя отчетъ готовъ?—спросилъ онъ Опалихина.

Тотъ забарабанилъ по столу пальцами.

— А вѣдь я этотъ мотивъ знаю! — вдругъ весело вскрикнулъ Кондаревъ и даже вскочилъ съ кресла.

— Ну, конечно-же знаю, — повторилъ онъ, одной рукой отворачивая полу поддевки, а другой облокачиваясь на столъ и слегка склоняясь къ Опалихину.

— Какой мотивъ?—спросилъ его Опалихинъ лѣниво.

— А вотъ что ты сейчасъ наигрывалъ пальцами.

Digitized by Google

И Кондаревъ пропѣлъ на мотивъ пѣсенки „И шумитъ и гудитъ“—

— Денегъ дай, денегъ дай
И успѣха ожидай...

— Вѣдь правда?—спросилъ онъ Опалихина, снова опускаясь въ кресло.—Такъ вотъ, отчетъ у тебя готовъ?—повторилъ онъ свой вопросъ, сразу мѣняя выраженіе лица и тонъ.

— Вотъ то-то и есть, что нѣтъ,—отвѣчалъ, наконецъ, Опалихинъ,—отчитаться мнѣ не трудно будетъ, да сейчасъ я, какъ ты знаешь, по горло занятъ мельницей, а отчетъ все-же потребуетъ работы. Ну, да если нужно будетъ, что-же, —добавилъ онъ съ усмѣшкой, — работать мнѣ не привыкать стать!

— Теперь другое-съ, — заговорилъ Кондаревъ, со вниманіемъ поглядывая на Опалихина.—Какъ тебѣ извѣстно, я былъ на-дняхъ въ нашемъ губернскомъ городѣ, и тамъ держится упорный слухъ, что ты наканунѣ банкротства.

Онъ замолчалъ.

Тѣнь неудовольствія скользнула въ глазахъ Опалихина.

— Вотъ какъ?—вскинулъ онъ глаза на Кондарева.

— Да-съ — кивнулъ тотъ головою. — Это я тебѣ по дружбѣ. Упорный слухъ, — повторилъ

Digitized by Google

онъ,—будто ты этой зимой въ Петербургѣ въѣхалъ въ неоплатные долги; будто тебя одинъ армяшка въ карты сильно обставилъ, да одна дѣвица-фуроръ выпотрошила.

— Какой вздоръ!—сердито передернулъ плечами Опалихинъ.

—И я то же самое говорилъ, — усмѣхнулся Кондаревъ, да мнѣ плохо вѣрили, зная нашу дружбу.

— Какая гадость,—снова повторилъ Опалихинъ.

— Еще-бы! — воскликнулъ Кондаревъ. — А главное, — продолжалъ онъ оживленно, — всѣ твои кредиторы ужасно всполошились, и я боюсь, что теперь на тебя посыплются иски.

Онъ замолчалъ, всталъ съ кресла и заходилъ изъ угла въ уголъ по кабинету. Опалихинъ задумчиво глядѣлъ въ раскрытое окно. Въ комнатѣ стало тихо. Изъ сада вѣяло жаромъ. Деревья стояли пыльныя и унылыя. Станица воробьевъ съ шумомъ носилась по дорогѣ, перелетая съ мѣста на мѣсто.

— Да, это не совсѣмъ пріятно. — наконецъ вздохнулъ Опалихинъ.

Кондаревъ все такъ же ходилъ изъ угла въ уголъ по кабинету.

— А на какую сумму твои долги?—спросилъ онъ Опалихина.

— Тысячъ на пятнадцать,—отвѣчалъ тотъ.

Digitized by Google

— Это безъ моихъ десяти тысячъ?

— Безъ твоихъ.

— Такъ, вздохнулъ Кондаревъ. — Стало-быть—добавилъ онъ,—если всѣ твои кредиторы всполошатся, удовлетворить ихъ тебѣ будетъ затруднительно.

— Ну, да,—отвѣчалъ Опалихинъ.—Мнѣ придется тогда пріостановить всѣ работы по мельницѣ и заводу и продать весь скотъ. А ты знаешь, какъ я имъ дорожу.

— Такъ,—снова вздохнулъ Кондаревъ.—А какую сумму выдало тебѣ земство на обсѣмененіе?—приблизился онъ къ Опалихину.

Тотъ отвѣчалъ:

— Тридцать тысячъ.

Они снова замолчали, занятые каждый своей думой. Надъ садомъ загудѣлъ вѣтеръ, хлопая калиткой. Сбоку что-то свиснуло, и сломанныя вѣтки ветлы закувыркались въ воздухѣ.

— Слушай,—сказалъ Кондаревъ и подошелъ къ Опалихину; его лицо было серьезно, блѣдно и задумчиво.

Опалихинъ поднялъ на него глаза. Калитка сада снова хлопнула и заскрипѣла на петляхъ.

— Слушай,—повторилъ Кондаревъ,—ты мой лучшій другъ, и знай, что съ сегодняшняго дня въ моемъ столѣ будутъ лежать готовыми и на чеку сорокъ пять тысячъ. Если онѣ тебѣ понадобятся, хоть среди ночи, валяй прямо ко

Digitized by Google

мнѣ, и я ихъ дамъ тебѣ даже безъ векселя,— добавилъ онъ тихо.

Поспѣшно онъ отошелъ отъ него и сѣлъ въ самый дальній уголъ, въ кресло, сунувъ руки въ карманы шароваръ.

„Возьметъ или не возьметъ?“—думалъ онъ объ Опалихинѣ. Опалихинъ полуобернулся къ нему въ своемъ креслѣ и сидѣлъ съ опущенными глазами. Кондареву казалось, что его лицо слегка блѣднѣло.

„Возьметъ или не возьметъ?“—думалъ онъ съ тоскою.

Въ саду что-то зашипѣло. Пыльный вихрь побѣжалъ дорогой, крутя въ своей спирали соломины и вѣтки ветлы. Парусина балкона захлопала короткими и гулкими ударами. Опалихинъ поднялъ на Кондарева глаза; они были ясны и спокойны, какъ всегда.

— Если мнѣ придется круто,—сказалъ онъ съ усмѣшкой, — то я у тебя возьму, сколько понадобится. Благодарю.

„Ты-то у меня ихъ возьмешь“, — со злобой подумалъ Кондаревъ,—„да я-то тебѣ ихъ не дамъ!“

— Такъ-то-съ,—вздохнулъ онъ вслухъ и вытянулъ ноги.

Звонкій и веселый дождь упалъ на зеленую грудь сада, запрыгалъ на пескѣ аллей стекляннымъ бисеромъ и распугалъ стаи воробьевъ,

Digitized by Google

носившихся по дорогамъ. Его внезапный приходъ словно растормошилъ весь садъ, и садъ откликался ему веселымъ гуломъ. Однако скоро онъ убѣжалъ дальше, застилая окрестность свинцовой сѣткой и звонко гудя надъ лѣсами.

Когда Кондаревъ и Опалихинъ вышли на крыльцо, Опалихинъ, чтобы ѣхать на мельницу, а Кондаревъ—къ Грохотову, весь дворъ, умытый и освѣщенный солнцемъ, точно улыбался ясной и молодой радостью.

— А я у тебя въ кабинетѣ папиросницу забылъ,—внезапно проговорилъ Кондаревъ, небрежно и весело обращаясь къ Опалихину, и пошелъ въ домъ.

Однако на порогѣ кабинета онъ какъ будто бы нѣсколько замялся, и веселость исчезла съ его лица. Съ минуту онъ простоялъ въ задумчивости, затѣмъ торопиво вынулъ изъ кармана кошелекъ и досталъ оттуда небольшой ключъ, но уже не стальной, который онъ такъ старательно оберегалъ раньше въ своемъ карманѣ, а бронзовый. Этотъ ключъ былъ отъ его собственнаго письменнаго стола, который ему привезли изъ города только сегодня, и заказанъ былъ этотъ ключъ по образцу того самого стального. Съ этимъ ключомъ онъ поспѣшно подошелъ къ столу Опалихина и попробовалъ имъ ближній ящикъ. Ключъ отперъ и заперъ ящикъ.

Digitized by Google

— Такъ-съ, — вздохнулъ Кондаревъ, пряча обратно ключъ.

— Какое совпаденіе,—говорилъ онъ Опалихину на крыльцѣ,—у меня, какъ тебѣ извѣстно, пострадалъ отъ огня письменный столъ, и я пріобрѣлъ себѣ новый. И представь себѣ,—весело воскликнулъ Кондаревъ,—какъ двѣ капли воды твой! Удивительное совпаденіе, — повторялъ онъ съ веселымъ жестомъ.

— А гдѣ ты покупалъ свой?—спросилъ его Опалихинъ.

Кондаревъ назвалъ ему мастерскую.

— Ничего нѣтъ удивительнаго,—пожалъ плечомъ Опалихинъ,—тамъ только и дѣлаютъ такіе столы.

„Да ужъ я теперь это и безъ тебя знаю“, подумалъ Кондаревъ и разсмѣялся хриплымъ смѣхомъ.

— Такъ стало-быть,—заговорилъ онъ, обрывая смѣхъ,—если тебѣ круто придется, такъ ты прямо ко мнѣ за деньгами-то? Да?

— Благодарю, благодарю,—съ улыбкой повторилъ Опалихинъ.

„А не обожжешься?“—подумалъ Кондаревъ со злобой и добавилъ вслухъ:

— Такъ, пожалуйста.

Они разстались.

Грохотова Кондаревъ засталъ на крыльцѣ. Онъ стоялъ въ своемъ шелковомъ подрясникѣ

Digitized by Google

и озабоченно переговаривался о чемъ-то съ приказчикомъ.

— О, Господи,—еще издали весело закричалъ ему Кондаревъ, — какими всѣ дѣльцами обернулись! Даже Алексѣй Петровичъ о хозяйствѣ съ приказчикомъ трактуетъ!

И онъ со смѣхомъ передалъ свою лошадь подбѣжавшему кучеру.

— Да я вовсе не о хозяйствѣ, — отвѣчалъ Грохотовъ,—здороваясь съ нимъ и поглядывая на него мечтательными глазами,—я совсѣмъ не о хозяйствѣ. О какомъ хозяйствѣ?—вдругъ спросилъ онъ Кондарева, точно очнувшись отъ сна.

Кондаревъ расхохотался.

— Ахъ, да, спохватился Грохотовъ,—такъ я не о хозяйствѣ.

— А о чемъ же? о чемъ же Алексѣй Петровичъ?

— Вотъ видите-ли, — взялъ онъ Кондарева за пуговицу, — мнѣ очень хочется пріобрѣсти живую фотографію.

— Чего?—переспросилъ Кондаревъ.

— Живую фотографію. Это видите-ли...

— А жнейки у васъ есть? — перебилъ его Кондаревъ.

— Жнейки, какія жнейки? ахъ, да,—спохватился Грохотовъ,—такъ зачѣмъ я тебя, милый, звалъ? — внезапно обратился онъ къ приказчику. Онъ окончательно растерялся.

Digitized by Google

Въ кабинетѣ однако, онъ пришелъ нѣсколько въ себя и внимательно слушалъ Кондарева. А Кондаревъ говорилъ ему:

— Слушайте-же, Алексѣй Петровичъ. Требуйте какъ можно скорѣе отчета въ земскихъ деньгахъ отъ Опалихина. Его дѣла сильно пошатнулись, онъ много задолжалъ этой зимой въ Петербургѣ, и кто знаетъ? А отъ отчета онъ отвиливаетъ. Я его сегодня видѣлъ. Очень отвиливаетъ. А вѣдь за земскія деньги вамъ отвѣчать-то придется. Такъ вы хоть самого себя поберегите-то.

— Хорошо, хорошо, — соглашался съ нимъ Грохотовъ, — только вы почаще, пожалуйста, напоминайте мнѣ объ этомъ, а то вѣдь вы сами знаете, какая у меня память.

— Я буду вамъ твердить объ этомъ хоть каждый день — говорилъ ему Кондаревъ, — но только и вы будьте энергичны.

— Слыхали новость?—кричалъ Столбунцовъ, влетая въ гостиную Ложбининой.

— Ну?—оживились обѣ дамы сразу.

— Опалихинъ, не нынче—завтра, летитъ въ въ трубу.

— Да быть этого не можетъ! — изумилась Вѣра Александровна и Людмилочка.

— „Клянусь позоромъ преступленья!“—расхохотался Столбунцовъ. — Объ этомъ весь городъ кричитъ. Скоро навѣрно и въ газетахъ

Digitized by Google

пропечатано будетъ: „Намъ передаютъ изъ вѣрныхъ источниковъ, что извѣстный въ нашей губерніи дѣятель по сельскому хозяйству г. О. къ сожалѣнію и т. д.“.

Столбунцовъ снова расхохотался и, потирая ладонью бритое, какъ у актера, лицо, подсѣлъ къ Людмилочкѣ.

— А все женщины, — говорилъ онъ ей, — все женщины! Опалихина, какъ слышно, одна француженка на двадцать тысячъ въ Петербургѣ обмусолила, да армяшка въ картишки обсахарилъ!

Между тѣмъ Кондаревъ возвращался къ себѣ домой, блѣдный съ усталымъ лицомъ и тусклыми глазами. „Ну-съ, Сергѣй Николаевичъ,—думалъ онъ объ Опалихинѣ, — пути я себѣ широко открылъ и цѣпи всѣ до единой сбросилъ, только вкусно-ли покажется вамъ, когда ваша-же вѣра по вашей спинѣ палкой заходитъ!“

Онъ лѣниво шевелилъ вожжами, сутулясь на своихъ дрожкахъ и, устало вглядываясь въ синій мракъ лѣтней ночи, думалъ снова: „Что я васъ въ яму столкну, это для меня ужъ не загадка даже; послушаю-ка, что вотъ вы запоете, когда крышка надъ вами захлопнется, и вы какъ крыса въ ловушкѣ замечетесь“.

Въ полѣ было прохладно. Клочки сизаго тумана ползали кое-гдѣ надъ ложбинами, лѣниво шевелясь, какъ перебирающіяся куда-то чере-

Digitized by Google

пахи, и крикъ лягушекъ гремѣлъ съ береговъ Вершаута, сливаясь въ одинъ окрикъ и наполняя собой всю окрестность.

XII.

Ложбинина сидѣла у себя въ бесѣдкѣ, надъ обрывомъ Вершаута, вся раздушенная и расфранченная, небрежно раскинувшись въ креслѣ. Ея глаза мечтательно скользили по стѣнамъ бесѣдки. Она о чемъ-то думала, порою поглядывая на Людмилочку. А Людмилочка расхаживала взадъ и впередъ по бесѣдкѣ, игриво раскачивала плечами и смѣшно выпятивъ свои розовыя губки, насвистывала какую-то мелодію.

— Ты что это, грустишь что-ли? — неожиданно спросила она Ложбинину, на минуту останавливаясь у ея кресла. Та лѣниво шевельнула полными плечами.

— Немножко, — отвѣчала она съ томной граціей.

— О чемъ? Людмилочка снова заходила по бесѣдкѣ и, сложивъ назади руки, закачала плечами.

— Вотъ видишь-ли,—шевельнулась Ложбинина,—вчера я получила письмо отъ подруги; она пишетъ мнѣ о моемъ мужѣ.

— Ну?

Digitized by Google

— Вѣдь ты знаешь, ему раньше совсѣмъ не везло по службѣ, а теперь фортуна ему улыбнулась, и онъ наканунѣ губернаторства.

— О-о-о, — насмѣшливо протянула Людмилочка и добавила:

— И теперь ты не прочь вновь сойтись съ мужемъ, чтобъ стать губернаторшей? Да?

— Немножко,—разсмѣялась Ложбинина, красивымъ груднымъ смѣхомъ.—Но, конечно-же,— вновь повела она полными плечами,—идти къ нему на поклонъ первой мнѣ не хочется. Съ какой стати!

— Итакъ, можетъ быть, ты скоро будешь губернаторшей? — спросила ее Людмилочка и перестала свистать.

— Можетъ быть.

— Кого-же ты возьмешь тогда къ себѣ въ чиновники особыхъ порученій?

Людмилочка внезапно заглянула въ глаза Ложбининой, и онѣ обѣ сразу весело разсмѣялись.

Въ то же время Кондаревъ лежалъ у себя въ кабинетѣ, на широкой тахтѣ, блѣдный съ усталыми глазами и осунувшимся лицомъ, прикрывъ ноги дорожнымъ чапаномъ. Несмотря на теплый день, онъ постоянно ощущалъ приступы озноба и то и дѣло передергивалъ плечами,

Digitized by Google

апатично поглядывая въ окошко. Мысли лѣниво текли въ его головѣ. Завтра онъ разсчитывалъ нанести Опалихину послѣдній ударъ; онъ былъ твердо увѣренъ въ побѣдѣ, но теперь это предвкушеніе побѣды какъ будто нисколько не радовало его.

„Завтра я его въ бараній рогъ согну,—думалъ онъ совершенно равнодушно,—но для чего и для кого это нужно, и стоило-ли такъ пачкать себѣ руки?“ Онъ нервно передергивалъ плечами, апатично зѣвалъ и перевертывался на другой бокъ. „Побѣда меня не радуетъ нисколько,—продолжалъ онъ свои размышленія,—такъ зачѣмъ-же я всю эту грязную канитель завелъ? Чтобъ показать Опалихину, что его вѣра—поганая палка? А мнѣ-то что до этого? Не все-ли мнѣ равно, какимъ богамъ люди молебны служатъ? Пусть ихъ!“

И онъ снова зѣвалъ и нервно передергивалъ плечами.

Иногда-же съ тѣмъ-же апатичнымъ взоромъ онъ думалъ объ Опалихинѣ: „а всетаки интересно будетъ послушать, какою молитвой онъ боговъ своихъ возблагодаритъ, когда они его самого-же къ позорному столбу подведутъ?“ При этомъ онъ вспоминалъ слова Опалихина: „вѣра въ какую угодно критическую минуту человѣка выручитъ“, и ему приходило въ голову: „ну вотъ и посмотримъ, какъ она тебя,

Digitized by Google

голубчика, выручитъ. А минута будетъ для тебя по-истинѣ критической".

И, апатично повертываясь съ боку на бокъ на своей тахтѣ, онъ снова принимался взвѣшивать всѣ обстоятельства предстоящей битвы. Мысленно онъ такъ и называлъ битвою то, что должно было произойти завтра. Въ побѣдѣ онъ не сомнѣвался ни на минуту; слишкомъ ужъ старательно была предусмотрѣна имъ каждая мелочь. Слухи о банкротствѣ Опалихина всполошили всю губернію, на Опалихина посыпались иски; земство заволновалось объ участи своихъ денегъ и надоѣдало ему съ отчетомъ; и къ довершенію всего въ кабинетѣ Кондарева стоялъ столъ, представлявшій собою точную копію опалихинскаго стола, и въ ящикѣ этого стола лежало сорокъ пять тысячъ. О тождествѣ столовъ Кондарева и Опалихина тоже уже знали многіе: и Столбунцовъ и Грохотовъ, и Ложбинина,—имъ это было разсказано шуткой, съ улыбочкой, какъ будто между прочимъ, они даже можетъ-быть уже и забыли объ этомъ теперь, но завтра, въ нужную минуту, они вспомнятъ о томъ, непремѣнно вспомнятъ, Кондаревъ и не сомнѣвался въ этомъ. И тогда-то Опалихинъ будетъ потопленъ. При этомъ Кондареву вспоминалось, съ какой небрежностью Опалихинъ изъявилъ согласіе принять отъ него сорокъ пять тысячъ, если ему придется круто, и

Digitized by Google

онъ думалъ о немъ: „вѣдь вотъ всѣ эти господа отъ людской помощи не отказываются, а сами и толкнуть даже не соблаговолятъ. Напрасная трата энергіи!“ Вмѣстѣ съ этой мыслью въ его сердцѣ просыпалось раздраженіе, и ему приходило въ голову:

„Сами себя вы, господа, въ побѣдители записали, а всѣхъ насъ къ рабамъ сопричислили. Но что-же будетъ съ вами, если рабъ взбунтуется и ту-же палку возьметъ? Вѣдь вы же только тѣмъ и сильны, что въ вашихъ рукахъ дубина! А если эта дубина въ нашихъ рукахъ очутится, тогда что?“

Конъ[illegible]въ повернулся лицомъ къ двери. Въ его кабинетъ вошла жена; она опустилась около тахты въ кресло и, съ участіемъ поглядывая на лицо мужа, спросила:

— Тебѣ нездоровится что-ли?

Онъ съ равнодушнымъ видомъ отвѣчалъ:

— Голова немного болитъ и ознобъ.

— А на завтра гостей позвалъ? — сказала она ему точно съ упрекомъ:

— До завтра пройдетъ.

Онъ поправилъ на ногахъ чапанъ, оперся на локоть и заглянулъ въ лицо жены.

Та сидѣла потупившись и внимательно разглядывала кольца, сверкавшія на ея тонкихъ пальцахъ.

— Знаешь, Таня, — внезапно заговорилъ

Digitized by Google

Кондаревъ, — дѣлать-то мнѣ сейчасъ нечего, такъ вотъ я все лежу здѣсь и объ опалихинской вѣрѣ думаю. Поганая у нихъ вѣра, Таня!—неожиданно повысилъ онъ голосъ и даже нѣсколько оживился.

— Но что всего хуже,—продолжалъ онъ,—такъ это то, что они съ этой своей вѣрой, какъ павлинъ съ хвостомъ фуфырятся. Глядите, дескать, люди и любуйтесь. Мы вамъ это всемилостивѣйше не возбраняемъ!—Кондаревъ на минуту замолчалъ. Жена слушала его молча и не поднимала глазъ.

— Я понимаю такъ,—заговорилъ Кондаревъ и огоньки зажглись въ его глазахъ,—я понимаю такъ. Дошелъ я до такой вѣры и глаза закрывши на землю легъ. Ухожу, дескать, я отсюда, люди добрые, моченьки моей больше нѣтъ, а вы живите, если можете. Это я понимаю,—вскрикнулъ Кондаревъ,—но вѣдь у нихъ совсѣмъ не то. У нихъ радость и ликованіе, словно они золотыя розсыпи нашли. И это-то въ нихъ и противно! И хочется мнѣ другой разъ, Таня,—снова рѣзко вскрикнулъ онъ сиповатымъ голосомъ,—хочется мнѣ эту самую вѣру ихъ ногою въ морду толкнуть, чтобы хоть на одну минуточку самодовольство съ нея слетѣло! Онъ замолчалъ въ волненіи; розовыя пятна мерцали на его осунувшихся щекахъ.

— Да,—вздохнулъ онъ,—идетъ человѣкъ по

Digitized by Google

людскимъ головамъ, ясный, спокойный и свѣтлый, и думаетъ человѣкъ, что порфира антихристова у него за плечьми колышется, и не видитъ онъ, что это не порфира антихристова, а собачья шкура. Гнусно!

Кондаревъ снова замолчалъ, какъ-бы разглядывая что-то вдали лихорадочно горящими глазами. Татьяна Михайловна сидѣла молча, безъ движенья, съ потупленнымъ лицомъ. Въ комнатѣ было тихо. Ясный день глядѣлъ въ широкія окна, и было слышно порою, какъ стая голубей, играя, срывалась съ желѣзной крыши дома съ шумомъ, похожимъ на встряхиванье ковра.

— Падающаго толкни! Что можетъ быть страшнѣе этого, Таня—возбужденно заговорилъ Кондаревъ съ лихорадочнымъ румянцемъ на лицѣ. — Вѣдь и собака собакѣ раны зализываетъ, а тутъ человѣкъ человѣка и вдругъ...— Онъ не договорилъ и закрылъ лицо руками.

— Да, — вздохнулъ онъ, отнимая отъ лица руки.—Тотъ, кто первый фразу эту выкрикнулъ, могъ, пожалуй, и сильнымъ человѣкомъ быть; онъ ее горбомъ своимъ заработать могъ. А въ молитвенникъ ее, какъ заповѣдь, записали дрянь и ничтожество. Это ужъ вѣрно, Таня, потому что нѣтъ ничего легче, какъ самого себя по шерсткѣ гладить. А если они съ вида сильными кажутся, такъ это ничего не зна-

Digitized by Google

читъ, Таня, такъ какъ наглость всегда при удачѣ всемогущей выглядываетъ, а ты погляди на нее при неудачѣ.

— Таня! — вдругъ вскрикнулъ онъ, простирая со стономъ руки.

Она бросилась къ нему невольнымъ порывомъ, придвигаясь къ его мертвенно блѣдному лицу. Его губы кривились, и глаза горѣли сухимъ блескомъ. Казалось, онъ хотѣлъ что-то сказать женѣ... и не рѣшался. Колебанія бѣгали по его лицу мелкими судорогами. Жена держала его руки и глядѣла въ глаза, съ трепетомъ поджидая его слова.

— Таня,—наконецъ заговорилъ онъ сиплымъ шопотомъ,—что если-бы, Таня, эта вѣра живымъ человѣкомъ къ тебѣ явилась, — онъ передохнулъ, пережидая судорогу, дергавшую его губы,—хватило-бы у тебя силы и мужества,— продолжалъ онъ какъ-бы черезъ силу,—ударить этого человѣка въ сердце... изъ-за угла? — добавилъ онъ чуть слышно.

Съ минуту она глядѣла въ его глаза съ недоумѣніемъ, а затѣмъ тихо сняла съ своихъ плечъ его руки, безмолвно ушла отъ него и пересѣла въ дальній уголъ въ кресло. Ея лицо выражало волненіе, и глаза свѣтились туманнымъ свѣтомъ. Онъ поджидалъ ея отвѣта, упираясь руками въ тахту и не сводя съ нея глазъ.

Въ комнатѣ стало тихо; только голуби ле-

Digitized by Google

тали надъ крышей, свистя крыльями. Кондарева сидѣла въ своемъ креслѣ съ убитымъ лицомъ. Наконецъ, она поднялась съ кресла и повернула къ мужу голову; ея лицо уже выражало собою рѣшимость и глаза глядѣли серьезно и мягко.

— Нѣтъ,—проговорила она твердо,—я никогда не ударила-бы его. Я бы такого человѣка — пожалѣла!—наконецъ, добавила она.

И она тихо пошла вонъ изъ комнаты.

Кондаревъ припалъ къ подушкѣ лицомъ.

Только вечеромъ онъ вышелъ изъ кабинета и долго безцѣльно слонялся по двору съ апатичнымъ лицомъ. Порою онъ выходилъ изъ околицы и равнодушно глядѣлъ въ поле, глубоко засовывая руки въ карманы поддевки и подставляя лицо прохладѣ полей. Въ полѣ было свѣжо. Малиновая заря горѣла на западѣ, и зеленые бугры полей казались розовыми. И онъ глядѣлъ на эти бугры, устало жмуря глаза и что-то нашептывая блѣдными губами.

„Не все жалѣть можно“, думалъ онъ и проходилъ дальше въ поле. Но тамъ онъ внезапно останавливался точно передъ какою-то стѣною, долго глядѣлъ себѣ подъ ноги, на траву межи, посѣдѣвшую отъ росы, какъ мѣхъ, и затѣмъ круто повертывалъ назадъ, на темнѣющій дворъ.

Его звали ужинать, но онъ не пошелъ. Жена вышла къ нему нѣсколько встревоженная, съ

Digitized by Google

печальными глазами, попробовала его лобъ рукою, ласково поговорила съ нимъ и ушла спать, а онъ все ходилъ по двору, и странное безпокойство все росло и росло въ его сердцѣ. Наконецъ, когда уже весь дворъ погрузился во мракъ, и розовые бугры погасли въ полѣ, онъ внезапно подошелъ къ людскимъ избамъ, вызвалъ разоспавшагося конюха и приказалъ тотчасъ-же осѣдлать себѣ лошадь. И онъ торопилъ конюха, безпокойно касаясь рукой его плечъ, точно онъ собирался ѣхать къ умирающему. А затѣмъ, усаживаясь уже въ сѣдло, онъ старательно застегнулъ всѣ крючки своей поддевки и осторожнымъ шагомъ выѣхалъ за ворота. Нѣкоторое время онъ ѣхалъ тѣмъ-же осторожнымъ шагомъ, поглядывая вокругъ съ тревогой и безпокойствомъ въ глазахъ. Онъ и самъ не зналъ, куда и зачѣмъ онъ ѣдетъ теперь, онъ только чувствовалъ, что сейчасъ къ нему подошло то, что требовалось разрѣшить немедленно-же и разъ навсегда. И онъ то и дѣло оправлялъ на себѣ поддевку, какъ-бы приготовляясь къ чему-то рѣшительному. И вдругъ онъ бѣшено ударилъ каблуками бока прыгнувшей отъ этого удара лошади. Его лицо освѣтилось смѣлостью и злобой; лошадь понесла, пригибая внизъ голову и крутя шеей, а онъ злобно рвалъ повода и думалъ: „Къ чорту всю эту грязную канитель! Перевѣдаться съ нимъ

Digitized by Google

въ честномъ бою и сейчасъ-же! А тамъ крышка!“ Лошадь несла, и топотъ ея ногъ будилъ тишину поля звонкими ударами молота; вѣтеръ шумѣлъ въ ушахъ Кондарева, а онъ бѣшено думалъ:

— Въ честномъ бою, и къ чорту!

Онъ скакалъ къ Опалихину. Въ самыхъ воротахъ онъ осадилъ лошадь такимъ рѣзкимъ движеніемъ руки, что та сразу сѣла на заднія ноги.

А онъ тихо слѣзъ съ сѣдла и повелъ лошадь за собой къ каретнымъ сараямъ.

Лошадь тяжело раздувала бока и стряхивала съ удилъ пѣну. Онъ привязалъ ее у столба къ желѣзному кольцу, и снова оправивъ на себѣ поддевку, оглянулся на опалихинскій домъ. Онъ измѣрилъ его съ верху до низу злобными глазами, какъ врага.

Весь домъ спалъ; только изъ окна кабинета лился свѣтъ и бѣлымъ пятномъ лежалъ на травѣ подорожника. Кондаревъ съ спертымъ дыханіемъ направился къ этому окну. Тихо и осторожно, слыша біеніе своего сердца, онъ приложился лбомъ къ холодному стеклу окна и заглянулъ въ кабинетъ. Опалихинъ сидѣлъ за письменнымъ столомъ и работалъ, подводя какіе-то счета. Очевидно, онъ готовилъ отчетъ по обсѣмененію. Кондаревъ оглядѣлъ всю его сильную фигуру со вниманіемъ, тихо стукнулъ въ окно пальцемъ и, спрятавшись затѣмъ за

Digitized by Google

косякъ окна, сталъ наблюдать за Опалихинымъ изъ-за прозрачной ткани гардины. Его сердце громко стучало, наполняя голову туманомъ. Онъ увидѣлъ, какъ Опалихинъ, бросивъ перо, спокойнымъ движеніемъ повернулся къ окну; его глаза были свѣтлы и холодны. Кондарева точно ударилъ этотъ ясный взоръ, и онъ съ ненавистью подумалъ:

— На него иски, а онъ свѣтелъ и спокоенъ, потому что увѣренъ, что побѣдитъ. Кто-же сломитъ его увѣренность?

Между тѣмъ Опалихинъ продолжалъ глядѣть на окно, и нѣкоторое недоумѣніе отразилось въ его глазахъ. Кондаревъ рѣшительнѣе стукнулъ въ окно рукою и внезапно выдвинулъ свое поблѣднѣвшее лицо изъ-за косяка на встрѣчу Опалихину. Тотъ увидѣлъ его и, спокойно улыбаясь, поднялся съ своего кресла. Однако, онъ не спѣшилъ двинуться на встрѣчу Кондареву; его какъ будто что-то поразило въ этихъ глазахъ, странно мерцавшихъ по ту сторону стекла, и теперь полное недоумѣніе отразилось на лицѣ Опалихина. Онъ какъ будто колебался. Впрочемъ, это продолжалось одно мгновеніе. Недоумѣніе тутъ-же соскочило съ его лица, и съ ясной и спокойной улыбкой Опалихинъ двинулся къ окну.

— Ты что? По дѣлу? — спросилъ онъ, широко и смѣло распахивая окно.

Digitized by Google

Кондаревъ молчалъ, чувствуя, что что-то ушло изъ него, и онъ уже не сдѣлаетъ того, для чего онъ летѣлъ сюда сломя голову. Всѣ его силы точно сокрушило бурей.

— Нѣтъ, я такъ,—наконецъ отвѣчалъ онъ, какъ-бы снова начиная зябнуть,—я катался да и заѣхалъ. Авось, думаю, не спитъ. Онъ въ замѣшательствѣ развелъ руками и тяжело вздохнулъ.

— Ну, спасибо, — отвѣчалъ Опалихинъ и усѣлся на подоконникъ въ полоборота къ Кондареву.

— На тебя иски?—спросилъ его Кондаревъ, жмуря глаза и облокачиваясь локтями на тотъже подоконникъ. Его лицо уже глядѣло устало и страдальчески.

— Да,—отвѣчалъ тотъ.

— Это тебя волнуетъ?

— Немножко.

Онъ улыбнулся свѣтло и ясно.

— Ты увѣренъ, что побѣдишь все?

— Да.

Кондаревъ вздохнулъ, передернувъ плечами. Звукъ его голоса былъ мягокъ и задушевенъ.

— Готовъ-ли у тебя отчетъ?—спросилъ онъ Опалихина черезъ минуту.

— Нѣтъ еще,—отвѣчалъ тотъ,—хотя скоро я уже его закончу. Внезапно онъ усмѣхнулся и добавилъ:—Неужто ты можешь подозрѣвать,

Digitized by Google

что я попользовался хотя единою копѣйкою земства?

Кондаревъ съ живостью воскликнулъ:

— Я никогда этого не думалъ, клянусь тебѣ!

Его голосъ звучалъ искренне и правдиво. Онъ добавилъ:

— Но какіе боги удерживаютъ тебя отъ этого?

— Я могу работать,—вмѣсто отвѣта проговорилъ Опалихинъ,—я могу работать,—повторилъ онъ, — и зарабатывать столько, сколько мнѣ нужно. Зачѣмъ-же мнѣ чужія деньги?

Онъ пожалъ плечами.

— Ты первый работникъ въ губерніи! — снова искренно и задушевно воскликнулъ Кондаревъ,—но что-бы было, еслибы ты потерялъ способность къ работѣ? — Онъ уставилъ на Опалихина горячій взоръ. — Что-бы тебѣ подсказали твои боги? — добавилъ онъ. — Опалихинъ молчалъ. На дворѣ было тихо. Синій мракъ неподвижно стоялъ за околицей и ровное дыханіе ночи струилось въ комнату надъ головой Кондарева свѣжей волной. Онъ слышалъ, какъ лошадь грызла удила.

— Что-бы было, еслибы ничего не было? — вопросомъ-же отвѣчалъ Опалихинъ и усмѣхнулся.

— Ну, отвѣть мнѣ! ну, сдѣлай милость! — вскрикнулъ Кондаревъ съ горячностью.

Digitized by Google

— Я, право, не знаю, что сказать тебѣ, — отвѣчалъ Опалихинъ. Онъ подумалъ и добавилъ:

— Тогда, можетъ быть.

— Скажи, что это вздоръ, — вскрикнулъ Кондаревъ.

— Тогда, можетъ быть,—настойчиво повторилъ Опалихинъ, и холодный свѣтъ скользнулъ въ его глазахъ.

— Такъ говоритъ Заратустра, — вздохнулъ Кондаревъ,

Онъ стоялъ все въ той-же позѣ, облокачиваясь обоими локтями на подоконникъ. Его лицо было все также блѣдно, а глаза зажглись рѣзкимъ и сухимъ блескомъ.

— А мужики подохли-бы съ голода? Да? — спросилъ онъ Опалихина холодно и рѣзко.

— А мужики подохли-бы съ голода,—отвѣчалъ тотъ,—вѣдь я самъ для себя нужнѣе, и кто мнѣ они? Случайные попутчики въ лодкѣ? И если насъ захватилъ шквалъ, что-же? — презрительно усмѣхнулся онъ.

Кондаревъ схватилъ его за локоть.

— Такъ ихъ нужно вышвырнуть за бортъ? Да? Откажись отъ своихъ словъ, прошу тебя,— вскрикнулъ онъ съ мученіемъ на лицѣ.—Откажись, ради Бога! — не выпускалъ онъ его локтя. — Ну, что тебѣ стоитъ отказаться! Ну, сдѣлай-же это, — повторялъ онъ съ розовыми пятнами на щекахъ.

Digitized by Google

Опалихинъ усмѣхнулся.

— Во имя чего?—спросилъ онъ Кондарева.

Кондаревъ чуть не вскрикнулъ:

— Ты самъ себя потопишь завтра этою фразой!

Онъ хрипло расхохотался, отпустилъ локоть Опалихина и, подражая ему, насмѣшливо произнесъ:

— Во имя чего?—И съ хриплымъ смѣхомъ онъ добавилъ:—Такъ непремѣнно-же пріѣзжай ко мнѣ завтра.

— Непремѣнно, непремѣнно,—усмѣхнулся и Опалихинъ.

Кондаревъ пожалъ его за локоть и направился къ лошади. Уже усаживаясь въ сѣдло, онъ холодно и насмѣшливо декламировалъ:

— И слабымъ маніемъ руки
На русскихъ двинулъ онъ полки!

XIII.

Кондаревъ возвратился домой, когда уже весь дворъ былъ затопленъ бѣлесоватой мутью и предразсвѣтный вѣтеръ шуршалъ въ деревьяхъ сада. На встрѣчу ему съ заваленки лѣниво поднялась собака, крутымъ горбомъ выгнула спину, зѣвнула, загибая кверху красный языкъ, и помахала хвостомъ. Онъ проѣхалъ къ людской

Digitized by Google

избѣ; за тусклымъ окномъ кто-то громко молился, кашлялъ и чесалъ животъ. Заспанный конюхъ, распоясанный и босой, выбѣжалъ изъ избы, стукаясь обо всѣ косяки, и привычной рукой, не глядя, поймалъ брошенный ему поводъ. Кондаревъ отправился къ дому. Онъ тихо прошелъ въ кабинетъ, сбросивъ съ себя поддевку и сапоги, залѣзъ подъ чапанъ, на тахту, и тотчасъ-же заснулъ, точно нырнулъ въ воду. И такъ-же внезапно онъ проснулся. Его разбудилъ какой-то свистящій шопотъ подъ самымъ ухомъ. Онъ открылъ глаза и съ странной ясностью тотчасъ же сообразилъ, гдѣ онъ и что ему надлежало дѣлать. Онъ торопливо сталъ одѣваться.

— Я не проспалъ?—спросилъ онъ человѣка, разбудившаго его, и тутъ же понялъ всю несуразность своего вопроса. Онъ никогда не могъ проспать такого событія. Жуткій трепетъ обдалъ его мучительной волной. Человѣкъ отвѣчалъ ему:

— Сейчасъ поведутъ,—и онъ заходилъ мимо Кондарева, постоянно возвращаясь назадъ. Его шаги и жесты не производили никакого шума, но это нисколько не поражало Кондарева. И поспѣшно натягивая на себя одежду, онъ разспрашивалъ его съ жуткимъ любопытствомъ.

— Много-ли ихъ?

Человѣкъ прошепталъ:—Тысячи. И Конда-

Digitized by Google

ревъ увидѣлъ, что и его начинаетъ охватывать нервный ознобъ.

— А насъ?—спросилъ онъ его,—содрогаясь. Онъ говорилъ шепотомъ, съ дрожью въ голосѣ, и самъ не узнавалъ своихъ жестовъ.

— Насъ меньше сотни,—отвѣчалъ человѣкъ.

— Удастся ли намъ по крайней мѣрѣ хоть что-нибудь?

— Едва ли.

— Ну что же,—вздохнулъ Кондаревъ,—потѣшимъ свою душеньку и умремъ!

Онъ былъ уже совсѣмъ готовъ, однако чего-то ему не доставало и онъ безпокойно ходилъ по комнатѣ, ища глазами то, что ему было нужно. Мучительное волненіе и тоска охватывали его.

И человѣкъ, разбудившій его, понялъ, что ему было нужно; откуда-то въ его рукахъ появился большой бронзовый подсвѣчникъ, изображавшій сатира съ факеломъ въ рукахъ. И онъ передалъ его Кондареву. Кондаревъ принялъ его, оглядѣлъ внимательно и даже попробовалъ на вѣсъ. Онъ остался доволенъ осмотромъ; подсвѣчникъ былъ тяжелъ, какъ топоръ, и вполнѣ могъ замѣнить собою оружіе. Однако онъ поставилъ его на полъ, такъ какъ сейчасъ въ немъ еще не было необходимости; и тогда онъ подсѣлъ къ человѣку, подавшему ему оружіе, и съ мучительнымъ волненіемъ на-

Digitized by Google

чалъ разспрашивать его о планахъ засады. Тотъ съ странной жестикуляціей и безпокойнымъ взоромъ зашепталъ ему тревожнымъ шепотомъ. Кондаревъ слушалъ внимательно и старался запомнить каждое слово. Человѣкъ шепталъ ему:

Когда процессія войдетъ въ темную и глухую улицу, они раздѣлятся на двѣ партіи и будутъ поджидать ее на двухъ противоположныхъ дворахъ. Здѣсь поперекъ улицы разостлана веревочная сѣть и во мракѣ ее не увидитъ ни одинъ глазъ. И вотъ, когда Его поведутъ на пропятіе, Онъ пойдетъ во главѣ толпы; они же будутъ въ это время стоять наготовѣ и дадутъ Ему миновать сѣть; но едва лишь Онъ минуетъ ее, они мгновенно вздернутъ сѣть при помощи блоковъ и загородятъ Его отъ толпы. Тогда часть засады съ другихъ дворовъ поспѣшитъ къ Нему и попробуетъ спасти Его отъ ярости, чтобы Ему не пить вторично чаши, уже выпитой Имъ. А они бросятся на встрѣчу ярости и попробуютъ задержать ее, чтобы дать тѣмъ, другимъ, возможность сохранить Его, какъ лучшій свѣтъ міра. Имъ придется вступить въ борьбу съ яростью, и они будутъ злы и мстительны, и принимая ея удары, они будутъ отвѣчать ей тѣмъ же, потому что они черные слуги Кротости, а какъ уберечь Кротость среди волковъ? И они сложатъ жизнь свою у той ограды, и, явившись на судъ Истины, они ска-

Digitized by Google

жутъ: Мы возлюбили Кротость и отдали во имя ея все, что имѣли: жизнь и сердце, горячее, какъ пламень. Но возлюбивъ одно, мы не могли не возненавидѣть другое, и возлюбивъ идеалы Кротости, мы возненавидѣли идеалы Зла.

Кондаревъ сидѣлъ и слушалъ, чувствуя ознобъ во всемъ тѣлѣ, жутко содрагаясь и полный вниманія; и вдругъ онъ услышалъ протяжный гулъ, похожій на ревъ воды у плотины. Онъ прислушался въ тревогѣ и понялъ, что часъ, къ которому онъ такъ давно готовился, уже насталъ; и ему стало страшно и жутко, какъ затерянному въ пустынѣ. Онъ оглядѣлся, какъ бы ища помощи, но собесѣдникъ его куда-то исчезъ внезапно и незамѣтно. Кондаревъ опрометью бросился вонъ. Темнота улицы приняла его въ себя, какъ волны моря. Онъ пустился бѣгомъ. Онъ бѣжалъ долго, съ мученьемъ въ сердцѣ, темными, кривыми и узкими улицами страннаго города. Темныя тучи стояли надъ городомъ, и пламя костровъ мерцало на нихъ и въ окнахъ домовъ, и эти окна словно мигали, какъ красные глаза какихъ-то чудовищъ, пугая Кондарева безотчетнымъ ужасомъ. Кондаревъ бѣжалъ и бѣжалъ, чувствуя головокруженіе и ознобъ. Протяжный гулъ ревѣлъ за его спиною, какъ вода, сорвавшая плотину, и этотъ гулъ точно подстегивалъ Кондарева.

Кондаревъ метнулся въ темный дворъ. Блѣд-

Digitized by Google

ные люди безпорядочно метались на этомъ дворѣ, переговаривались съ странными жестами и прислушивались къ доносившемуся гулу. Нѣкоторые изъ нихъ безпокойно залѣзали на крыши строеній, глядѣли во тьму и сообщали о чемъ-то стоявшимъ внизу съ тревогой въ каждомъ движеніи. И пламя костровъ мерцало на тучахъ и на ихъ блѣдныхъ лицахъ. Волненіе Кондарева все росло и росло. И вдругъ кто-то крикнулъ: „идутъ!“ Люди заметались еще безпорядочнѣе и полѣзли на крыши, повертывая головы всѣ въ одну сторону, какъ деревья подъ бурей. Сердце Кондарева упало; онъ бросился къ лѣстницѣ и полѣзъ наверхъ, хватаясь руками за скользкія ступени, спотыкаясь и замирая отъ страха и страданія. Съ крыши онъ увидѣлъ толпу; она ползла, какъ черная змѣя извиваясь своимъ длиннымъ туловищемъ по кривой улицѣ города, и гудѣла протяжнымъ ревомъ сознавшаго свою силу звѣря. А впереди нея шелъ Онъ легкой и свободной поступью, скользя какъ по облакамъ. Кондаревъ сбѣжалъ внизъ, чувствуя страхъ и злобу. Ревъ приближался. Кто-то взволновано крикнулъ „скорѣй!“ Кондаревъ услышалъ короткій и злобный визгъ блоковъ и бросился вонъ со двора, что-то крича и чувствуя приступъ бѣшеной ярости. Въ темной улицѣ, у веревочной ограды, ревѣла толпа. Онъ увидѣлъ искаженныя злобой лица

Digitized by Google

сквозь сѣть веревокъ, потрясаемыхъ руками. Люди въ мѣдныхъ шлемахъ рубили эту сѣть топорами и хрипѣли, полные негодованія на эту преграду. Кондаревъ бросился туда; нѣсколько человѣкъ бѣжали съ нимъ бокъ-о-бокъ, размахивая руками, и что-то кричали. Горячій ураганъ налетѣлъ на Кондарева и онъ съ воемъ ринулся на толпу. Человѣкъ въ шлемѣ схватилъ его сквозь сѣть веревокъ за грудь; Кондаревъ увидѣлъ волосатыя обнаженныя руки, изо всѣхъ силъ толкнулъ нападавшаго въ плечи и вдругъ припалъ къ нему бѣшеннымъ объятьемъ. Его точно обожгло злобой; онъ задохнулся и внезапно узналъ въ нападавшемъ Опалихина. Ему хотѣлось кричать: бить такъ бить на смерть! Однако всѣ его попытки были тщетны и онъ никакъ не могъ сломить врага. Вой толпы вонзался въ его уши, удваивая ярость; онъ хрипѣлъ, замирая отъ злобы. И вдругъ онъ увидѣлъ человѣка, торопливыми прыжками бѣжавшаго мимо съ факеломъ въ рукахъ. Внезапно онъ отцѣпился отъ врага и, выхвативъ изъ рукъ бѣжавшаго факелъ, сунулъ его въ лицо Опалихина. „Свѣтомъ просвѣщаю тьму!“— вскрикнулъ онъ съ дикимъ хохотомъ. Жгучій восторгъ охватилъ его вихремъ и закружилъ ему голову. Кто-то взмахнулъ надъ нимъ сверкнувшимъ топоромъ. Въ его головѣ точно что-то съ трескомъ разорвалось. Онъ упалъ.

Digitized by Google

Кондаревъ проснулся поздно и какъ будто немного усталый. Онъ поспѣшно одѣлся, захватилъ полотенце и пошелъ къ Вершауту купаться. Къ завтраку онъ уже вышелъ свѣжій, веселый и спокойный.

А послѣ завтрака онъ бесѣдовалъ съ женою въ саду. Татьяна Михайловна сидѣла на луговинѣ подъ березой, свернувъ по-турецки ноги, и на длинныхъ костяныхъ спицахъ вязала одному изъ своихъ малышей теплое одѣяло, а Кондаревъ ласково поглядывалъ въ ея глаза и говорилъ:

— Что такое, Таня, жестокость? По моему жестокость есть чувство, побуждающее человѣка причинять другому напрасныя страданія. Слово „напрасныя" я подчеркиваю. Не такъ-ли?

Татьяна Михайловна кивнула головою.

— И слѣдовательно, — продолжалъ Кондаревъ,—докторъ, отпиливающій больному руку съ тѣмъ чтобы сохранить ему жизнь, совсѣмъ не жестокъ, хотя и причиняетъ ближнему страданія. Да? Онъ только обладаетъ мужествомъ.— Кондаревъ внимательно глядѣлъ на жену, какъ бы наблюдая, какое впечатлѣніе производятъ на нее его слова.

— А у насъ—говорилъ онъ,—часто смѣшиваютъ жестокость съ мужествомъ, между тѣмъ какъ тутъ громадная разница. Мужество никогда не исключаетъ въ человѣкѣ чувства со-

Digitized by Google

страданія, а жестокость указываетъ всегда на отсутствіе въ человѣкѣ вотъ именно этого чувства.

Кондаревъ внимательно глядѣлъ на жену; Татьяна Михайловна молча шевелила длинными спицами, и камни колецъ сверкали на ея тонкихъ и блѣдныхъ пальцахъ разноцвѣтными переливами. Воздухъ сада, несмотря на тѣнь отъ деревьевъ, дышалъ зноемъ; листья березъ висѣли безпомощно и въ изнеможеніи.

За обѣдомъ Кондаревъ шутилъ и поглядывалъ на окружающихъ спокойно и свѣтло и только къ вечеру внезапное безпокойство охватило его. Неожиданно ему пришло въ голову: „А что если Опалихинъ не захватитъ съ собою ключа отъ своего стола?“ И онъ понялъ, что, случись это, все его предпріятіе провалится въ бездну. Сраженіе будетъ проиграно имъ и всѣ его планы рушатся, какъ карточный домикъ. Эти мысли взволновали его. Онъ заходилъ по кабинету, потирая ладонью високъ. „Что-же это такое?“,—думалъ онъ въ тревогѣ.—„Зачѣмъ-же я назвалъ на сегодня гостей, если весь мой успѣхъ зависитъ отъ простой и нелѣпой случайности! Стоило-ли тогда городить весь этотъ огородъ? Играть—такъ ужъ играть навѣрняка и безъ проигрыша!“

Нѣкоторое время онъ ходилъ такъ по кабинету, безпокойно потирая виски и съ тревогой

Digitized by Google

поглядывая по сторонамъ. И такъ-же внезапно онъ просвѣтлѣлъ.

— Чего-же я мучаюсь-то однако?—подумалъ онъ,—вѣдь ларчикъ всегда открывается очень просто! Сейчасъ-же мнѣ надо ѣхать къ Опалихину и убѣдиться, что онъ захватитъ съ собою ключъ, когда поѣдетъ ко мнѣ. А если онъ забудетъ о ключѣ,—добавилъ онъ мысленно и со злобой, — такъ нужно сдѣлать такъ, чтобы онъ захватилъ его во что-бы то ни стало!

Торопливо онъ отправился къ женѣ и сказалъ ей, что сейчасъ онъ поѣдетъ къ Опалихину. У него есть къ нему дѣло. И пусть она одна принимаетъ гостей, если онъ немножко опоздаетъ. Онъ пріѣдетъ вмѣстѣ съ Опалихинымъ. „Да ужъ теперь мнѣ его и съ глазъ спустить нельзя. Самому дороже!“ думалъ онъ съ рѣшимостью.

Черезъ нѣсколько минутъ онъ уже ѣхалъ къ Опалихину въ бѣговыхъ дрожкахъ и всю дорогу думалъ: „И такую важную статью ты чуть-чуть мимо рта не пронесъ. Ахъ, лисій хвостъ, лисій хвостъ“! и онъ укоризненно качалъ головой, поглядывая по сторонамъ.

Черные грачи неподвижно сидѣли тамъ и сямъ по бокамъ знойной дороги и, раскрывъ бѣлые клювы, тяжело и часто дышали.

Кондаревъ въѣхалъ на дворъ Опалихина. Весь дворъ точно изнемогалъ отъ зноя, не

Digitized by Google

смотря на косые лучи солнца, уже уходившаго къ закату. Отъ желѣзныхъ крышъ строеній тянуло жаромъ, на сосновыхъ тесинахъ стѣнъ янтарными каплями выступила смола, и зеленый коверъ подорожника, еще сочный и свѣжій у самыхъ стѣнъ, далѣе уже весь былъ въ бурыхъ пятнахъ. Кондаревъ увидѣлъ веселаго и бойкаго паренька, прислуживавшаго Опалихину. Онъ степенно шелъ по двору въ легонькой поддевочкѣ, направляясь къ крыльцу дома, и во все горло зѣвалъ:

Пусть воетъ вѣтеръ, пусть плачетъ вьюга!

Кондаревъ окрикнулъ его; тотъ бросился къ нему со всѣхъ ногъ, а Кондаревъ неожиданно вспомнилъ: какъ-то онъ неожиданно пріѣхалъ къ Опалихину зимой. На дворѣ кружила бѣшеная метель и снѣжные вихри плясали на бѣлыхъ крышахъ строеній. А этотъ паренекъ такъ-же степенно шелъ по двору въ этой-же самой легонькой поддевочкѣ и зѣвалъ изо всѣхъ силъ:

Дождались мы свѣтлаго ма-я-я.
Цвѣты и деревья цвѣтутъ!..

И, съ улыбкой передавая пареньку вожжи, Кондаревъ спросилъ:

— Отчего ты всегда, мой другъ, поешь околесицу?

Digitized by Google

Паренекъ фыркнулъ, а Кондаревъ прошелъ въ домъ.

Опалихинъ поднялся на встрѣчу Кондареву. До его прихода онъ лежалъ на диванѣ и читалъ какую-то книгу.

— Какими судьбами?—весело спросилъ онъ его, ставя ноги на полъ и здороваясь,—я вѣдь нынче къ тебѣ собираюсь.

— Да я за тобой и заѣхалъ,—устало усмѣхнулся Кондаревъ, присаживаясь рядомъ на диванѣ.—А ты ужъ, кажется, и прифрантился даже?—снова лѣниво усмѣхнулся онъ, оглядывая щегольской костюмъ Опалихина.

— Какъ видишь,—засмѣялся и Опалихинъ.

— Ну что-же, посидимъ немного-мало да и айда!—Кондаревъ привалился въ уголъ дивана.

— Кстати,—внезапно заговорилъ онъ, какъ-то особенно ясно произнося слова,—образцы шуваловскаго овса у тебя еще остались? А то мнѣ хочется прикинуть ихъ на глазъ со своими.—Онъ уставилъ на Опалихина взоръ и слегка поблѣднѣлъ.

— Остались, остались, — весело отвѣчалъ Опалихинъ и досталъ изъ кармана бронзовый ключъ, такъ хорошо знакомый Кондареву.

Кондаревъ подумалъ:

— Такъ ключъ у тебя въ карманѣ былъ, и теперь стало быть нужно, чтобы ты его туда-же и отправилъ.

Digitized by Google

Опалихинъ отперъ столъ и подалъ Кондареву овесъ. Тотъ внимательно оглядѣлъ его, понюхалъ, пошевырялъ пальцами и даже попробовалъ на вкусъ.

— Этотъ лучше!—проговорилъ онъ съ усталымъ видомъ.

Опалихинъ снова спряталъ овесъ и, заперевъ столъ, сунулъ ключъ въ карманъ. Кондаревъ не спускалъ съ него глазъ. „Вотъ такъ-то лучше“, подумалъ онъ, когда Опалихинъ опустилъ ключъ, „ключъ теперь при тебѣ, а съ этимъ ключемъ мы въ новыя двери съ тобою пойдемъ. Теперь ужъ игра безъ проигрыша начнется!“

— А знаешь,—заговорилъ онъ,—я сегодня весь день съ женой бесѣдовалъ. И знаешь о чемъ? О мужем[redacted] и же[redacted]

— То есть? — поднялъ на него глаза Опалихинъ.

— То-есть, что люди смѣшиваютъ эти два понятія, хотя разстояніе между ними, какъ отъ неба до земли. Возьмемъ такой примѣръ. Вижу я, тонетъ человѣкъ; мнѣ его жалко и я бросаюсь къ нему на выручку. Ну-съ, плыву я къ нему и думаю, что такъ мнѣ его не спасти, потому что со страха онъ мнѣ въ горло обѣими руками вцѣпится и вмѣстѣ съ собой-же утопитъ. И вотъ я подплываю къ нему съ хитростью, осторожно и не говоря худого слова

Digitized by Google

бью его кулакомъ по головѣ, да такъ бью, чтобы изъ него на время душа выпрыгнула. У него, конечно, глазки подъ лобъ, а я его за волосы и на берегъ. Какъ это по твоему?— усмѣхнулся Кондаревъ,—мужественно или жестоко?

— Довольно оригинальный пріемъ,—расхохотался Опалихинъ и со смѣхомъ добавилъ:

— А ты на всякій случай по головкѣ-то поосторожнѣй! А то, пожалуй, пересолишь, и тогда душа-то на очень продолжительное время въ отпускъ уѣдетъ. — И онъ снова расхохотался.

— Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ?—приставалъ къ нему Кондаревъ, — мужественно или жестоко?

Опалихинъ отмахивался руками и хохоталъ. Глядя на него расхохотался и Кондаревъ. Долго они хохотали оба, поглядывая другъ на друга съ красными лицами и надувшимися на вискахъ жилами. Однако, Кондаревъ первый оборвалъ свой смѣхъ и, внезапно поблѣднѣвъ, устало привалился въ уголъ дивана.

— Поздравляю! — шутливо расшаркался передъ нимъ Опалихинъ, — ты кажется вмѣстѣ съ утопающимъ ко дну пошелъ.

Кондаревъ не отвѣчалъ ни слова.

Когда онъ привезъ Опалихина къ себѣ, въ ихъ саду уже собралось маленькое общество. Людмилочка, Вѣра Александровна и хозяйка

Digitized by Google

ходили по аллеѣ, о чемъ-то оживленно бесѣдуя. А Столбунцовъ придерживалъ Грохотова за пуговицу и дѣловито говорилъ:

— Между женщинами и дичью есть много общаго. Для аматера первое условіе, чтобы и тѣ, и другіе были хорошо выкормлены. Ожиреніе никуда не годится, но маленькій слоекъ жирца подъ кожицей—это восторгъ, прелесть и объяденье. Этотъ слой дѣлаетъ кожу удивительно мягкой, нѣжной и вмѣстѣ съ тѣмъ упругой, какъ шелкъ. Тутъ все нѣга, ароматъ и упоеніе. Но Боже васъ упаси имѣть дѣло съ ожиреніемъ! Однообразно холмистая мѣстность съ первыхъ-же шаговъ утомляетъ взоръ путешественника своимъ монотоннымъ видомъ. Иду далѣе...

Вечеръ былъ теплый и ясный; трели соловьевъ звонко гремѣли въ осиновой рощѣ, оглашая воздухъ могучей мелодіей. Короткіе крики страсти чередовались въ ней съ протяжными стонами тоски, и звонкій хохотъ радости смѣнялся звукомъ рыданій. Деревья не шевелились; голубой сумракъ, прозрачный и благовонный, медленно затоплялъ аллеи сада.

Столбунцовъ говорилъ:

— Рыженькихъ можно раздѣлить на три категоріи: во-первыхъ огненно-красныя, съ бурыми веснушками и бѣлыми рѣсницами. Этотъ сортъ, говоря откровенно, не годится ни къ

Digitized by Google

чорту. Второй сортъ, — матово-бронзовыя съ карими глазами и веснушками только у носа. Ихъ въ свою очередь нужно подраздѣлять на три отдѣла...

Столбунцовъ потиралъ бритыя, какъ у актера, щеки и все говорилъ и говорилъ, а Грохотовъ глядѣлъ на него во всѣ глаза и думалъ о горѣлкѣ „Ауера", которую онъ еще не успѣлъ пріобрѣсти.

XIV.

Опалихинъ засмѣялся, крикнулъ что-то черезъ столъ раскраснѣвшейся Людмилочкѣ и сказалъ:

— А теперь позвольте мнѣ, господа, прочитать разсказъ одного моего пріятеля. Разсказъ этотъ коротокъ, присланъ онъ мнѣ пять лѣтъ тому назадъ и носитъ заглавіе „На берегу Суры". Содержаніе его слегка соотвѣтствуетъ только-что поконченному спору и пожалуй даже въ нѣкоторомъ родѣ поучительно. Можно-ли читать? — повысилъ онъ голосъ и позвонилъ рюмкой о рюмку, призывая къ тишинѣ. Хохотъ на балконѣ стихъ. Вѣра Александровна крикнула:

— Читайте. И наклонившись къ уху Грохотова, она прошептала:

Digitized by Google

— Завтра я пріѣду къ вамъ и буду глядѣть „Воинство ангеловъ". Хорошо?

Опалихинъ снова позвонилъ рюмкой о рюмку. Волна прохлады пришла изъ-за аллеи и разлилась по балкону лѣнивой струею. Пламя свѣчъ запрыгало въ стеклянныхъ колпачкахъ. Опалихинъ придвинулъ къ себѣ одну изъ свѣчей, поглядѣлъ на Татьяну Михайловну и вынулъ изъ бокового кармана своего пиджака маленькую тетрадку.

Кондаревъ съ усталымъ лицомъ равнодушно оглядѣлъ Опалихина, вытянулъ ноги и зажмурилъ глаза. Людмилочка шепнула Столбунцову:

— Я не куропатка и не перепелка. Зачѣмъ-же меня шпиговать?

Столбунцовъ прошепталъ въ отвѣтъ:

— А я перепилъ и даже очень.

Опалихинъ громко прочиталъ:

НА БЕРЕГУ СУРЫ.

— Пишу именно тебѣ,—читалъ Опалихинъ,— такъ какъ послѣдніе годы моей жизни окончательно убѣдили меня въ тѣхъ взглядахъ, которые ты когда-то развивалъ передо мною. Въ то время я не вѣрилъ тебѣ и ужасно волновался въ минуты нашихъ споровъ. Но времена измѣнчивы, а жизнь сажала меня въ такіе рытвины и овраги, что отъ всѣхъ моихъ

Digitized by Google

розово-сладкихъ воззрѣній остался теперь одинъ только лопухъ. Увы, они опочили, эти воззрѣнія. И теперь я свято вѣрю, напримѣръ, что на землѣ нѣтъ ни героевъ, ни ничтожества, ни святыхъ, ни грѣшниковъ, ни глупцовъ, ни умныхъ, ни подлецовъ, ни такъ называемыхъ честныхъ людей, а есть просто-на-просто люди. Правда, люди бываютъ чуть-чуть получше и чуть-чуть похуже. Но это маленькое „чуть-чуть" находится въ страшной зависимости отъ: наслѣдственности, воспитанія, состоянія здоровья, климата, книгъ, имѣющихся въ моей библіотекѣ, общества, среди котораго я живу, тѣхъ обстоятельствъ, въ которыхъ запираетъ меня судьба, и вообще, все это „чуть-чуть" есть продуктъ 200 тысячъ причинъ, совершенно отъ меня независимыхъ, и имя которымъ легіонъ. А при такихъ условіяхъ весь нашъ духовно-моральный багажъ сводится къ нулю, такъ какъ, собственно говоря, не нашъ багажъ, а багажъ того легіона.

Такова моя вѣра. И къ ней привелъ меня случай, происшедшій со мною недавно. Онъ перевернулъ меня внизъ головою и поставилъ всю мою жизнь вверхъ дномъ. До этого случая я былъ въ правѣ считать себя человѣкомъ вполнѣ порядочнымъ; я любилъ отца и мать, уважалъ старость, былъ ласковъ съ людьми, съ которыми сталкивала меня судьба, не раз-

Digitized by Google

вратничалъ особенно скверно и давалъ взаймы безнадежно, въ то время, какъ самъ, пожалуй, даже нуждался. Я былъ мягокъ душой и посягнуть на счастье человѣка, да еще притомъ близкаго мнѣ, я считалъ непростительнымъ и тяжкимъ преступленіемъ. И между тѣмъ я полюбилъ жену моего лучшаго друга, человѣка, за котораго я охотно сталъ-бы подъ пистолетъ, еслибы этого потребовали обстоятельства.

Вѣришь-ли ты, что я любилъ его всей душою, что въ цѣломъ мірѣ не было человѣка, болѣе близкаго мнѣ? Клянусь тебѣ, что это было такъ.—И кромѣ всего этого, я прекрасно зналъ, что этотъ человѣкъ любитъ свою жену всѣмъ сердцемъ и отнять у него было все то же, что раскроить ему черепъ.

И тѣмъ не менѣе я ее полюбилъ. Отвѣть мнѣ, кому это было нужно? Кто взростилъ въ моемъ сердцѣ любовь къ этой женщинѣ? Вѣдь я всегда глядѣлъ на нее не иначе, какъ на жену искренняго моего, и никогда не желалъ ее даже въ мечтахъ, до тѣхъ поръ, пока любовь къ ней не пришла въ мое сердце. Но, клянусь тебѣ, чувство къ ней выросло въ моемъ сердцѣ самостоятельно, безъ всякаго участія съ моей стороны; я даже совсѣмъ не замѣчалъ его роста и увидѣлъ его только тогда, когда оно выросло и возмужало настолько, что я самъ испугался его силы и власти надо

Digitized by Google

мною. Когда пустило ростокъ это чувство и какъ развивалось оно, какіе соки давали ему пищу,—я ничего не знаю. А если это чувство выросло безъ моего участія, помимо моей воли и желаній, такъ почему-же я долженъ держать за него отвѣтъ? Почему именно я? Пусть отвѣчаетъ за него тотъ, кто бросилъ въ мое сердце это сѣмя! Вѣдь не я-же его бросилъ, пойми меня, не я!

Еслибы ты зналъ, какъ я страдалъ, когда увидѣлъ его въ моемъ сердцѣ выросшимъ и возмужалымъ, какъ я плакалъ, чувствуя надъ собою его ужасную власть. О, вѣроятно мы кѣмъ-то прокляты и прокляты основательно; иначе кто-бы посмѣлъ швырять на наши головы такіе тяжкіе камни!

Я ужасно страдалъ и къ довершенію всего я видѣлъ, что и эта женщина полюбила меня. И когда я увидѣлъ на ея лицѣ отблескъ новаго чувства, я и обрадовался, и смертельно испугался. Обрадовался, впрочемъ, не я; я только испугался, а обрадовалось во мнѣ чувство, взросшее въ моемъ сердцѣ помимо моей воли. И она испугалась, эта женщина, я это видѣлъ прекрасно, а когда мы оставались съ ней съ глазу на глазъ, мы сидѣли съ потемнѣвшими лицами, какъ преступники, осужденные кѣмъ-то на позоръ и муки. А видѣлъ я ее часто. Наши имѣнія были рядомъ, да, впрочемъ, едва-ли разстояніе могло служить помѣ-

Digitized by Google

хой для нашихъ чувствъ. Для страсти, также какъ и для мысли, не существуетъ пространства и она способна въ два прыжка добѣжать до солнца. Однако, рѣшившись бороться съ чувствомъ, я всѣ мои надежды возлагалъ лишь на разстояніе. И послѣ долгихъ ночей, безъ сна и полныхъ тоски, я твердо и безповоротно рѣшилъ продать имѣніе и удирать въ другіе края, къ другимъ берегамъ, гдѣ я разсчитывалъ задушить сидѣвшее во мнѣ чувство, какъ позорную гадину. О своихъ планахъ я не хотѣлъ никому говорить и полслова, такъ какъ я боялся, что меня станутъ разговаривать, и я, и я... Ты понимаешь-ли, я боялся, что я не выдержу и раскрою черепъ моему другу! Но что всего ужаснѣе, такъ это то, что мой разумъ побуждалъ меня остаться здѣсь, подыскивалъ для меня всяческія оправданія и стряпалъ для моего обихода какую-то удивительную логику, искусно запирая въ одно мѣсто овецъ съ волками. По ночамъ онъ часто нашептывалъ мнѣ: „Останься, но пока не бери всего счастья; будь добръ, и пользуйся только его половиной. А другую половину геройски уступи своему другу!“

— Лисій хвостъ! — неожиданно вскрикнулъ Кондаревъ. Онъ сидѣлъ попрежнему съ зажмуренными глазами и блѣднымъ лицомъ, но очевидно волненіе уже коснулось его.

Digitized by Google

Опалихинъ поглядѣлъ на него ясно и спокойно.

— Однако,—продолжалъ онъ свое чтеніе,— я не внялъ его убѣжденіямъ. И вотъ въ одинъ скверный осенній день я уложилъ въ два чемодана кое-что самое необходимое и отправился, ни съ кѣмъ не попрощавшись, въ Петербургъ. Тамъ я разсчитывалъ сдать объявленіе о продажѣ моего имѣнія и, устроивъ за что-бы-то тамъ ни было эту продажу, стремглавъ удирать дальше, въ Европу, въ Америку, къ чертямъ на кулички. Въ своихъ мечтахъ я уже видѣлъ себя одичавшимъ номадомъ, бродящимъ по степямъ Патагоніи и со вкусомъ пожирающимъ мясо, провяленное подъ сѣдломъ, съ запахомъ конскаго пота. И такъ я отправился въ путь. Чтобы добраться до желѣзной дороги, мнѣ нужно было сдѣлать двадцать пять верстъ на лошадяхъ и перебраться затѣмъ на лѣвый берегъ Суры. Переправу эту я долженъ былъ совершить на паромѣ. Изъ дома я выбрался не рано, и когда наконецъ я увидѣлъ берегъ Суры, весь изглоданный вешними льдинами, въ полѣ уже смеркалось, пламя зари медленно гасло на темно-лиловыхъ тучахъ, и малиновые огоньки свѣтились на единственномъ окошкѣ крошечной хибарки, ютившейся на невысокой кручѣ песчанаго берега. Я отпустилъ лошадей и, захвативъ два неболь-

Digitized by Google

шихъ чемоданчика, въ которыхъ заключалось все, что необходимо для патагонскаго номада, отправился къ этой хатѣ. Однако, тамъ не было ни души: перевозчики куда-то исчезли. Я сложилъ въ уголъ свои вещи, съ недоумѣніемъ оглядѣлъ голыя стѣны хаты и прошелъ на берегъ. Но и тамъ меня поджидало одно лишь разочарованіе. Я увидѣлъ перетянутый поперекъ рѣки канатъ, платформу парома на лѣвомъ берегу, и только. Перевозчиковъ не было и здѣсь. Я крикнулъ; мой крикъ пролетѣлъ надъ низкими кустами ракитъ, разбудилъ какую-то птицу и умеръ. Изъ села Чумазова, раскинутаго въ верстѣ отъ берега, по ту сторону рѣки, прозвенѣла пьяненькая пѣсня; волна вздохнула у моихъ ногъ. Я повторилъ крикъ, но понялъ, что мнѣ не дождаться отклика, и спустившись подъ кручу, пошелъ у самой воды, пугая своей тѣнью стаи окуней. Я шелъ, куда глядѣли глаза, мнѣ хотѣлось немного разсѣяться этой прогулкой; мнѣ было такъ тяжело. Когда я возвращался тою-же тропой обратно къ хатѣ перевозчиковъ, вокругъ царила темь, дулъ вѣтеръ, крапалъ дождикъ, а вся поверхность Суры дымилась и шипѣла. Сура тревожно возилась въ темныхъ берегахъ и тяжело вздыхала. А изъ села Чумазова, утонувшаго во мракѣ, неслись пьяненькія пѣсни, жалобно звучавшія среди шо-

Digitized by Google

роха падавшаго дождя. И прислушиваясь къ ихъ жидкимъ звукамъ, я внезапно понялъ, почему перевозчики были не на своемъ мѣстѣ. Чумазово праздновало престолъ и сплошь, поголовно, находилось въ нетрезвомъ видѣ. Дождаться перевоза и ямщиковъ раньше утра нечего было и думать. Я взобрался на кручу, поднимаясь къ хатѣ. И вдругъ я увидѣлъ женскую фигуру у дверей хаты. Я ускорилъ шаги и узналъ въ этой фигурѣ ту женщину, отъ которой я собирался удирать въ Патагонію. Оба мы были крайне изумлены неожиданной встрѣчей. Отъ нея я узналъ, что она вызвана телеграммой къ больной сестрѣ и, что она, точно также какъ и я, отпустила лошадей, полагаясь на исправность перевоза. На ея вопросъ: куда ѣду я? я отвѣчалъ какую-то ересь, умолчавъ о Патагоніи и о мясѣ, пахнущемъ конскимъ потомъ. Я думалъ только о томъ, что намъ предстояло ночевать съ глазу на глазъ въ тѣсной хаткѣ. Клянусь тебѣ, что я боялся въ ту минуту этой милой женщины, какъ скорпіона. Мы попеняли на судьбу, поговорили о какихъ-то пустякахъ; но, однако, нельзя-же было простоять всю долгую, осеннюю ночь на открытомъ воздухѣ, да притомъ еще подъ дождемъ. И мы вошли въ хату. Я посвѣтилъ ей спичкой, устроилъ для нея на лавкѣ премилую постельку, а самъ пошелъ

Digitized by Google

вонъ изъ хаты. Она меня окликнула, спрашивая, какъ намѣреваюсь я проводить время и неужели-же я не буду спать всю ночь? Я безъ отвѣта двигался во тьмѣ и только у самыхъ дверей что-то пробурчалъ недовольнымъ тономъ. Кажется, я сообщилъ ей, что я вообще никогда не сплю, и даже не знаю, какъ это дѣлается. И сердито хлопнувъ дверью, я вышелъ на воздухъ. Сдѣлавъ затѣмъ нѣсколько шаговъ, я усѣлся на кручѣ и сталъ глядѣть на воду и мечтать о Патагоніи. Между тѣмъ дождь полилъ, какъ изъ ведра. Я сидѣлъ что-то около часа и сталъ зябнуть. Притоптывая ногами, чтобы хоть чѣмъ-нибудь согрѣть себя, и засунувъ руки въ рукава, я глядѣлъ весь съежившись на возившуюся въ берегахъ Суру и прислушивался къ пьянымъ пѣсенкамъ села Чумазова. Мнѣ было тошно, какъ собакѣ, которую выгналъ со двора хозяинъ. И вдругъ единственное окошко хаты стукнуло; я оглянулся и увидѣлъ лицо той милой женщины, странно бѣлѣвшее во мракѣ.

— Послушайте,—услышалъ я ея голосъ,— вы можете простудиться на смерть!

Нѣсколько минутъ она ждала моего отвѣта и ея лицо бѣлѣло въ окнѣ. Но я молчалъ, какъ утопленникъ, и она поняла, что я не хочу ей отвѣчать. Ея лицо исчезло. Окошко снова стукнуло.

Digitized by Google

Я остался сидѣть на берегу все въ той же позѣ. Дождь лилъ попрежнему, настегивая мою спину, и вся окрестность шуршала, а я сидѣлъ и дрожалъ всѣмъ тѣломъ; прошло еще что-то около часа, а можетъ-быть цѣлыхъ двѣ вѣчности, и окошко снова рѣзко хлопнуло.

— Слушайте,—снова услышалъ я изъ темноты,—вѣдь это же безразсудство. Это пахнетъ вѣрнымъ тифомъ; это Богъ знаетъ, чѣмъ пахнетъ.

Она не договорила; я поспѣшно всталъ и пошелъ къ избѣ.

Что тебѣ писать дальше? Въ Патагонію я не поѣхалъ и провяленнаго подъ сѣдломъ мяса не пробовалъ. Но я схватилъ жестокое воспаленіе въ легкихъ; и когда я метался въ жару межъ горячихъ подушекъ, мнѣ приходило въ голову: сейчасъ я можетъ-быть умру. Такъ зачѣмъ же я рисковалъ жизнью, если все равно вышло не такъ, какъ хотѣлъ я, а какъ это вздумалось нелѣпому случаю? Сейчасъ я сижу все тамъ же, у тѣхъ же юбокъ, вялый и равнодушный. Я все еще люблю ту женщину, но я знаю, что я рабъ нелѣпаго случая, жалкая игрушка судьбы, что я не хозяинъ моихъ хотѣній и дѣлъ, а пристало ли рабамъ плясать и веселиться? И я гляжу на каждое мое дѣло, какъ на работу раба. А когда при мнѣ говорятъ, что вотъ, дескать, такой-то очень и очень порядочный

Digitized by Google

человѣкъ, мнѣ всегда хочется задать вопросъ:

— А ночевалъ ли онъ хоть разъ въ жизни на берегу Суры?

Опалихинъ кончилъ чтеніе и, свернувъ тетрадочку, быстро спряталъ ее въ карманъ. Присутствующіе молчали; Ложбинина и Людмилочка какъ будто улыбались. Татьяна Михайловна сидѣла потупившись и блѣдная. Столбунцовъ теръ ладонью бритыя щеки, пригнувшись къ Грохотову, неподвижно глядѣвшему въ рюмку съ ликеромъ. А Кондаревъ устало жмурилъ глаза. Пламя свѣчей прыгало въ стекляныхъ колпачкахъ подъ дыханіемъ прохлады и изломанными пятнами дрожало на лицахъ и на ближнихъ деревьяхъ сада. А садъ весь звенѣлъ и плакалъ; пѣсни соловьевъ доносились сюда изъ осиновой рощи и бились въ вершинахъ серебрянымъ звономъ. Звуки то замирали отъ страсти, то задыхались отъ счастья.

— Все это вздоръ!—внезапно среди тишины заговорилъ Кондаревъ повышеннымъ и возбужденнымъ тономъ и даже стукнулъ пальцами по столу.—Все это вздоръ и нелѣпость,—продолжалъ онъ,—твой патагонецъ не правъ! То-есть,—поправился онъ,—неправъ онъ только въ конечныхъ выводахъ. Посылки же его кажутся мнѣ справедливыми.

Digitized by Google

Кондаревъ передохнулъ. Всѣ оглядывали съ любопытствомъ его возбужденное лицо.

— Твой патагонецъ говоритъ,— продолжалъ, между тѣмъ, онъ,—первое, чувство сильнѣе насъ. Второе, чувство пробуждается въ насъ помимо нашего участія, почему мы за него не отвѣтчики. Третье, сѣмена этихъ чувствъ заброшены въ наши сердца чортъ знаетъ кѣмъ и, можетъ-быть, даже вотъ именно самимъ чортомъ. И четвертое, разумъ отнюдь не оружіе противъ чувства, а лишь его вѣрный слуга. Съ этимъ я соглашаюсь. Все это такъ!

Кондаревъ всталъ, движеніемъ ноги отодвинулъ стулъ, на которомъ сидѣлъ, и, опираясь руками о столъ, продолжалъ съ внезапно вспыхнувшимъ лицомъ:

— Патагонецъ по-моему неправъ вотъ въ чемъ. Патагонецъ утверждаетъ, что у насъ такъ-таки нѣтъ никакого оружія для борьбы съ чувствомъ и что всѣ мы жалкіе рабы нелѣпой случайности. Да это такъ, пока мы не взяли въ руки надежнаго и вѣрнаго оружія. Въ такомъ случаѣ мы жалкіе рабы, дрянь и ничтожество. И только! Но если мы завладѣли этимъ оружіемъ,—о, тогда мы господа своихъ поступковъ, тогда мы сила и могущество. А такое надежное оружіе у насъ есть. Оружіе это—чувство же! Чувство же, пойми ты это разъ навсегда, Сергѣй Николаевичъ, съ силою

Digitized by Google

воскликнулъ Кондаревъ звенящимъ голосомъ и оглядѣлъ Опалихина загорѣвшимися глазами,— чувство же, а не разумъ! Пойми ты это!

— Съ чувствомъ можно бороться чувствомъ же,—взволнованно продолжалъ онъ послѣ минутной паузы среди притихшаго балкона,—и только чувствомъ! И сѣмена этого воинствующаго и протестующаго чувства, того самого чувства, которое безсознательно гнало патагонца ѣсть вяленое подъ сѣдломъ мясо,—сѣмена эти живы въ каждомъ человѣческомъ сердцѣ.

— Да,—говорилъ онъ громко съ алыми пятнами на щекахъ, весь разгоряченный и возбужденный,—каждое сердце человѣческое несетъ въ себѣ ростки этого протестующаго чувства, и для того, чтобы они возмужали и окрѣпли, намъ надо почаще вглядываться въ идеалы чистоты и кротости, въ тѣ идеалы, которые посѣяли ихъ. Вѣдь только изъ нихъ, изъ этихъ ростковъ, мы можемъ выковать себѣ тотъ архангеловъ мечъ, который разрубитъ, наконецъ, на двое пресмыкающуюся въ насъ гадину.

Кондаревъ на минуту замолчалъ, поводя сверкающими глазами, слегка запрокинувъ голову и оглядывая окружающихъ.

На балконѣ было тихо. Тягучія волны прохлады проходили порой черезъ балконъ, играя концами скатерти и подвитыми волосами жен-

Digitized by Google

щины. Опалихинъ, склонившись къ Ложбининой и кивая на Кондарева, шепталъ:

— Онъ пьянъ!

— Вы скажете мнѣ, — говорилъ въ возбужденіи Кондаревъ,—вы скажете мнѣ: да неужто же это такъ въ самомъ дѣлѣ просто? Поглядѣлъ человѣкъ на идеалы чистоты, возлюбилъ ихъ и сразу же чистымъ сталъ? О, нѣтъ,— вскрикнулъ Кондаревъ,—кто говоритъ, что это легко! Это трудно, это навѣрно очень трудно, да вѣдь и желѣзную дорогу сочинить не легко было, да вѣдь сочинили же вы ее! А сочинили вы ее, потому что вы работали въ этомъ направленіи цѣлыми вѣками; вы—работали, и вамъ далось, вы стучали—и вамъ открылось. А стучались-ли вы въ томъ направленіи, въ направленіи чистоты и кротости? Стучались ли вы? А вѣдь и тамъ сказано: стучитесь и открою вамъ. Но въ томъ-то и дѣло, что вы не ударили въ томъ направленіи и пальцемъ о палецъ, такъ какихъ же плодовъ вы хотите? А почему бы въ самомъ дѣлѣ намъ не попробовать поработать вотъ именно въ томъ направленіи,— говорилъ Кондаревъ, точно подхваченный какимъ-то потокомъ.—Отчего бы намъ не поработать надъ собою и надъ воспитаніемъ нашихъ дѣтей вотъ именно въ тѣхъ идеалахъ? Вѣдь воспитывали же спартанцы свое юношество въ духѣ своихъ идеаловъ, и поглядите,

Digitized by Google

какіе блестящіе, съ точки зрѣнія тѣхъ идеаловъ, результаты давало это воспитаніе. Да,—говорилъ Кондаревъ какимъ-то звенящимъ голосомъ и съ возбужденнымъ лицомъ,—работайте надъ собою, пересоздайте ваши школы, учите дѣтей состраданію и живой дѣятельной любви къ ближнему точно такъ же, какъ вы учите ихъ аналитической геометріи, преподайте имъ методы бороться съ инстинктами звѣря и почерпать наслажденія въ побѣдѣ надъ нимъ, укрѣпляйте ихъ волю, работайте сами, наконецъ, бокъ-о-бокъ съ ними, и вы увидите, что за великолѣпное существо возродится изъ нашего гнилого тѣла послѣ многихъ вѣковъ такой работы.

— Да, — возбужденно стучалъ Кондаревъ пальцами по столу, весь задыхаясь отъ волненія,—въ возможность появленія вотъ именно такой высшей расы, такого сверхъ-человѣка я вѣрю и вѣрю свято. И я свято вѣрю, что онъ нисколько не будетъ походить на того сверхъчеловѣка, въ собачьей шкурѣ на плечахъ, который показалъ намъ свое лицо изъ домика въ Веймарѣ.

— О, нѣтъ! онъ не будетъ походить на него, не будетъ, не будетъ! Божественные идеалы сверхъ-человѣчества были показаны только единажды во всю долгую жизнь человѣчества и показаны они были всему міру, въ ослѣпи-

Digitized by Google

тельной красотѣ, съ Голгоѳы! И клянусь вамъ, клянусь,—крикнулъ Кондаревъ, побѣлѣвъ, какъ снѣгъ, — клянусь, повторилъ онъ рѣзко, осипшимъ голосомъ, и ударилъ кулакомъ по столу,— что внѣ тѣхъ идеаловъ нѣтъ сверхъ-человѣка, а есть только гадкая сверхъ-собака!

Все лицо Кондарева внезапно передернула злобная судорога, и онъ снова рѣзко ударилъ по столу, такъ что рюмки ликера звякнули другъ о друга. Съ минуту онъ глядѣлъ на всѣхъ присутствующихъ съ злобнымъ вызовомъ, какъ будто собираясь опрокинуть на ихъ головы оскорбленія. Весь балконъ какъ бы напряженно притихъ. Татьяна Михайловна во всѣ глаза глядѣла на мужа. Однако, онъ не проронилъ ни слова, и неожиданно придвинувъ къ себѣ ногой свой стулъ устало опустился на него. Его глаза стали тусклыми; возбужденіе, очевидно, покинуло его и злобная судорога ушла съ его губъ.

— У-ф-фъ,—насмѣшливо вздохнулъ Опалихинъ,—у меня какъ гора съ плечъ; вѣдь я такъ и думалъ,—усмѣхнулся онъ Кондареву,—что сейчасъ ты будешь всѣхъ насъ графиномъ изъ подъ наливки бить. И мнѣ было ужасно жалко и насъ и наливку.—Онъ расхохотался и добавилъ:—Да, Александръ Македонскій былъ великій человѣкъ, но зачѣмъ же стулья ломать, о мой лучшій другъ?

Digitized by Google

Напряженная тишина балкона разразилась смѣхомъ; женщины повеселѣли и оживленно заговорили. Послышался звонъ рюмокъ.

— Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, устало улыбнулся и Кондаревъ,—вѣдь твой патагонецъ, повернулся онъ къ Опалихину,—совсѣмъ не правъ. Вѣдь онъ вмѣсто того, чтобы борьбу съ чувствомъ вести психологически, вздумалъ одержать побѣду чисто физическимъ путемъ, разъединивъ себя съ предметомъ своей страсти. Это вѣдь ужъ совсѣмъ не логично. И вотъ тутъ-то нелѣпый случай и подкараулилъ его и раздавилъ, какъ комарика.

Кондаревъ замолчалъ, устало жмуря глаза.

На балконѣ снова стало тихо; только соловьинныя трели торжествующе звенѣли въ темныхъ вершинахъ, да лѣнивыя и тяжелыя волны прохлады то и дѣло набѣгали на платформу балкона, шевеля подвитыми волосами женщинъ; эти волны приходили правильнымъ прибоемъ одна за другою, черезъ извѣстные промежутки, и уходили дальше къ темнымъ и неподвижнымъ кустамъ, встрѣчавшимъ ихъ тревожнымъ шелестомъ. Пламя свѣчей мерцало на лицахъ людей и въ рюмкахъ зеленаго ликера. Балконъ молчалъ и о чемъ-то думалъ.

Digitized by Google

XV.

Вся компанія съ балкона перешла въ садъ. Мужчины и женщины размѣстились среди цвѣтущихъ кустовъ бѣлой и лиловой сирени за круглымъ зеленымъ столомъ на узкихъ садовыхъ скамейкахъ. Пламя единственной свѣчи мерцало на столѣ подъ стеклянным колпачкомъ, привлекая ночныхъ бабочекъ, и освѣщая крошечныя рюмки и темные кувшинчики ликера. Ложбинина и Людмилочка, разгоряченныя ликеромъ, съ возбужденными лицами и сверкающими глазами, ближе придвигались къ мужчинамъ, и ихъ шутки дѣлались все непринужденнѣе, а жесты болѣе лѣнивыми и изнеможенными. Казалось, ночь опьяняла ихъ, какъ вино. Татьяна Михайловна вполголоса бесѣдовала о чемъ-то съ Грохотовымъ. Столбунцовъ хохоталъ, показывая Людмилочкѣ изъ четырехъ спичекъ какой-то удивительный фокусъ и загораживая эти спички ладонью руки отъ другихъ любопытныхъ глазъ. Задорный и шумный хохотъ то и дѣло проносился по саду короткими и звонкими взрывами. Только Кондаревъ какъ будто не принималъ никакого участія въ общемъ смѣхѣ. Онъ сидѣлъ нѣсколько особнякомъ, въ черной шелковой рубашкѣ, съ блѣд-

Digitized by Google

нымъ лицомъ, и, устало жмуря глаза, думалъ: „Однако, мнѣ пора бы ужъ и начинать. Чего же я въ самомъ дѣлѣ точно завязъ!“ Но начинать онъ не торопился и выраженіе мучительныхъ колебаній отражалось на его блѣдномъ лицѣ. Минута шла за минутой, а онъ все сидѣлъ и напряженно думалъ о чемъ-то, застывъ въ неподвижной позѣ и точно вглядываясь во что-то усталыми глазами. И вдругъ его точно что осѣнило; онъ встрепенулся, по его губамъ скользнула усмѣшка, до неузнаваемости измѣняя сразу все его лицо; онъ съ трудомъ перевелъ дыханіе и, поворачиваясь къ Опалихину, сказалъ уже лѣниво и спокойно:

— А я твою почту захватилъ съ собою сегодня; хотѣлъ тебѣ завезти, да, признаться, забылъ. Сходи, не полѣнись, она въ кабинетѣ на столѣ.

— А письма есть? — весело спросилъ Опалихинъ, поднимаясь съ мѣста.

Кондаревъ устало протянулъ:

— Н-не знаю!—и онъ равнодушно зѣвнулъ, давая дорогу Опалихину.

Опалихинъ исчезъ въ дверяхъ дома, а Кондаревъ подсѣлъ поближе ко всей компаніи и заговорилъ о томъ, какіе удивительные кутежи приходилось ему видѣть на ярмаркахъ въ Николаевѣ. А черезъ минуту онъ какъ-то вскользь замѣтилъ:

Digitized by Google

— Что же это, однако, Сергѣй Николаевичъ запропастился, безъ него точно чего-то не хватаетъ.

— Ну и запряталъ же ты мою почту,—смѣялся Опалихинъ, показываясь на балконѣ,—сказалъ—на столѣ, а она оказалась на этажеркѣ; насилу нашелъ!

— Н-не помню, можетъ быть, — устало и лѣниво протянулъ Кондаревъ.

Бесѣда оживилась снова, и хохотъ зазвенѣлъ въ вершинахъ сада. А черезъ нѣкоторое время Кондаревъ подсѣлъ къ Столбунцову и заигрывающимъ шопотомъ сообщилъ ему на ухо:

— А вѣдь я досталъ тотъ альбомъ, о которомъ я говорилъ вамъ третьяго дня.

— Да ну же!—восклицалъ Столбунцовъ, хватая Кондарева за локоть,—да не можетъ же быть!—и сверкая вороватыми мышиными глазками, онъ добавилъ, умоляюще прижимая обѣ руки къ сердцу:

— Будьте отцомъ роднымъ, дайте его на домъ!

Кондаревъ тотчасъ же согласился на это и предложилъ Столбунцову пройти въ его кабинетъ и взять съ этажерки этотъ альбомъ.

— Только смотрите не попадитесь съ нимъ. Зазорно вѣдь будетъ,—шепталъ онъ Столбунцову на ухо,—спрячьте его сейчасъ же въ карманъ своего пальто и баста!

Digitized by Google

Столбунцовъ съ комичными жестами побѣжалъ за альбомомъ, а Кондаревъ сидѣлъ и думалъ: „о, лисій хвостъ, о лисій хвостъ! какъ ты изворотливъ!“

Вскорѣ послѣ того, какъ Столбунцовъ возвратился изъ кабинета, вся компанія, оживленно бесѣдуя, гуляла по саду. И тогда Кондаревъ, выбравъ удобный моментъ, незамѣтно отсталъ отъ всѣхъ и, осторожно скрываясь за кустами сирени и акаціи, направился къ дому. Въ домъ онъ проникъ не черезъ балконъ, такъ какъ это случайно могъ увидѣть кто-либо изъ гостей, а съ передняго крыльца, обогнувъ для этого весь фасадъ дома и стараясь скрываться въ тѣни. Когда онъ вошелъ въ переднюю, его сердце внезапно упало, и мучительное волненіе охватило его. Онъ даже остановился, съ тревогой оглядывая полуосвѣщенныя стѣны прихожей, точно онъ видѣлъ ихъ въ первый разъ. Чѣмъ-то жуткимъ пахнуло на него отъ этихъ стѣнъ. Онъ схватилъ себя за виски. „Что же это такое?—подумалъ онъ съ тоской,—неужели же я иду, чтобъ утопить его, и мнѣ нѣтъ больше возврата?“

— Что же это такое?—шепталъ онъ кривящимися губами.

Какая-то сила, точно горячей волной, толкнула его въ спину. Кондаревъ сдѣлалъ шагъ колеблющейся походкой и остановился снова. Ему хотѣлось крикнуть:

Digitized by Google

— Я не могу! Я не хочу этого!

Однако, онъ сдѣлалъ еще шагъ, весь до неузнаваемости блѣдный, съ дрожащими губами. Горячая волна снова набѣжала на него и понесла впередъ могучимъ прибоемъ. Въ его головѣ точно все закружилось, замелькало и запрыгало.

Онъ двинулся впередъ по полутемнымъ комнатамъ, отъ которыхъ на него вѣяло чѣмъ-то незнакомымъ, чужимъ и мучительно жуткимъ. Его походка и жесты тоже какъ будто казались ему чужими и новыми, точно весь онъ былъ перерожденъ подъ могучимъ дыханіемъ какой-то страшной силы. И ему приходило въ голову, что, вѣроятно, съ такими же точно жестами и тою же удивительно мягкой и неслышной походкой двигаются среди незнакомыхъ и жуткихъ стѣнъ убійцы. На порогѣ кабинета, тихо коснувшись обѣими руками косяковъ двери, онъ на минуту остановился, точно застылъ, переводя дыханіе и чутко прислушиваясь къ напряженной тишинѣ дома. А затѣмъ такъ же осторожно онъ двинулся вглубь кабинета. У стола онъ остановился и неслышнымъ жестомъ досталъ изъ кармана небольшой бронзовый ключъ; вложивъ его въ скважину замка, онъ отперъ и тихо выдвинулъ ящикъ; пачки денегъ лежали уже здѣсь готовыми, аккуратно перевязанныя простой бѣлой тесьмою. Кондаревъ за-

Digitized by Google

бралъ ихъ и сунулъ въ карманъ своихъ шароваръ. Затѣмъ тѣмъ же осторожнымъ и мягкимъ движеніемъ онъ снова вдвинулъ и заперъ ящикъ и, спрятавъ ключъ, двинулся обратно въ прихожую, неслышно ставя ноги и прислушиваясь настороженнымъ и чуткимъ слухомъ остерегающагося звѣря.

Въ прихожей онъ подошелъ къ вѣшалкамъ и сталъ разыскивать среди разнаго платья опалихинское пальто, шаря руками и прислушиваясь. Скоро онъ нашелъ его; онъ внимательно оглядѣлъ его и обшарилъ всѣ его карманы; въ одномъ изъ нихъ была засунута почта: нѣсколько газетъ и какая-то крошечная книжечка; и эта книжечка сразу привлекла собою вниманіе Кондарева; онъ вынулъ ее изъ кармана пальто, оглядѣлъ со всѣхъ сторонъ самымъ тщательнымъ образомъ и, доставъ затѣмъ изъ кармана своихъ шароваръ деньги, засунулъ ихъ подъ бандероль этой книжки съ тѣмъ разсчетомъ, чтобъ только маленькій уголышекъ кредитокъ выглядывалъ изъ-подъ бумаги бандероли. Послѣ этого онъ осторожно вышелъ на крыльцо, какъ бы считая все дѣло конченнымъ. Однако, съ минуту онъ простоялъ здѣсь, точно что-то взвѣшивая и шевеля блѣдными губами, а затѣмъ возвратился обратно въ прихожую. На него внезапно напало сомнѣніе, въ карманъ ли Опалихина запрятаны имъ деньги.

Digitized by Google

И ему было необходимо убѣдиться въ этомъ. Въ послѣднее время онъ слишкомъ внимательно присматривался къ этому пальто, но его могъ обмануть полумракъ комнаты. Присутствіе же въ карманѣ этого пальто почты, по его соображеніямъ, рѣшительно ничего не доказывало, такъ какъ Опалихинъ въ полумракѣ могъ ошибиться и самъ, принявъ чужое пальто за свое. И внимательно убѣдившись въ томъ, что никакой ошибки не произошло и деньги спрятаны туда, куда и предназначались, Кондаревъ вторично вышелъ на крыльцо.

Осторожно обогнувъ садъ, онъ вошелъ въ него со стороны Вершаута и внезапно предсталъ передъ весело хохотавшей группой.

— А я сейчасъ стоялъ на берегу Вершаута и глядѣлъ на воду,—сообщилъ онъ всѣмъ вообще,—какъ тамъ дивно хорошо!

Онъ даже развелъ руками, и на его лицѣ отразилось восхищеніе.

Всѣ полюбопытствовали поглядѣть на Вершаутъ, и вся группа двинулась темной аллеей къ берегу, шумно хохоча, толкаясь и перебрасываясь остротами. Столбунцовъ побѣжалъ съ Людмилочкой въ перегонку и на бѣгу кричалъ ей во все горло:

— Если я васъ перегоню, вы должны меня поцѣловать, а если вы меня перегоните,—цѣловать васъ буду я! Хорошо?

Digitized by Google

Вся неподвижно спокойная поверхность Вершаута была заткана звѣздами; у береговъ вода казалась совершенно черной, а на срединѣ она сверкала, какъ сталь. Здѣсь было тихо, но когда вѣтеръ скользкой струей касался рѣки, она вся покрывалась, какъ сѣткой, мелкой морщиною, а огоньки звѣздъ прыгали и дрожали.

— По небу полуночи ангелъ летѣлъ!

неожиданно запѣлъ Грохотовъ красивымъ и мягкимъ теноромъ.

Вся группа какъ-то оцѣпенѣла и напряженно задумалась.

Гости Кондаревыхъ собрались разъѣзжаться по домамъ только тогда, когда мутный разсвѣтъ уже глядѣлъ въ окна дома, словно туманомъ наполняя комнаты. Всѣ толпились въ прихожей, съ усталыми лицами разыскивая свое платье. Со двора доносились звонъ бубенцовъ и сердитые крики кучеровъ. Внезапно въ прихожей раздался хохотъ; при прощаньи оказалось, что Ложбинина и Людмилочка пришли къ Кондаревымъ пѣшкомъ, такъ какъ ихъ усадьбы были уже совсѣмъ рядомъ, и теперь всѣ съ хохотомъ занялись распредѣленіемъ этихъ двухъ женщинъ по чужимъ экипажамъ. Въ концѣ концовъ и этотъ вопросъ былъ улаженъ. Большинствомъ голосовъ Грохотову было поручено доставить Ложбинину, а Столбун-

Digitized by Google

цову—Людмилочку. Хохотъ еще звучалъ, когда Кондаревъ неожиданно обратился къ Опалихину и сообщилъ ему, что сейчасъ онъ покажетъ ему образцы своего овса. И онъ поспѣшно отправился въ кабинетъ. Тамъ, торопливо доставъ изъ кармана бронзовый ключъ, онъ отперъ и до половины выдвинулъ одинъ изъ ящиковъ стола, тотъ самый, гдѣ раньше сохранялись его деньги. Внезапно онъ поблѣднѣлъ; его обожгла мысль: что если Опалихинъ до его возвращенія найдетъ въ своемъ карманѣ его деньги? Тогда все сраженіе будетъ безнадежно проиграно. Онъ прислушался. Въ прихожей еще звучалъ все тотъ-же безпечный хохотъ и это его успокоило. Онъ поспѣшно двинулся вонъ изъ кабинета.

— Какое несчастіе,—растерянно прошепталъ онъ въ самыхъ дверяхъ прихожей, весь блѣдный и чуть не качаясь на ногахъ,—меня обокрали!

Онъ обвелъ присутствующихъ тусклымъ взоромъ и добавилъ:

— Сорокъ пять тысячъ изъ запертаго стола!

Вся прихожая ахнула. Татьяна Михайловна съ минуту глядѣла на мужа, какъ-бы ничего не понимая, и, наконецъ, крикнула:

— Да быть этого не можетъ! Ты что-нибудь путаешь.

Въ прихожей точно что порвалось. На Кон-

Digitized by Google

дарева посыпались со всѣхъ сторонъ тревожные разспросы.

Онъ растерянно повторялъ:

— Сорокъ пять тысячъ изъ запертаго стола. А ключъ у меня въ карманѣ.

Онъ снова обвелъ присутствующихъ тусклымъ взоромъ и, разводя руками, добавилъ:

— И главное, никто даже и въ кабинетъ-то не входилъ!

Его лицо было блѣдно, и жесты казались разслабленными.

— Какъ никто, — вдругъ проговорилъ Опалихинъ небрежно,—въ кабинетъ входилъ я.

— Да это что,—развелъ руками Кондаревъ,— это я не считаю.—Онъ пожалъ плечами.

Женщины переговаривались съ возбужденными лицами.

— И я! И я входилъ! — рѣзко вскрикнулъ Столбунцовъ, выдвигаясь на средину и измѣривая глазами Кондарева, — такъ что-же... Неужто вы смѣете думать...—Онъ задохнулся отъ бѣшенства.

— Платонъ Платонычъ, — вскрикнулъ Кондаревъ, бросаясь къ Столбунцову,—да неужто-же я могу подозрѣвать? Господи!—всплеснулъ онъ руками.

— Я человѣкъ запутавшійся,—визгливо кричалъ Столбунцовъ, — и я требую, чтобъ меня

Digitized by Google

обыскали! Я не воръ! — Его маленькіе глазки метали искры. Онъ весь дрожалъ.

— Платонъ Платонычъ, —умоляюще шепталъ Кондаревъ, — всплескивая руками, какъ женщина.

Неловкое замѣшательство носилось въ прихожей.

— Вотъ вамъ, глядите,—хрипло повторялъ между тѣмъ Столбунцовъ, выворачивая среди прихожей свои карманы одинъ за другимъ порывистыми жестами,—вотъ мои ключи, вотъ кошелекъ—тутъ и сорока пяти копѣекъ нѣтъ, по объему ужъ видно; вотъ часы,—повторялъ онъ, — носовой платокъ, фотографія madame Blanche передъ купаньемъ... — Онъ сердито выкидывалъ всѣ вещи изъ своихъ кармановъ на деревянный диванъ прихожей. — Вотъ револьверъ, вотъ „альбомъ вакханокъ".

— А у меня рѣшительно ничего нѣтъ съ собою,—говорилъ въ то же время Опалихинъ съ холодной насмѣшливостью, роясь по карманамъ,—ничего, кромѣ почты, носового платка, ключей и портсигара.— И доставъ изъ кармана пальто пачку газетъ и книжечку, онъ вертѣлъ ею въ рукахъ. Внезапно Кондаревъ двинулся къ нему медленнымъ шагомъ и побѣлѣлъ, какъ полотно. Однако, онъ тотчасъ-же остановился. Столбунцовъ предупредилъ его; онъ увидѣлъ что-то подозрительное подъ бумагой бандероли

Digitized by Google

и мелкимъ шажкомъ, какъ-то весь изогнувшись, побѣжалъ къ Опалихину.

— А это-съ, — вдругъ визгливо и злобно выкрикнулъ онъ, вырывая изъ рукъ Опалихина книжечку,—а это-съ!—повторилъ онъ, надрывая бандероль и тѣмъ обнаруживая деньги,— а это-съ! — Онъ съ брезгливостью швырнулъ и деньги, и книгу къ своимъ ногамъ.

— Ф-фу!—вздохнулъ онъ отрывисто съ брезгливой гримасой на губахъ.

Вся прихожая замерла и оцѣпенѣла. Опалихинъ стоялъ поблѣднѣвшій, сіяя холодными глазами.

— Я промотавшійся, я промотавшійся, — между тѣмъ съ злобнымъ лицомъ шипѣлъ Столбунцовъ. — Опалихинъ вошелъ въ кабинетъ,—это ничего-съ, а я... Ф-фу!—снова дохнулъ онъ всей грудью съ брезгливостью. Онъ передернулъ плечами.

— Да клянусь, я и не думалъ на васъ,— крикнулъ ему Кондаревъ.

Женщины въ замѣшательствѣ жались у стѣнъ.

Книга и деньги попрежнему валялись на полу. Опалихинъ стоялъ надъ ними съ холодной и гордой усмѣшкой.

— А я хоть и не промотавшійся,—проговорилъ онъ твердо,—но тоже не воръ. Мнѣ кто-то подсунулъ эти деньги, вотъ и все,—пожалъ онъ плечами.

Digitized by Google

— Можетъ быть, я укралъ, — снова хрипло вскрикнулъ Столбунцовъ, — да подсунулъ куда попало? Да? Я вѣдь промотавшійся! Андрей Дмитричъ,—мелкимъ шажкомъ побѣжалъ онъ къ Кондареву,—деньги выкрадены изъ запертаго стола! Да? и я требую, чтобъ испробовали мой ключъ. Подойдетъ ли онъ къ вашему столу. Понимаете ли, я требую,—крикливо повторилъ Столбунцовъ и метнулъ въ Опалихина презрительнымъ взглядомъ.

И по этому взгляду Кондаревъ сразу понялъ, что Столбунцовъ вспомнилъ объ удивительномъ сходствѣ столовъ его и Опалихина.

— Я этого не допущу у себя въ домѣ! — вскрикнулъ Кондаревъ, бросаясь къ Столбунцову,—дѣлайте со мной, что хотите, но я этого не допущу!

Столбунцовъ сердито бѣгалъ взадъ и впередъ по прихожей, ероша волосы и потирая ладонью бритыя щеки.

Внезапно Опалихинъ побѣлѣлъ, какъ снѣгъ. Онъ тоже вспомнилъ о сходствѣ столовъ.

— Мой ключъ можетъ и подойти,—наконецъ, заговорилъ онъ, стараясь одолѣть охватившее его волненіе,—такъ какъ наши столы куплены въ одной и той же мастерской! И съ этими словами онъ вынулъ изъ своего кармана небольшой бронзовый ключикъ и положилъ его на диванъ прихожей.

Digitized by Google

— Если хотите, можете испробовать; можетъ быть и не подойдетъ; все-таки въ замкѣ возможна разница. Кто знаетъ?

— Сергѣй Николаевичъ! что ты дѣлаешь? Я этого не допущу!—крикнулъ Кондаревъ возбужденно.

Опалихинъ надменно пожалъ плечами. Кондаревъ схватилъ ключъ, чтобъ передать его обратно Опалихину, но Столбунцовъ поймалъ его за руку.

— Нѣтъ-съ, па-а-звольте-съ! — проговорилъ онъ хрипло, отбирая у Кондарева ключъ,—случилось такъ, что и я, и Сергѣй Николаевичъ были въ кабинетѣ, и только-съ! Я и Сергѣй Николаевичъ!—вскрикнулъ онъ.—Въ этомъ кабинетѣ совершена кража и теперь-съ въ нашихъ интересахъ, понимаете-ли-съ, въ нашихъ интересахъ, чтобъ ключи были испробованы. Не-пре-мѣнно-съ испробованы!—повысилъ онъ голосъ. Порывистымъ движеніемъ онъ досталъ изъ кармана свой ключъ и подбѣжалъ къ Ложбининой.

— Милая барыня,—заговорилъ онъ,—возьмите эти два ключа и испробуйте ими столъ Андрея Дмитрича. Милая барыня,—повторилъ онъ,—снимите съ насъ позоръ!

Ложбинина стояла въ колебаніи.

— Я этого не позволю!—заломилъ Кондаревъ руки.

Digitized by Google

— Это не ваше-съ дѣло!—рѣзко крикнулъ Столбунцовъ.—Это-съ наши личные-съ интересы!—повторилъ онъ голосомъ, свистящимъ отъ бѣшенства. — Вы можете не возбуждать уголовнаго преслѣдованія, это вотъ вы въ правѣ — сердито добавилъ онъ и передернулъ плечами.

— Дѣлайте тогда что хотите,—развелъ Кондаревъ руками.

— Милая барыня,—повторялъ Столбунцовъ передъ Ложбининой,—снимите съ насъ позоръ!

Ложбинина съ смущеннымъ лицомъ тихо приняла изъ его рукъ оба ключа и отправилась съ ними въ кабинетъ. Въ прихожей сразу стало невозмутимо тихо. Всѣ точно замерзли. Только Грохотовъ безпечно чертилъ что-то по полу своею тростью.

Вѣра Александровна вновь появилась въ прихожей; ея лицо было блѣдно; всѣ повернули къ ней головы однимъ движеніемъ. Даже Грохотовъ пересталъ чертить тростью.

— Подошелъ ли мой ключъ?—хрипло спросилъ ее Столбунцовъ, принимая изъ ея рукъ оба ключа и передавая одинъ изъ нихъ Опалихину.

Ложбинина отрицательно качнула головой.

— Нѣтъ!

— А мой?—задалъ вопросъ и Опалихинъ и чуть-чуть поблѣднѣлъ.

Digitized by Google

Ложбинина быстро и въ замѣшательствѣ пошла мимо него вонъ изъ передней. У самыхъ дверей она прошептала:

— Вашъ? Да! Подошелъ.

XVI.

— Хорошъ мальчикъ?—спрашивалъ Столбунцовъ Людмилу Васильевну, подвозя ее въ своемъ экипажѣ домой. Все его бритое, какъ у актера, лицо было еще взволновано и возмущено. Губы вздрагивали.

Людмилочка не отвѣчала ему ни слова. Лошади бѣжали бодро. Въ полѣ стояла бѣловатая муть, и шелестъ ржи будилъ воздухъ. Столбунцовъ внимательно оглядѣлъ Людмилочку отъ рыжеватой головки вплоть до лакированныхъ башмаковъ.

— Ф-фу, — вздохнулъ онъ всей грудью, — была минута, когда мнѣ хотѣлось бить Кондарева. Мнѣ показалось, что онъ поглядѣлъ на меня, какъ на вора.

Лошади пошли шагомъ, спускаясь подъ гору. Отвѣсная и глинистая круча оврага рѣзко обрисовалась въ полусвѣтѣ своимъ золотисто-желтымъ изломомъ. Въ глубокой выбоинѣ русла еще дымился туманъ.

Людмилочка шевельнулась въ экипажѣ.

— Такъ неужто-же это онъ укралъ тѣ деньги?—

Digitized by Google

съ недоумѣніемъ взглянула она на Столбунцова и уперла конецъ лиловаго зонтика въ носокъ ботинки.

Столбунцовъ пожалъ плечомъ. Онъ понялъ, кого она разумѣла подъ словомъ „онъ“.

— А кто-же?—спросилъ онъ ее.—Мальчикъ запутался, задолжалъ; его, говорятъ, въ Петербургѣ одна бабенція тысячъ на двадцать постригла. И вотъ,—развелъ онъ руками.

Онъ вздохнулъ и поигралъ пальцами.

— Не знаю, вотъ еще что-то онъ будетъ дѣлать съ отчетомъ земству,—заговорилъ онъ отрывисто. — Какъ-бы Грохотову за него на скамью подсудимыхъ не пришлось сѣсть. Грохотовъ-то вѣдь розиня порядочная: онъ вѣдь только о горѣлкахъ Ауэра да о граммофонахъ и думаетъ. Да вотъ еще ангеловъ какихъ-то рисуетъ. Дома въ черномъ подрясникѣ ходитъ. Жена у него ручки цѣлуетъ, какъ у архіерея. Просто потѣха! А, впрочемъ, ну ихъ всѣхъ къ чорту!—съ досадою отмахнулся онъ.—А вы со мною не проѣдетесь? — внезапно перемѣнилъ онъ тонъ черезъ минуту. — Такъ просто полемъ? Прокатиться? Что-то голова трещитъ.

Людмилочка протяжно сказала:

— Ну, что-же!

Лошади, круто повернувъ отъ самыхъ воротъ Ложбининской усадьбы, плавно понесли экипажъ мягкою полевою дорогою. Слѣва, за Вер-

Digitized by Google

шаутомъ, гремѣли пѣсни соловьевъ. Столбунцовъ ближе подсѣлъ къ Людмилочкѣ. Нѣкоторое время они ѣхали молча. Людмилочка чувствовала на себѣ его загоравшійся взглядъ. Внезапно ей стало какъ-будто страшно. Она хотѣла даже отодвинуться отъ него, но передумала, внезапно отдаваясь жуткому ощущенію, опахнувшему ее, какъ теплый вѣтеръ.

— Любили-ли вы хотя разъ въ жизни такъ, наконецъ, зашепталъ Столбунцовъ, почти припадая къ плечу Людмилочки, — любили-ли вы такъ, что ради этой любви вы съ готовностью пошли-бы на преступленіе, на позоръ, на все, что хотите?

— Н-не знаю,—прошептала Людмилочка.

Прохладный и свѣжій вѣтеръ дулъ ей прямо въ лицо, игралъ у висковъ ея волосами и протяжно гудѣлъ въ ушахъ. Она точно съ тревогою заглянула въ даль. Бѣлесоватая муть колебалась въ полѣ, таяла и дѣлалась желтою.

— А я вотъ всегда такъ люблю,—шепталъ Столбунцовъ.

Людмилочка слышала его горячее дыханіе и ей казалось, что это вѣетъ жаромъ отъ его словъ. Она тихо встряхнула головою, точно желая прогнать отъ себя что-то.

— А я вотъ всегда такъ люблю, — повторилъ Столбунцовъ тѣмъ-же горячимъ шопотомъ, — и только именно такъ. И когда лю-

Digitized by Google

бовь уходитъ отъ меня, я знаю, что она не совсѣмъ покинула меня, а только на минуту вышла за ворота и сейчасъ-же вернется обратно. И такъ любить—это восторгъ и счастье!

На Людмилочку снова пахнуло чѣмъ-то горячимъ. Шумъ вѣтра кружилъ ей голову сладкимъ и жуткимъ звономъ. Она подставила свое лицо скользкой и свѣжей струѣ, приподнявъ голову. Курчавыя пряди волосъ шевелились у ея висковъ. Лошади бѣжали бодро, и поле ржи весело шуршало.

— И вотъ теперь я тебя такъ люблю,—шепталъ Столбунцовъ, припадая къ ея уху,—прикажи, и я убью для тебя кого хочешь. Прикажи украсть тѣ сорокъ пять тысячъ, и я украду! Испытай меня, прикажи украсть!—Его шопотъ звучалъ мольбою и стономъ.—Теперь, сейчасъ, — шепталъ онъ, — у меня одна святыня, это любовь къ тебѣ. И внѣ этой любви—все дрянь и ничтожество. Ну, скажи-же хоть слово! Хочешь, я выброшу тебѣ мою жизнь за единую минутку? О, какъ ты холодна!

Людмила Васильевна слушала его молча, слегка запрокинувъ голову и подставляя поблѣднѣвшее лицо скользкой волнѣ вѣтра. Въ ея глазахъ мерцала скорбь и тревога. Отъ его словъ на нее вѣяло зноемъ, и что-то словно таяло въ ней, разслабляя ее, уничтожая волю и силы.

Digitized by Google

Столбунцовъ схватилъ ея руку и больно стиснулъ ее. Она тихо освободила руку, напряженно вглядываясь вдаль.

— Ефимъ, къ Ложбининой,—хрипло приказалъ онъ кучеру.

Лошади круто свернули назадъ, отфыркиваясь. Поле шуршало. Клочья тумана еще дымились кое-гдѣ надъ выбоинами.

— На землѣ,—снова горячо зашепталъ Столбунцовъ, весь припадая къ Людмилочкѣ, — на землѣ все дрянь и ничтожество. Есть только одно чувство, которое имѣетъ цѣну, такъ какъ оно уноситъ насъ отсюда хоть на минутку въ другіе міры. И это чувство—любовь. Она одна выше всѣхъ условій и законовъ. Я люблю тебя, — со стономъ шепталъ Столбунцовъ,—и если ты даже и не полюбишь меня, я уже вознагражденъ, сто кратъ вознагражденъ моимъ чувствомъ. Оно дѣлало меня, это чувство, безгранично сильнымъ, и сокрушало передо мной всѣ преграды и всѣ законы, и всѣ условія, и весь міръ, кромѣ тебя одной, и развѣ это не счастіе чувствовать въ себѣ такія могучія силы, такое чудовищное отрицаніе всѣхъ и всего? Прикажи мнѣ что-нибудь самое нелѣпое и дикое, — съ мольбою стоналъ онъ, — испробуй мои силы и прикажи... — Онъ все ближе придвигался къ ней и внезапно обхватилъ ея станъ сильнымъ объятьемъ. Она со

Digitized by Google

страхомъ и тоскою заглянула въ его глаза. Его губы припали къ ея шеѣ.

— Вѣра Александровна, я думаю, уже спитъ, — хрипло говорилъ онъ ей поднимаясь вмѣстѣ съ нею на крыльцо дома, — навѣрное уже спитъ, а я, если позволите, пойду на минутку въ вашу келью и возьму у васъ почитать послѣднюю книжку Прево. Вы разрѣшаете?

Она не отвѣчала. Осторожно ступая, они поднимались по лѣстницѣ мезонина. Ея стройная фигура мелькала передъ нимъ на ступеняхъ и дразнила его. Они вошли въ ея комнату оба блѣдные и встревоженные. Пламя разсвѣта уже горѣло на полу, подъ окнами, и на свѣтлыхъ обояхъ стѣны золотисто-желтыми, сверкающими пятнами. Веселый гулъ ранняго утра врывался сквозь окна. Людмила Васильевна неподвижно остановилась; ея взоръ бродилъ по всей комнатѣ съ выраженіемъ тоски и безпомощности, и золотистыя нити сверкали въ ея волосахъ. Столбунцовъ поспѣшно снялъ съ нея длинную пахнувшую духами накидку и шляпу и небрежно бросилъ все это на столъ; затѣмъ онъ быстро подбѣжалъ къ ней, слегка изогнувшись, заглянулъ въ ея глаза какъ-то снизу и хрипло, злобно-торжествующе прошепталъ:

— Вотъ то-то и есть-съ! Это чувство—сила, могущество и божество, а мы жалкіе и ничтожные комарики! — Въ его глазахъ сверкнулъ

Digitized by Google

сердитый и дикій огонь. Онъ точно толкнулъ ее отъ себя и вдругъ поймалъ ее обѣими руками за талію.

Когда онъ вышелъ, наконецъ, на крыльцо, весь дворъ уже былъ залитъ теплыми и сверкающими потоками солнечнаго свѣта. За избами горланили пѣтухи. Ефимъ, съ форсомъ подавая ему лошадей, ухмылялся съ козелъ; изъ глубины двора онъ хорошо видѣлъ въ окнѣ мезонина прощальный поцѣлуй своего барина, и, ухмыляясь въ бороду, онъ теперь думалъ:

— Въ этомъ году, не то семая, не то восьмая.

Онъ зналъ большинство секретовъ барина и велъ про себя счетъ.

У Ложбининой сидѣли ея обычные четверговые гости: Кондаревы, Грохотовъ, Столбунцовъ. Недоставало только одного Опалихина. Прежде чѣмъ ѣхать къ Ложбининой, Кондаревъ заѣзжалъ къ нему и вскользь спросилъ, будетъ ли онъ у нея сегодня, но Опалихинъ отвѣчалъ уклончиво, и тѣнь замѣшательства бродила по его лицу, всегда спокойному и холодному. Видимо онъ колебался; какъ будто ему хотѣлось ѣхать, его точно даже поджигало любопытство, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, его пугало подозрѣніе, что всѣ эти люди поглядятъ на него, какъ на вора. И это угнетало его и мучило. Это было за-

Digitized by Google

мѣтно по его лицу. Кондаревъ, не видѣвшій его нѣсколько дней, нашелъ даже его лицо сильно осунувшимся, а всѣ его движенія и жесты, всегда отличавшіеся холодной размѣренностью, слишкомъ для него безпокойными и тревожными. Очевидно, его уравновѣшанное спокойствіе было поколеблено и силы подорваны. Онъ прекрасно зналъ, что въ уѣздѣ держится упорный слухъ, что кондаревскія сорокъ пять тысячъ укралъ именно онъ. И сообщая объ этихъ слухахъ Кондареву, онъ, съ непривычнымъ для него волненіемъ, восклицалъ:

— Послушай, неужели и ты вѣришь, что эти деньги укралъ я?

Кондаревъ пристально глядѣлъ на него и твердо произносилъ:

— Ну ужъ пусть это думаетъ кто другой, а я-то убѣжденъ, какъ въ себѣ, что ты ихъ не воровалъ.

Такой отвѣтъ Кондарева какъ будто утѣшалъ Опалихина, но, выслушавъ его, онъ снова восклицалъ въ волненіи:

— Они хоть бы подумали о томъ, что если ужъ мнѣ нужно было украсть, такъ я сумѣлъ бы сдѣлать все это гораздо умнѣе! Какъ это въ голову имъ не придетъ! Ну за какимъ чортомъ, — возбужденно всплескивалъ онъ руками,—я спряталъ-бы эти деньги въ бандероль книжки? Развѣ въ моемъ арсеналѣ не нашлось

Digitized by Google

бы другихъ болѣе надежныхъ способовъ? О, дьяволы! — восклицалъ онъ сердито и безпокойно бѣгалъ изъ угла въ уголъ по кабинету.

— Ну, подумай самъ,—снова подбѣгалъ онъ черезъ минуту къ Кондареву, — вѣдь спрятать украденное въ карманъ своего пальто могъ только одинъ набитый дуракъ! И если ужъ на то пошло, развѣ я не могъ бы ихъ спрятать ну хоть бы въ подушку своего экипажа, что ли? А то въ карманъ, въ бандероль книжки! Какая глупость! Вѣдь это могъ изобрѣсти какой-то наивный индюкъ! И кто бы могъ это сдѣлать? Кто? Кто?

Сидя въ гостиной у Ложбининой, Кондаревъ припоминалъ весь этотъ разговоръ и думалъ объ Опалихинѣ: „пріѣдетъ онъ сюда, или не пріѣдетъ?“ Ему хотѣлось, чтобъ онъ пріѣхалъ.

Въ то же время Столбунцовъ отрывисто говорилъ Грохотову:

— Непремѣнно, Алексѣй Петровичъ, требуйте отъ Опалихина отчетъ въ земскихъ денежкахъ. Да поторапливайтесь! Смотрите, посадитъ онъ васъ на скамейку! Охъ, посадитъ! Мальчикъ-то вѣдь оченъ умный, и убѣжденьица у него что ни на-есть клёкъ! Миленькія, тепленькія, славненькія!

Женщины переговаривались о чемъ-то вполголоса.

Татьяна Михайловна сидѣла блѣдная, съ боль-

Digitized by Google

нымъ лицомъ, и равнодушно глядѣла на окружающихъ.

Сквозь окна въ комнаты врывался шумъ сада и желѣзная крыша дома порою гремѣла подъ напоромъ вѣтра. Ненастный мракъ глядѣлъ въ окна.

— И примите къ свѣдѣнію,—говорилъ Столбунцовъ Грохотову,—что на Опалихина со всѣхъ сторонъ иски. Петербургскія бабенціи сказываются. Вѣдь женщина, какъ лошадь, только та и хороша, которая дорого стоитъ! И вообще,—ловилъ онъ Грохотова за пуговицу,—объ ангелахъ вы на время забудьте: лучше почаще вспоминайте о дьяволѣ!

— Хорошо, хорошо, — успокаивалъ его Грохотовъ.

Вскорѣ всѣ сидѣли уже въ столовой за круглымъ столомъ и пили чай. Шелъ довольно бойкій разговоръ. И въ эту минуту въ комнату вошелъ Опалихинъ. Вошелъ онъ быстро и смѣло. Онъ былъ изысканно одѣтъ и старался придать своему лицу насмѣшливое и спокойное выраженіе, но это ему несовсѣмъ удавалось и тѣнь тревоги металась въ его глазахъ. Онъ выглядывалъ похудѣвшимъ. Онъ обошелъ весь столъ, здороваясь со всѣми и стараясь шутить. Когда онъ здоровался съ Татьяной Михайловной, его лицо замѣтно дрогнуло. Наконецъ, онъ занялъ у стола мѣсто и принялъ изъ рукъ Ложбини-

Digitized by Google

ной стаканъ чаю. Мѣшая ложечкой въ своемъ стаканѣ, онъ пробѣжалъ взоромъ по лицамъ присутствовавшихъ и вдругъ ему показалось, что всѣ эти лица сконфужены. Онъ понялъ, что это его приходъ внесъ въ эту комнату замѣшательство; онъ понялъ, что онъ чужой здѣсь, лишній, ненужный. Это сознаніе больно ударило его. Онъ хотѣлъ заговорить и не зналъ, о чемъ и какъ начать. Всегда находчивый, онъ теперь сконфуженно молчалъ. Въ комнатѣ водворилась неловкая тишина.

И вдругъ Грохотовъ, незамѣтно подталкиваемый колѣномъ Столбунцова, сказалъ, обращаясь къ Опалихину:

— А вы скоро, Сергѣй Николаевичъ, земскій отчетъ представите?

Проговорилъ все это Грохотовъ самымъ небрежнымъ тономъ и съ невиннымъ видомъ; въ глубинѣ души онъ даже и не помышлялъ обижать своимъ вопросомъ Опалихина, но, тѣмъ не менѣе, замѣшательство пробѣжало вокругъ стола, и краска смущенія метнулась по щекамъ Опалихина. Грохотовъ замѣтилъ это и, желая поправиться, добавилъ:

— Повѣрьте, я лично не надоѣдалъ бы вамъ, да ко мнѣ всѣ послѣдніе дни ужасно пристаетъ наша коммиссія.

Въ столовой было все такъ же тихо. Только желѣзная крыша дома порою гудѣла подъ на-

Digitized by Google

поромъ вѣтра, да деревья сада шипѣли. Опалихинъ шевельнулся на своемъ стулѣ.

— Я доставлю вамъ этотъ отчетъ черезъ два дня,—холодно проговорилъ онъ,—надѣюсь, за это время коммиссія не умретъ отъ любопытства.—Онъ скользнулъ по лицу Грохотова насмѣшливымъ взглядомъ.—Вѣдь я понимаю,—продолжалъ онъ среди тишины небрежно и холодно,—вѣдь я понимаю, что коммиссію разбираетъ любопытство поскорѣе взглянуть, какъ-то составленъ этотъ отчетъ?

Онъ передохнулъ, замѣтно блѣднѣя.

— Ея любопытство будетъ удовлетворено черезъ два дня,—повторилъ онъ насмѣшливо и сердито.—Я пришлю вамъ этотъ отчетъ съ нарочнымъ,—продолжалъ онъ тѣмъ же насмѣшливымъ тономъ,—а вы можете для скорости сообщить его коммиссіи хоть телеграмой, чтобъ коммиссія не подохла отъ нетерпѣнія!—добавилъ онъ рѣзко.

Его лицо смертельно поблѣднѣло. Самообладаніе, очевидно, покинуло его. Внезапно онъ стукнулъ рукою по столу.

— Это, наконецъ, чортъ знаетъ что такое въ самомъ дѣлѣ,—вскрикнулъ онъ съ неожиданною рѣзкостью, измѣривая Грохотова негодующимъ взглядомъ,—что вы меня за вора что ли считаете? Что вы лѣзете ко мнѣ ежеминутно съ этимъ отчетомъ?

Digitized by Google

Грохотовъ сконфузился и смѣшался. Около стола все напряженно застыло.

— Я не воръ! — снова рѣзко вскрикнулъ Опалихинъ, ударяя рукою по столу. Онъ выпрямился во весь ростъ, мѣряя Грохотова уничтожающимъ взглядомъ.—Я не воръ,—повторялъ онъ злобно, упирая глаза въ Грохотова,—и я не позволю никому думатъ такъ обо мнѣ! Слышите ли вы, не позволю!

Его губы дрожали. Все его лицо исказилось злобою.

— На поединокъ,—закричалъ онъ осипло,—на поединокъ, когда такъ! Я васъ зову на поединокъ!

Онъ застучалъ по столу пальцами и надменно и злобно глядѣлъ на Грохотова.

Женщины испуганно притихли.

— Господа,—взволнованно зашептала Ложбинина, обращаясь то къ Грохотову, то къ Опалихину,—какъ вамъ не стыдно, господа, у меня въ домѣ...

— На поединокъ, на поединокъ и только на поединокъ,—злобно повторялъ Опалихинъ, блѣдный, какъ снѣгъ, и стуча по столу. Онъ точно закусилъ удила.

Грохотовъ внезапно шевельнулся на своемъ стулѣ.

— Вамъ угодно?—проговорилъ онъ, блѣднѣя.—Вамъ угодно?—онъ тоже въ свою оче-

Digitized by Google

редь оглядѣлъ Опалихина мечтательными глазами.

— Господа,—крикнулъ Кондаревъ,—да чтожъ это такое, въ самомъ дѣлѣ!

Онъ подбѣжалъ къ Грохотову и схватилъ его за локоть.

— Алексѣй Петровичъ, — заговорилъ онъ умоляюще, — голубчикъ Алексѣй Петровичъ, милый Алексѣй Петровичъ...

— Хорошо,—лѣниво повторилъ Грохотовъ, не слушая его и слегка даже отстраняя его рукою.—Хорошо, но только это будетъ тогда,—продолжалъ онъ внятнымъ шопотомъ, — это будетъ тогда, когда отыщется воръ Кондаревскихъ денегъ, а до того времени, простите, принять вашего вызова я не могу!

Онъ снова шевельнулся на стулѣ и дрожащими губами прихлебнулъ чай изъ стакана. Его руки вздрагивали, и ложечка, прижатая между его пальцемъ и стекломъ стакана, позванивала.

Опалихинъ стоялъ въ оцѣненѣніи.

— Такъ вотъ оно что̀, господа,—проговорилъ онъ, наконецъ.

Злоба уже ушла съ его лица, и онъ выглядывалъ уставшимъ, осунувшимся, больнымъ.

— Такъ вотъ оно что, господа,—повторилъ онъ тихо,—видите-ли, я все-таки не ожидалъ

Digitized by Google

этого... Я все-таки думалъ... Я никакъ не ожидалъ...—Онъ смѣшался и обводилъ присутствующихъ тусклымъ взоромъ. — Я все-таки думалъ,—наконецъ поправился онъ,—что своей работой въ уѣздѣ я заслужилъ,—тихо и устало повторялъ онъ, трогая рукою голову,—я заслужилъ... Ну, какъ бы вамъ сказать... — Онъ не договорилъ, и повернувъ отъ стола, колеблющейся походкой пошелъ вонъ изъ комнаты. Татьяна Михайловна испуганно вскрикнула. Кондаревъ опрометью бросился вслѣдъ за нимъ въ прихожую.

— Господа,—шепталъ онъ крикливымъ шопотомъ, появляясь черезъ минуту въ дверяхъ прихожей и махая рукой,—дайте воды! Скорѣе воды! Съ нимъ обморокъ!

XVII.

Въ окна кабинета глядѣли розовыя сумерки.

Ложбинина сидѣла въ своемъ кабинетикѣ у письменнаго стола. Сейчасъ она только что дописала трогательное и примирительное письмо на имя своего мужа, и была очень довольна этимъ обстоятельствомъ. Удовольствіе такъ и свѣтилось въ ея глазахъ. „А у меня положительно беллетристическій талантъ“, думала она, припоминая только что написанное письмо,

Digitized by Google

„подъ старость нужно будетъ серьезно заняться его разработкою“!

Она спрятала письмо въ ящикъ письменнаго стола и, слегка развалясь въ креслѣ, стала воображать себя губернаторшей. А затѣмъ, сдѣлавъ мечтательные глаза, она задумалась о первомъ свиданіи съ мужемъ.

„Когда я добьюсь этого свиданія, думала она, нужно будетъ надѣть черное платье. Непремѣнно черное платье! Никакихъ золотыхъ вещей и ничего бьющаго въ глаза. Ботинки изящны но просты. При словахъ: „взгляните, что стало со мною“! мои щеки покрываетъ смертельная блѣдность. При фразѣ: „Самъ Христосъ прощалъ легкомысліе“ вѣки глазъ дрогнутъ, и одна слеза. Только одна, не больше. Обиліе слезъ дѣлаетъ лицо некрасивымъ... Послѣ слезы, сразу-же: „Счастье еще возможно для насъ“, и легкій румянецъ.

— Людмилочка! вдругъ позвала она вслухъ. Людмилочка бойко впорхнула въ комнату и, приблизившись къ креслу, приставила ладонь ко лбу, какъ-бы отдавая честь.

— Чего извольте, ваше превосходительство? проговорила она, подражая говору солдата.

— Ты увѣрена, что мое примиреніе съ мужемъ состоится? спросила Ложбинина, нѣжно оглядывая ея фигуру.

Людмилочка сдѣлала свои губки похожими

Digitized by Google

на губы Столбунцова и, передразнивая звукъ его голоса, проговорила:

— Клянусь позоромъ преступленья!

— И такъ я буду губернаторшей, вздохнула Ложбинина съ томностью.

— А кого ты возьмешь тогда къ себѣ въ чиновники? снова спросила ее Людмилочка.

И онѣ обѣ сразу звонко расхохотались.

Голубой мракъ ночи дрогнулъ, заколебался и какъ-то весь сразу просвѣтлѣлъ. Изъ-за лѣсистыхъ холмовъ, черной каймою темнѣвшихъ по ту сторону Вершаута, плавнымъ скачкомъ вышелъ мѣсяцъ. Поверхность Вершаута радостно просвѣтлѣла, заискрилась, заколебалась.

— А монастырскій звонъ слышать, это къ чему?—спросила Татьяна Михайловна Пелагею Семеновну.

Онѣ обѣ сидѣли на толстомъ дубовомъ обрубкѣ, на берегу Вершаута и тихо переговаривались. Лицо Кондаревой было блѣдно. Лиловый капотъ съ полуоткрытой грудью и широкими рукавами, весь отдѣланный чернымъ кружевомъ, красивыми волнами охватывалъ ея стройную фигуру.

Пелагея Семеновна отплевала кедровую скорлупу съ своихъ жирныхъ губъ и переспросила:

— Монастырскій звонъ? Это ужъ не знаю къ чему. Видно въ монастырь идтить, что ли?

Digitized by Google

Она закашлялась, поперхнувшись, и съ досадой добавила:

— Да что ты все о монастырѣ-то? Мать! Въ твои-то годы? При моихъ лѣтахъ и то монастырь не сахаръ. А тебѣ-то? Эй, Танюшка, очнись! Да,—вздохнула она,—мнѣ бы, по правдѣ сказать, время ужъ мірскую тщету бросить, время, ужъ чувствую, что время, да главное дѣло я молошную пищу люблю. А въ монастырѣ что? Сегодня грибъ, завтра рыба, нынче рыба, вчера грибъ.—Она помолчала, поглядывая добродушными, заплывшими глазками на свѣтлыя воды Вершаута, точно о чемъ-то вспоминая.

— Закажи завтра къ обѣду, Танюша, заключила она со вздохомъ,—рисовую кашку со сливочками, съ изюмцемъ и съ черносливцемъ.

Татьяна Михайловна молчала. Мѣсяцъ поднимался выше; серебристая дорога наискось перерѣзала воды Вершаута, вся покрытая мелкой, сверкающей чешуей, какъ длинное туловище исполинскаго змѣя. Теплый вѣтеръ порою падалъ на воды рѣки, и свѣтлое туловище змѣи извивалось и точно приподнималось.

— Да, снова вздохнула Пелагея Семеновна,— въ свое время пожилось сладко, а теперь ужъ будетъ; зубы устали. И, кажется, явись сейчасъ передо мной вѣдунъ или знахарь и скажи: хочешь назадъ молодость обернуть? И я бы ему „нѣтъ“ сказала. Къ чему? Зубы устали!

Digitized by Google

И что будетъ за толкъ въ новой молодости-то? развела она жирными руками.—Ну, тѣло, скажемъ, будетъ молодое. Сердце молодо. А память? Молодая кровь старую память-то не отшибетъ! Нѣтъ! Она вздохнула и раздумчиво покачала головою. — Танюша, намъ спать не пора?—спросила она.

Татьяна Михайловна сидѣла молча, поставивъ локти на колѣни и опираясь подбородкомъ на ладони. Вокругъ было тихо. Неясный шелестъ порой проносился въ воздухѣ, да за Вершаутомъ кричалъ коростель. Небо горѣло въ звѣздахъ. У береговъ подымался паръ.

— Да,—заговорила Пелагея Семеновна, не дождавшись отвѣта, — а въ свое время сладко жилось! Что вѣрно, то вѣрно. Я вѣдь смолоду на вдовьемъ положеніи числюсь. И вотъ жила я въ Симбирскомъ. И былъ у насъ купецъ одинъ; фамелія у него двойная была, звонкая, на манеръ графской. Съ него и на телеграфѣ за подпись всегда за два слова брали. Ты думаешь—Семибратовъ?—почему-то спросила она Татьяну Михайловну, приподнимая жирное лицо. — Нѣтъ, это еще до Семибратова было. Этому фамилія была Ненашевъ.

Она замолчала въ испугѣ, всплеснувъ руками.

Татьяна Михайловна, точно вся извиваясь, повалилась съ обрубка къ ней въ ноги и обхватила руками ея колѣни.

Digitized by Google

— Таня, Танюшечка, голубка, — зашептала Пелагея Семеновна, — пригибаясь къ плечамъ молодой женщины. Да Господь съ тобою! Мать Владычица! — повторяла она, — что это еще, прости Господи!

Татьяна Михайловна припала лицомъ къ ея колѣнямъ.

— Тетушка, родимая, прости ты меня!— со стономъ рыдала она на ея колѣняхъ,— прости ты меня подлую! Я съ Опалихинымъ спуталась!..

Она крутила головою и вся билась.

Пелагея Семеновна облегченно вздохнула всей грудью.

— Только то, — укоризненно покачала она головою, — эхъ, баба, баба! Я ужъ ни вѣсть что подумала; у меня руки-ноги отнялись, а она... Эхъ, баба, баба! — Она ласково погладила волосы плачущей и покрутила головою. — Крѣпись, баба; стыдно!—заговорила она вразумительно,—передъ мужемъ гоголемъ ходи, чтобъ мужъ ни-ни! ни даже Боже мой! Мужа на грѣхъ толкать—двойной грѣхъ,—говорила она и ея расплывчатый голосъ внезапно сталъ твердымъ и сильнымъ.—Тяжко—въ себѣ снеси! Мнѣ для чего сказала? Скажи попу и Богу. Эй, баба! — погрозила она пальцемъ строго и гордо. — Эй, баба! Мужу — ни-ни! Слышишь? Мужа не смѣй обижать! Съ мужемъ ты передъ

Digitized by Google

святымъ алтаремъ стояла и Самъ Царь Небесный благословлялъ васъ съ высоты райской.

— Я не скажу ему, — съ плачемъ шептала Татьяна Михайловна,—я не скажу, ни за что не скажу.

— Тяжко, — Богу чаще говори. Богъ проститъ. Это со всякой бабой бываетъ.

— Я ужъ и такъ, — шептала Кондарева плача, — другой разъ не смѣю, а другой разъ плачу,—плачу... Господи!..

— Дѣти, чтобъ и во снѣ объ этомъ не видали,—съ твердостью повторяла Палагея Семеновна,—дьявола къ дѣтской колыбели подпускать грѣхъ тяжкій! Свой грѣхъ простится, этотъ не простится. Мы черезъ нихъ къ ангеламъ идемъ.

— Я ужъ знаю, — съ плачемъ шептала Татьяна Михайловна,—я ужъ знаю!

Когда она нѣсколько успокоилась и слезы высохли въ ея глазахъ, Палагея Семеновна сказала:

— А теперь, Танюша, идемъ спать. Благослови дѣтей, помолись Богу и спи крѣпко. Въ Симбирскомъ,—говорила она ей по дорогѣ къ дому,—былъ у меня монахъ знакомый. Чайкомъ ко мнѣ заходилъ побаловаться и хересомъ. Онъ хереса любилъ. И этотъ монахъ говорилъ: „преступилъ — грѣхъ. Созналъ грѣхъ — полъ-грѣха. Покаялся во грѣхѣ — четверть грѣха.

Digitized by Google

Утѣшился—нѣтъ грѣха. Стало быть, простили"! Такъ-то!

Проходя мимо кабинета, Татьяна Михайловна увидѣла мужа. Онъ сидѣлъ за письменнымъ столомъ въ черной шелковой рубахѣ, въ черныхъ шароварахъ и красныхъ татарскихъ ичегахъ. Толстый, красный шнурокъ, опоясавывшій его рубаху, свѣшивался почти до полу. На столѣ передъ нимъ горѣла лампа и лежала раскрытая книга. Но онъ не читалъ. Положивъ локти на столъ, онъ внимательно разглядывалъ свои ногти. Его безбородое съ маленькими усиками лицо было блѣдно, и безпокойная мысль неподвижно лежала на этомъ лицѣ сосредоточеннымъ и строгимъ выраженіемъ. Татьяна Михайловна подошла къ нему и положила на его плечо руку. Онъ нервно вздрогнулъ, точно испугавшись. Минуту онъ глядѣлъ на нее, какъ будто не узнавая. Она позвала его спать. Онъ молча всталъ, потушилъ лампу и послушно пошелъ за женою. Ей хотѣлось приласкать его, поплакать вмѣстѣ съ нимъ, поговорить о томъ, чего даже не выскажешь словами, сблизиться съ его душою. Но какая то перегородка точно стояла между нимъ и ею и мѣшала ей. Въ спальнѣ она опустилась въ кресло, у окна, не снимая съ себя капота, а онъ, засунувъ руки въ карманы шароваръ, долго ходилъ изъ угла въ уголъ,

Digitized by Google

занятый своею думой, блѣдный и сосредоточенный. Она глядѣла въ аллеи сада, залитыя луннымъ свѣтомъ, притихшія и, торжественныя, и все ждала, что онъ подойдетъ къ ней, заговоритъ съ нею, поможетъ ей выбраться на свѣтъ; но онъ не подходилъ, и ея сердце сжимала тоска. Вздохнувъ, она уныло встала и, шелестя капотомъ, тихо пошла въ дѣтскую. Въ дѣтской все было тихо. Ровное дыханіе спящихъ дѣтей странными звуками будило тишину комнаты. Въ углу у образа дѣтскаго покровителя Пантелеймона горѣла лампадка, наполняя весь воздухъ тихими колебаніями свѣта и тѣней. Точно что-то летало въ этой комнатѣ безпокойнымъ и мягкимъ полетомъ, что-то призрачное и неуловимое, и словно какая-то таинственная борьба происходила въ этихъ стѣнахъ. Она подумала: „Ангелы отгоняютъ отъ ихъ постелей темное. Но кто побѣдитъ?“ Какъ будто чьи-то осторожные шаги послышались за ея спиною, но она не оглядывалась, полная жуткаго чувства. Она подошла къ постели своего меньшого сына, увидѣла его розовый, спокойно дышащій ротикъ, полураскрытый и похожій на цвѣтокъ, и подумала молитвенно: „Господи, заступи, спаси и помилуй и одолѣй надъ его головою тьму и ужасъ!“ Она съ трепетомъ занесла руку, чтобъ перекрестить воздухъ надъ головою сына, но

Digitized by Google

кто-то изъ-за ея спины властно схватилъ эту руку и до боли стиснулъ ее. Она чуть не вскрикнула отъ ужаса.

— Тсс,—услышала она надъ собою какой-то свистящій шопотъ, обдавшій ее съ головы до ногъ морозомъ, — тсс, не с-смѣй кощунствовать!—Слышишь,—не с-смѣй!

Она съ усиліемъ повернула голову и увидѣла мужа. Все его лицо было искажено до неузнаваемости, и точно все свѣтилось какимъ-то новымъ безпредѣльно злобнымъ чувствомъ.

— Не кощун-с-твуй, — шепталъ онъ. Онъ сталъ къ ней лицомъ къ лицу и тихо, шагъ за шагомъ, больно стискивая ея руку и ловя другую, онъ попятилъ ее передъ собою вонъ изъ дѣтской. Она слабо стонала, а онъ властно наступалъ на нее, пятя ее спиной къ порогу, закусивъ губы и съ трудомъ дыша.

Она, вся помертвѣвъ, глядѣла на эту ужасную голову, блѣдную и изуродованную злобой, въ которой ни одна черта не напоминала ей больше мужа. Свѣтъ и тѣни странно сплетались надъ этой головою въ чудовищный узоръ и словно трепетали въ ужасѣ. А онъ все пятилъ и пятилъ ее передъ собою, захвативъ уже обѣ ея руки. Въ спальнѣ, у окна, онъ, наконецъ, выпустилъ ихъ и тихо толкнулъ ее отъ себя прочь злобнымъ и презрительнымъ жестомъ. Она упала въ кресло и не

Digitized by Google

сводила съ него глазъ; она не находила въ себѣ силъ оторвать ихъ отъ этой ужасной головы.

— Что ты дрожишь? — зашепталъ онъ ей наконецъ, слегка наклоняясь надъ нею, — не бойся, это не я передъ тобой стою, не я, это— опалихинская вѣра! Тсс,—замахалъ онъ передъ нею пальцемъ грозно, — молчи и не бойся!— чего-жъ намъ бояться ее, этой вѣры? Вѣдь и я и ты давно ужъ по ея уставамъ живемъ, а отъ родни открещиваться не пристало! — Онъ замолчалъ, весь трепеща и тяжело дыша, точно везъ на себѣ непомѣрную тяжесть.

— Не дрожи, — повторилъ онъ ей шопотомъ,—слушай! Слушай! Знаешь, когда этотъ ужасъ начался? Знаешь? — припадалъ онъ къ ней,—помнишь, столъ у меня сгорѣлъ? Это я самъ его сжогъ. Нарочно, умышленно сжогъ. Нарочно!—повторилъ онъ въ тоскѣ и злобѣ.— Это я, я самъ такъ устроилъ, что мой ключъ и опалихинскій ключъ—одинъ ключъ! Я это устроилъ. Понимаешь? Чувствуешь тьму и ужасъ? Я письмо ему отъ тебя писалъ и отвѣтъ получилъ, и зналъ, что получу, и зналъ, что буду дѣлать. — Онъ стоялъ передъ ней весь блѣдный и неузнаваемый, съ судорогами злобы и муки на лицѣ.

— Тсс, — поднялъ онъ палецъ, — не дрожи и слушай. Слушай!—Онъ совсѣмъ близко при-

Digitized by Google

палъ къ ней, и каждый мускулъ его лица трепеталъ и содрогался.—Слушай, — шепталъ онъ,—это я, я ему въ бандероль книжки сорокъ пять тысячъ засунулъ и воромъ его сдѣлалъ. Я, я, я! Умышленно и нарочно! Это я всю эту машину обдумалъ. Я—новая вѣра!

Татьяна Михайловна не сводила съ него глазъ и сидѣла, привалившись къ спинкѣ кресла, точно окаменѣвъ.

— Не дрожи,—шепталъ ей мужъ,—не бойся. Это не я передъ тобой стою, это опалихинская вѣра. Слушай же меня и помни! Вѣдь это вы меня въ этой новой вѣрѣ крестили и заповѣдямъ меня наставили! Вы! Полюбуйтесь же теперь, воспріемники, на свое духовное чадо!

Онъ на минуту замолчалъ, точно пережидая чего-то, затѣмъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ, неслышно ступая въ полусумракѣ комнаты, и заговорилъ снова съ прыгающимъ лицомъ и уродливыми жестами, останавливаясь передъ нею.

— Чего-жъ вы не любуетесь? Вѣдь я вашъ, весь вашъ, съ головой вашъ, плоть отъ плоти вашей и кровь отъ крови, такъ чегожъ-вы трясетесь, чего-жъ робѣете? Чего?—Онъ заглядывалъ въ ея глаза, изгибаясь и весь содрогаясь будто отъ неслышнаго смѣха; и ей казалось, что передъ нею не ея мужъ, а сатана.

— Что-жъ ты не радуешься мнѣ,—повторялъ

Digitized by Google

онъ,—я—опалихинская вѣра! Зачѣмъ же ты дрожишь? Чего испугалась? Онъ снова сдѣлалъ по комнатѣ нѣсколько неслышныхъ шаговъ и вновь сталъ передъ нею съ изуродованнымъ отъ судорогъ лицомъ.

— Я тебя больше жизни любилъ и онъ у меня тебя отнялъ; онъ, Опалихинъ!—зашепталъ онъ ей,—онъ свѣтъ у души моей отнялъ, онъ мать у моихъ дѣтей отнялъ, онъ Бога изъ моего сердца вырвалъ и чортомъ его подмѣнилъ. Онъ міръ у меня взялъ! И когда онъ воровски отнималъ васъ у меня, онъ меня лучшимъ другомъ звалъ, кощунствовалъ Іудинымъ кощунствомъ? И я ему всыпалъ по дружески, его же поганой мѣрой. Онъ воръ и я его воромъ сдѣлалъ, онъ собака и я на него собачій намордникъ надѣлъ! Что-жъ? Я одолѣлъ его и какъ цыпленка скрутилъ! Я сильнѣй и я правъ! Я передъ нимъ съ гору выросъ и его своею тяжестью, какъ мышенка, задавилъ. Онъ самъ сказалъ: „всѣ пути открыты“ и я всѣ ихъ открылъ, всѣ! Что же вы дрожите, воспріемники? Полюбуйтесь же на свое духовное чадо!

Онъ не договорилъ. Татьяна Михайловна дико вскрикнула и бросилась въ окошко съ быстротой звѣря. Онъ видѣлъ, какъ мелькала ея фигура въ лунномъ свѣтѣ тихихъ алей, и его лицо точно все еще прыгало въ бѣшенствѣ

Digitized by Google

и злобѣ. Съ минуту онъ стоялъ передъ окномъ все съ тѣмъ же выраженіемъ на лицѣ. И внезапно его точно что-то сломило; онъ упалъ на колѣни передъ кресломъ и, дико визжа, зарыдалъ.

„Таня, Танюша!—зашепталъ онъ, рыдая какимъ-то воемъ,—о, какъ мнѣ больно, если бы ты знала, какъ мнѣ больно, какъ мнѣ нестерпимо больно!“

А она, некрасивымъ жестомъ подобравъ капотъ, шла черезъ Вершаутъ по переходу и шептала:

„Отъ дѣтей выгнали, выгнали, молодушку! Доплясалась! Тьма одолѣла; ангелы въ крови!..“

Лугами она пустилась бѣгомъ. Она бѣжала долго, въ мучительномъ страхѣ, точно чувствуя за собою погоню и постоянно оглядываясь назадъ, и мѣсяцъ глядѣлъ на ея тонкую фигуру, странно мелькавшую среди сѣдѣющихъ отъ тумана луговъ. И ей казалось, что кто-то бѣжитъ за ней и шепчетъ ужаснымъ шопотомъ:

„Не дрожи, я—опалихинская вѣра!“

Этотъ шопотъ точно подстегивалъ ее. Она прибѣжала въ оврагъ и упала на траву, подъ березу, съ трудомъ дыша. Съ минуту она лежала такъ, почти безъ чувства отъ усталости, и листья березы шептали ей о чемъ-то. Въ лѣсу было темно и только кое-гдѣ на полянахъ дрожалъ и колебался лунный свѣтъ зеленова-

Digitized by Google

тыми изломанными пятнами. Наконецъ, она раздышалась, приподнялась и сѣла; подперевъ рукою голову, она стала глядѣть передъ собою. Прямо передъ нею по скату, сверху внизъ, мелкой едва уловимой рябью, сбѣгалъ колеблясь лунный свѣтъ. За ея спиною дышалъ лѣсъ протяжными и теплыми вздохами подкрадывающагося къ жертвѣ звѣря. На ея лицѣ застыло выраженіе неподвижной скорби и тоски. Она прислушалась. Скорбное пѣніе „Поющихъ Ключей“ молитвеннымъ напѣвомъ медленно поднималось по скату, откуда-то снизу, словно тамъ внизу, замуравленные въ подземельяхъ торжественно пѣли приготовившіеся къ смерти схимники. Она слушала это пѣніе, скорчившись подъ березой, засунувъ руки до самыхъ локтей въ лиловые рукава капота и дрожа всѣмъ тѣломъ. Вкругъ нея, по скатамъ, дымился туманъ, точно огонь готовился охватить ее и подкрадывался къ ней дымомъ. Лунный свѣтъ колебался и дрожалъ на ея неподвижно скорбномъ и блѣдномъ лицѣ. Она прислушивалась. И ей хотѣлось подпѣвать торжественному хору схимниковъ и плакать о чемъ-то.

Столбунцовъ и Людмилочка верхомъ возвращались съ ночной прогулки, близъ „Поющихъ Ключей“. Ихъ лошади, весело пофыркивая, шли рядомъ, такъ что нога Столбунцова каса-

Digitized by Google

лась теплыхъ ногъ Людмилочки. Въ полѣ уже свѣтлѣло и туманъ рѣдѣлъ надъ лѣсомъ. Столбунцовъ глядѣлъ на рыжеватую и задорную головку своей спутницы и говорилъ:

— Я кончу чѣмъ-нибудь ужаснымъ и я уже привыкъ къ этой мысли. Я сроднился съ ней. Мнѣ сейчасъ тридцать девять лѣтъ и мое божество любовь. Сейчасъ я еще могу служить моему богу и нахожу жрицъ. Но что будетъ, когда мнѣ стукнетъ, ну хоть скажемъ, пятьдесятъ? Едва ли мнѣ удастся тогда заманить къ своимъ алтарямъ хотя какую-нибудь плохоньку жрицу. Боги отъ меня всѣ уже отвернулись и когда отъ меня отвернется и любовь, мнѣ придется, хочешь не хочешь, раскроить себѣ черепъ; не такъ ли?

Людмилочка хватила его руку, дружески пожимала ее и шептала:

— Перестань! Не пугай меня. Я обѣщаю любить тебя до пятидесяти лѣтъ!

— Да я-то не обѣщаю! — смѣялся Столбунцовъ въ отвѣтъ.

И вдругъ Людмилочка поднесла къ губамъ свой хлыстикъ.

— Что это такое? — спросила она встревоженная.

Они остановили лошадей и прислушались. И все-таки они ничего не могли понять. Странные, жуткіе звуки, не то похожіе на вой, не

Digitized by Google

то на пѣніе, не то на плачъ, смѣшивались съ ропотомъ „Поющихъ Ключей“ и достигали до ихъ слуха, будя тишину ночи.

— Я ничего не понимаю,—прошептала Людмилочка.

Столбунцовъ отвѣчалъ:

— Я тоже.—Онъ пожалъ плечами.

Они снова прислушались, въ тревогѣ застывъ на сѣдлахъ, и опять не поняли ничего. Они проѣхали еще нѣсколько шаговъ, тѣснѣе прижимаясь другъ къ другу и точно предчувствуя опасность, и опять стали внимательно слушать, напрягая насколько возможно слухъ и полные жуткаго ощущенія. Но все-же они не могли разрѣшить загадки. Звуки оставались непонятными.

— Что же это по крайней мѣрѣ такое? — допытывалась Людмилочка,—звѣрь, птица или человѣкъ?

Столбунцовъ пожалъ плечами, все еще слушая. Наконецъ, онъ сказалъ:

— Нѣтъ, это не звѣрь и не птица. Это гораздо страшнѣе и звѣря, и птицы. Это человѣкъ!

Людмилочка схватила его за руку и поблѣднѣла.

— Уѣдемъ отсюда скорѣе,—прошептала она вздрагивая,—мнѣ страшно!

Они ударили по лошадямъ.

Digitized by Google

XVIII.

Кондаревъ быстро шелъ на встрѣчу къ Опалихину берегомъ Вершаута. Онъ увидалъ его еще издали и крикомъ, и жестами привлекъ, наконецъ, его вниманіе. Опалихинъ былъ нуженъ ему до зарѣзу и онъ подстерегалъ его здѣсь чуть не съ утра. Онъ зналъ, что Опалихинъ пойдетъ этой дорогой, возвращаясь съ луговъ. И теперь Кондаревъ почти бѣжалъ къ нему на встрѣчу, скользя по отлогому скату, выше вздымавшемуся совсѣмъ отвѣсными кручами. Онъ былъ въ черной шелковой рубахѣ, въ черныхъ шароварахъ и бѣлой фуражкѣ. Воротникъ его свѣтло-сѣраго лѣтняго пальто былъ приподнятъ. Здѣсь у воды было свѣжо; дулъ рѣзкій вѣтеръ, и волны Вершаута съ злымъ шипѣньемъ разбивались о желтыя глыбы свергнутой сверху глины. Надъ лѣсомъ, за Вершаутомъ, клубились черныя тучи и порою протяжно ревѣлъ громъ. Ревѣлъ онъ гулко и сердито, и казалось, что тамъ, по ту сторону шипѣвшаго Вершаута, за лѣсомъ, ходитъ закованный въ цѣпи какой-то сказочный титанъ, негодующе реветъ, сердясь на неволю, и громыхаетъ своею желѣзной цѣпью. Кое-гдѣ на тусклыхъ водахъ Вершаута лиловыми пятнами догорала заря. Окрестность быстро темнѣла.

Digitized by Google

Кондаревъ и Опалихинъ встрѣтились, остановились и поздоровались. Опалихинъ спросилъ его:

— Ты меня хотѣлъ видѣть?

Кондаревъ односложно произнесъ:

— Да.

Онъ минуту подумалъ и добавилъ:

— Мнѣ тебя очень было нужно.

— Знаешь-ли, — чуть усмѣхнулся Опалихинъ,—и ты былъ нуженъ мнѣ до зарѣзу.

— До зарѣзу?—переспросилъ Кондаревъ въ задумчивости. — Они круто повернули обратно въ ту сторону, откуда пришелъ Кондаревъ.

Кондаревъ шелъ, потупивъ голову и внимательно глядѣлъ себѣ подъ ноги. Вѣтеръ дулъ имъ прямо въ лицо. Волны Вершаута шипѣли у ихъ ногъ.

— Какъ захолодало, заговорилъ Опалихинъ, пожимая плечами,—да, встрепенулся онъ, что я хотѣлъ тебѣ сказать? Да, бишь,—поправился онъ, — мнѣ тебя тоже очень было нужно видѣть. Онъ снова усмѣхнулся.

Кондаревъ подумалъ: „а онъ все-то смѣется. Ничего-то мальчикъ не знаетъ!“ Онъ сказалъ вслухъ:

— Чего ты все смѣешься?.. Точно цыпленокъ!

Опалихинъ, не слушая его, продолжалъ:

— Я сейчасъ изъ луговъ и хотѣлъ только

Digitized by Google

переодѣться и къ тебѣ. Посовѣтоваться кое о чемъ. Недаромъ же я зову тебя лучшимъ другомъ.

— Этого не надо. Не надо, братъ,—вяло и даже какъ будто ласково проговорилъ Кондаревъ, трогая его плечо.

— Чего?—съ недоумѣніемъ поднялъ на него глаза Опалихинъ. И вдругъ, всмотрѣвшись въ его лицо, онъ изумленно воскликнулъ:

— Да что-жъ—это тебя, братецъ, такъ перевернуло? Вѣдь на тебѣ лица нѣтъ!

— Да что ты? устало усмѣхнулся Кондаревъ.

— Еще бы!—повторилъ Опалихинъ съ участіемъ. — На тебѣ просто лица нѣтъ. У тебя не припадки-ли печени? — добавилъ онъ и замолчалъ.

Крупныя дождевыя капли запрыгали по Вершауту. Надъ лѣсомъ что-то протяжно загудѣло и сердито отрывисто рявкнуло. Волны зашипѣли, прибивая къ берегу въ порошокъ истертую пыль соломы и навоза, а кое-гдѣ трупики красныхъ жучковъ.

Вокругъ сильно потемнѣло.

— Куда-жъ мы, однако, идемъ? — спросилъ Опалихинъ, — насъ захлещетъ дождемъ. Онъ оглядѣлъ затянутую свинцовой сѣткой дождя окрестность.—Сейчасъ мы какъ разъ подъ Ложбининскимъ садомъ,—продолжалъ онъ, слегка

Digitized by Google

отворачивая лицо отъ ударовъ вѣтра,—и знаешь, что? пойдемъ на обрывъ въ бесѣдку и потолкуемъ?

Кондаревъ молча кивнулъ головою. Они полѣзли вверхъ по крутому скату, наклоняясь впередъ и скользя ногами. Вокругъ нихъ рѣзко свистѣлъ вѣтеръ и за ихъ спинами кто-то негодующе ревѣлъ, бряцая желѣзною цѣпью.

Дождь сразу полилъ какъ изъ ведра, точно наверху внезапно что-то порвалось.

— У-ф-фъ, — отдувался Опалихинъ, вбѣгая въ бесѣдку, — однако, насъ все-таки слегка вспрыснуло!—Онъ снялъ сѣрую шляпу, стряхнулъ дождевыя капли и, все еще тяжело дыша отъ быстраго бѣга по крутому скату, опустился въ кресло.

Кондаревъ сѣлъ на стулъ у окна, у противоположной стѣны.

Въ бесѣдкѣ было темно; только большіе и громоздкіе подсвѣчники, изображавшіе сатировъ, мягко свѣтились во мракѣ матовой бронзой. Садъ гудѣлъ и шипѣлъ подъ дождемъ. Кондаревъ сидѣлъ у окна и во всѣ глаза глядѣлъ на Опалихина. Онъ только сейчасъ замѣтилъ, что его лицо носило выраженіе сконфуженности. На Опалихинѣ былъ синій домашній пиджакъ, голубая мягкая косоворотка и высокіе полевые сапоги.

— Ну, что ты мнѣ скажешь? — наконецъ,

Digitized by Google

спросилъ онъ Кондарева, сдвигая на затылокъ сѣрую шляпу и вытягивая ноги.

— А ты мнѣ что скажешь? — вопросомъ же отвѣчалъ Кондаревъ, съ любопытствомъ разсматривая это новое выраженіе его лица.

— Мои дѣла очень плохи! печально махнулъ рукою Опалихинъ, — вся губернія, какъ одинъ человѣкъ, считаетъ меня за вора.—Онъ умолкъ.

Кондаревъ поймалъ въ его глазахъ виноватое и угнетенное выраженіе и подумалъ: „Эге, да какъ тебя, братецъ, повернуло!“ Опалихинъ продолжалъ;

— Вчера я былъ у насъ въ управѣ, и кое-кто при моемъ входѣ отвернулся къ окну, чтобы не подавать мнѣ руки. — Онъ сдѣлалъ рѣзкій жестъ, сердито и надменно разсмѣялся и добавилъ:

— О, дуралеи! Отчетъ мой ихъ удовлетворилъ и они все-таки вѣрятъ сказкѣ! Они тверды, какъ скалы, и я начинаю терять почву!

— Да, это вѣрно,—согласился съ нимъ Кондаревъ, — вся губернія въ одинъ голосъ кричитъ: „Опалихинъ воръ!“

— Да,—вздохнулъ Опалихинъ, — это, наконецъ, выше моихъ силъ, и, знаешь, — продолжалъ онъ, — я хочу просить у тебя помощи... То-есть, понимаешь ли... .

Онъ смѣшался.

Digitized by Google

— Это у меня-то помощи? — перебилъ его Кондаревъ равнодушнымъ тономъ.

— Да, у тебя. А что? Окажи услугу,—продолжалъ онъ,—скажи кое-кому и вообще старайся пустить по уѣзду, что ты предлагалъ мнѣ эти сорокъ пять тысячъ взаймы, безъ росписки и безъ векселя. Вѣдь это же вѣрно? Да? Такъ пусть же олухи сообразятъ, что мнѣ много выгоднѣе было бы взять у тебя эти деньги взаймы безъ отдачи, чѣмъ прибѣгать къ воровству. Пусть они пошевелятъ своими бараньими мозгами!

Опалихинъ умолкъ съ рѣзкимъ жестомъ. Шумъ дождя врывался въ бесѣдку.

— Ты сдѣлаешь это?—поднялъ онъ на Кондарева глаза, и тотъ снова увидѣлъ въ нихъ сконфуженное выраженіе.

— А какже „падающаго толкни“?—внезапно спросилъ его Кондаревъ и уставилъ на его лицѣ равнодушный взоръ,—куда же мы съ тобой въ такомъ случаѣ эту заповѣдь спрячемъ? Вѣдь ты теперь тоже падающій?—Онъ устало усмѣхнулся. Или мы этотъ уставчикъ, — продолжалъ онъ, — для другихъ падающихъ про запасъ оставимъ, а тебя обойдемъ? Да?

Онъ снова лѣниво усмѣхнулся. Его лицо странно бѣлѣло во мракѣ. Опалихинъ глядѣлъ на него во всѣ глаза.

— Ты что это шутишь?—спросилъ онъ, на-

Digitized by Google

конецъ, и даже поблѣднѣлъ. — Если такъ, то это очень странная шутка,—добавилъ онъ.

— Шучу,—односложно буркнулъ Кондаревъ и, отвернувшись отъ него, сталъ глядѣть въ окно.

— Такъ ты сдѣлаешь это для меня? — настойчиво повторилъ свой вопросъ Опалихинъ.

— Сдѣлаю.

Кондаревъ кивнулъ головою.

Опалихинъ вздохнулъ. Въ бесѣдкѣ стало тихо. Порывы вѣтра со свистомъ набрасывались на ея стѣны, колебали крышей и улетали дальше къ гудѣвшимъ вершинамъ. Дождь шумѣлъ по прежнему.

— А знаешь что? — внезапно заговорилъ Опалихинъ, какъ будто нѣсколько оживившись,— мнѣ кажется, что я начинаю кое-что соображать.

— Ну? — лѣниво повернулся къ нему Кондаревъ.

— Мнѣ кажется,—продолжалъ Опалихинъ,— я начинаю догадываться, кто могъ подсунуть въ бандероль моей книги эти сорокъ пять тысячъ.

— Кто?—равнодушно усмѣхнулся Кондаревъ.

— А тотъ паренекъ, который мнѣ прислуживаетъ.

— Это тотъ самый, который лѣтомъ о зимѣ поетъ, а зимой о лѣтѣ? — снова усмѣхнулся Кондаревъ.

Digitized by Google

— Въ тотъ вечеръ, — не слушая его, продолжалъ Опалихинъ,—за мной пріѣхалъ вотъ именно онъ, а не кучеръ. И у него могъ быть заранѣе приготовленъ ключъ, подобранный къ моему столу, такъ какъ о тождествѣ нашихъ столовъ, а также и о томъ, что въ твоемъ столѣ сохраняются сорокъ пять тысячъ, могъ слышать только этотъ паренекъ и никто больше. Не такъ-ли?

Кондаревъ шевельнулся.

— А тогда для чего онъ засунулъ эти деньги вотъ именно въ бандероль книги? — спросилъ онъ Опалихина въ свою очередь.—Въ карманъ твоего пальто онъ еще могъ ихъ спрятать, тутъ еще есть кой-какія цѣли; но въ бандероль книги—это ужъ совсѣмъ дико. Книга-то въ твои руки во всякомъ случаѣ должна была раньше попасть, чѣмъ къ нему. Нѣтъ, это ерунда! Это совершенная дичь, — шевельнулся онъ.

Опалихинъ молчалъ въ задумчивости.

— Тогда кто же это могъ сдѣлать?—проговорилъ онъ, пожавъ плечомъ.

— Да я, — равнодушно отозвался у своего окна Кондаревъ.

— То-есть какъ это ты? — спросилъ его Опалихинъ, и по тону его голоса, спокойному и даже слегка насмѣшливому, Кондаревъ услышалъ, что онъ не придаетъ его словамъ ровно никакого значенія.

Digitized by Google

— Да мнѣ-то ужъ было бы легче всего это сдѣлать,—устало усмѣхнулся Кондаревъ.—Пошелъ, отперъ своимъ собственнымъ ключомъ свой же собственный столъ, вынулъ оттуда денежки и сунулъ ихъ въ бандероль твоей книги. И только. Только всего и труда. Не такъ-ли?—повернулъ онъ къ нему свое лицо.

Опалихинъ равнодушно усмѣхнулся.

— Да во имя чего ты могъ это сдѣлать?

— А во имя чего я не долженъ былъ этого дѣлать? — вопросомъ же отвѣтилъ Кондаревъ.

— Что это? опять философія?—пожалъ плечомъ Опалихинъ.

— Нѣтъ, это не философія, Сергѣй Николаичъ, это не философія, а правда, самая настоящая правда! — крикнулъ отъ окна Кондаревъ.

XIX.

Опалихинъ глядѣлъ на Кондарева, ничего не понимая, съ недоумѣніемъ на всемъ лицѣ. Между тѣмъ, Кондаревъ всталъ со своего стула, почти въ упоръ подошелъ къ Опалихину и засунулъ руки въ карманы шароваръ.

— Не случалось-ли тебѣ, Сергѣй Николаевичъ, — вдругъ заговорилъ онъ внятно и съ разстановкою, и вялость исчезла съ его

Digitized by Google

лица, не случалось-ли тебѣ когда-нибудь подписывать своихъ писемъ псевдонимомъ Евстигнея Федотова?

Онъ умолкъ, оглядѣлъ Опалихина внимательно и серьезно и подождалъ отвѣта. Опалихинъ молчалъ, широко раскрывъ глаза, съ выраженіемъ полнаго недоумѣнія на всемъ лицѣ.

— Случалось. Я это знаю!—какъ бы за него отвѣчалъ Кондаревъ послѣ короткой паузы.— Я это навѣрное знаю! А какъ ты называлъ меня послѣ этого псевдонимчика?—продолжалъ онъ свой допросъ,—не припомнишь-ли? а?

Онъ снова подождалъ отвѣта и опять-таки не дождался его.

— Лучшимъ другомъ! — отвѣчалъ онъ какъ будто за Опалихина.

— Ты меня звалъ лучшимъ другомъ. Это ужъ такъ-съ! Онъ тяжело вздохнулъ. — А не припомнишь-ли ты, повысилъ онъ голосъ,— какія ты мнѣ заповѣди диктовалъ? Не припомнишь-ли? Нѣтъ?—допытывался онъ, и въ его глазахъ загорѣлись огоньки,—если нѣтъ, такъ слушай: Первая. Въ борьбѣ всѣ пути открыты. Вторая. Стыдиться надо только глупости. Третья. Что нехорошо для всякаго, то вкусно для Якова. И четвертая. Толкать падающаго— напрасная трата энергіи.

Опалихинъ шевельнулся, точно желая возражать.

Digitized by Google

— Молчать! — бѣшено крикнулъ Кондаревъ и его лицо словно запрыгало.—Слушай, понизилъ онъ голосъ,—слушай! Ты мнѣ мой путь своей рукой намѣтилъ — заговорилъ онъ прерывающимся голосомъ, — своею-же рукой! И вотъ въ одинъ прекрасный день, послѣ письма Евстигнея Федотова, я явился къ тебѣ и подобралъ къ твоему столу ключъ, памятуя твои заповѣди!

Онъ съ трудомъ передохнулъ.

— Ты лжешь!—крикнулъ Опалихинъ, блѣднѣя.

— Что нехорошо для всякаго, то вкусно для Якова,—съ хриплымъ смѣхомъ повторилъ Кондаревъ,—я подобралъ! Вотъ этими самыми руками! Я, и никто больше!

Опалихинъ смѣшался и потупился.

— Слушай!—настойчиво повторилъ Кондаревъ.—Это только присказка.

— Затѣмъ-съ, продолжалъ онъ, — я умышленно сжогъ свой столъ, умышленно сжогъ, и купилъ себѣ вотъ именно такой, который могъ бы отпираться твоимъ ключемъ. Все это было мною предусмотрѣно заранѣе. Затѣмъ-съ, я ѣздилъ по уѣзду и кричалъ на всѣхъ перекресткахъ о твоихъ долгахъ; затѣмъ, я позвалъ тебя въ гости и одной рукой обнималъ тебя, а другой веревку на твою шею крутилъ. И я, я, понимаешь-ли, я самъ, безъ посторонней по-

Digitized by Google

мощи, вотъ этими самыми руками въ твой карманъ деньги свои засунулъ и воромъ тебя сдѣлалъ. Я и никто больше!

Кондаревъ глядѣлъ въ глаза Опалихина весь блѣдный, съ трепетавшимъ лицомъ.

— Я тебѣ не вѣрю,—внезапно крикнулъ Опалихинъ, поднимяясь со стула, — ты лжешь на себя! Я тебѣ не вѣрю! Ты сумасшедшій!

— Клянусь, — прошепталъ Кондаревъ, колотя себя рукою въ грудь; — клянусь! Я все это сдѣлалъ, я! Да чтожъ ты, Сергѣй Николаичъ,—вдругъ сдѣлалъ онъ къ нему рѣзкій шагъ,—шутки что ли ты со мной шутилъ, когда мнѣ заповѣди свои диктовалъ? Такъ развѣ Богомъ шутятъ, развѣ сердцемъ человѣческимъ шутятъ? — Его глаза бѣгали по лицу Опалихина съ выраженіемъ ненависти и тоски.

— Ты лжешь, — шепотомъ повторилъ Опалихинъ, — я тебѣ не вѣрю, слышишь ли не вѣрю!

— Клянусь!— въ изступленіи крикнулъ Кондаревъ, простирая руки,—клянусь,—иль ты не вѣришь моей силѣ?

Опалихинъ, опустился въ кресло, точно у него подкосились ноги.

— Лучше-бъ ты меня убилъ тогда, послѣ того письма,—простоналъ онъ.

— Зачѣмъ? — проговорилъ Кондаревъ, прижимая обѣ руки къ сердцу. — Мнѣ не тебя нужно было убить, Сергѣй Николаичъ, какъ ты

Digitized by Google

этого не поймешь? Не тебя!—прошепталъ онъ,—мнѣ твою вѣру нужно было убить, и если бы я могъ ее убить! Если бы я могъ!

Опалихину показалось что точно свѣтлое облако прошло по лицу Кондарева.

— Подлецъ!—крикнулъ онъ содрогаясь.

Кондаревъ долго глядѣлъ на него во всѣ глаза.

— Слава Богу,—прошепталъ онъ,—наконецъ то я отъ тебя настоящаго слова дождался, а я вѣдь думалъ, что въ твоемъ лексиконѣ и слова-то такого нѣтъ.

— Подлецъ, подлецъ, подлецъ!—задыхаясь, шепталъ Опалихинъ.

— Молчать!—бѣшенно крикнулъ Кондаревъ, придвигаясь къ нему и мѣряя его глазами.—Впрочемъ, что жъ я? — устало усмѣхнулся онъ черезъ мгновенье.—Вѣдь это ты не меня ругаешь. Вѣдь это ты вѣру свою поносишь. Ты мой воспріемникъ, я— твое чадо. Мнѣ-то что!—Онъ снова криво усмѣхнулся, пожимая плечами и двигаясь въ сумракѣ комнаты.

Опалихинъ неподвижно сидѣлъ въ креслѣ, у стола, подперевъ руками голову. Кондаревъ подошелъ къ противоположной стѣнѣ и сталъ къ ней, какъ къ печкѣ точно пытаясь согрѣть спину и ладони. Въ саду было тихо; дождь уже отшумѣлъ и только одинокія капли порою тяжело падали съ вѣтокъ да вдали что то глухо и одобрительно рокотало.

Digitized by Google

— Въ какую ты яму меня толкнулъ! —простоналъ Опалихинъ, тебя убить за это мало! Убить мало!—Внезапно его точно чѣмъ обожгло; дикая злоба вспыхнула въ его сердцѣ; онъ вскочилъ съ кресла.—Я убью тебя,—злобно крикнулъ онъ,—слышишь ли ты, я убью тебя! тутъ же на мѣстѣ, чѣмъ ни попало, какъ собаку!—Онъ бѣгалъ глазами по бесѣдкѣ, точно ища подходящаго оружія. И его взглядъ упалъ на подсвѣчники. Онъ будто инстинктомъ сразу оцѣнилъ, что они должны быть тяжелы, какъ топоръ.

Съ захолонувшимъ сердцемъ онъ двинулся туда къ черной тумбѣ. Кондаревъ не выдавалъ своего присутствія ни однимъ звукомъ, ни однимъ жестомъ. И это точно укололо Опалина и вернуло къ нему сознаніе. Онъ сдѣлалъ рѣзкій жестъ и сполдороги отъ тумбы круто повернулъ къ Кондареву. Кондаревъ стоялъ все такъ же у стѣны, въ неподвижной и равнодушной позѣ, точно грѣя руки и спину.

Опалихинъ съ любопытствомъ взглянулъ въ его лицо и взялъ его за локоть. Кондаревъ усмѣхнулся.

— Что-жъ ты отмѣнилъ свое рѣшеніе?—спросилъ онъ Опалихина, шевеля блѣдными губами. Вѣдь ты вѣру свою, какъ собаку убить хотѣлъ, и я тебя на это благословляю!

Опалихинъ внимательно разглядывалъ его

Digitized by Google

лицо. На этомъ лицѣ что-то ясно было написано, но Опалихинъ никакъ не могъ прочитать этихъ словъ, и это наполняло его жгучей тревогой. Онъ ушелъ отъ него, сѣлъ въ свое кресло и сталъ соображать. Кондаревъ молчалъ у стѣны. Съ крыши тяжело падали дождевыя капли. Садъ точно вздыхалъ и возился. Мутныя тѣни влѣзали порою на низкое крыльцо бесѣдки и любопытно заглядывали въ ея темную и жуткую глубь.

Опалихинъ все сидѣлъ въ своемъ креслѣ и точно старался вспомнить о чемъ-то, напрягая всѣ силы. И вдругъ онъ вспомнилъ разсказъ Столбунцова о какомъ-то пѣніи ночью. Онъ быстро подошелъ къ Кондареву, снова взялъ его за локоть и заглянулъ въ его лицо. И весь видъ этого лица укрѣпилъ его въ чемъ-то.

— Ты что? — спросилъ его Кондаревъ, — иль догадался, мальчикъ?

— Что съ ней? — тронулъ его за локоть. Опалихинъ, — говори сейчасъ же, что съ ней? съ ней несчастіе? Она сошла съ ума? — добавилъ онъ, содрогаясь.

Кондаревъ, молча, закивалъ лицомъ, и изъ его глазъ сразу хлынули слезы. Опалихинъ потупилъ голову и дрогнувшимъ шепотомъ спросилъ:

— Тебѣ тяжело очень? Да?

Онъ ушелъ отъ него, сѣлъ въ кресло, пере-

Digitized by Google

жидая, когда онъ, наконецъ, выплачется. А затѣмъ онъ подошелъ къ нему и твердо произнесъ:

— Идемъ, сейчасъ же къ ней.

Его глаза глядѣли ясно и спокойно.

Сейчасъ,—зашепталъ Кондаревъ, наскоро вытирая платкомъ свое лицо,—сейчасъ мы пойдемъ къ ней вмѣстѣ! Сейчасъ!

XX.

Однако, Кондаревъ не торопился уходить изъ бесѣдки и, точно забывъ объ Опалихинѣ, заходилъ изъ угла въ уголъ. Опалихинъ безпокойно слѣдилъ за нимъ.

— О чемъ ты думаешь?—спросилъ онъ его внезапно.

Кондаревъ все также въ разсѣянности ходилъ изъ угла въ уголъ.

— Такъ, — односложно буркнулъ онъ наконецъ.

— У тебя все „такъ",—укоризненно покрутилъ головой Опалихинъ.

— Что же, — точно усмѣхнулся Кондаревъ, продолжая расхаживать.

Опалихинъ продолжалъ:

— Все-то у тебя „такъ" дѣлается. „Такъ" ты меня воромъ сдѣлалъ, „такъ" съ ума ее свелъ!

Digitized by Google

— Не смѣй мнѣ этого говорить!—крикнулъ изъ своего угла Кондаревъ и, приблизившись къ Опалихину, заложилъ руки въ карманы шароваръ.

— Какъ это произошло по крайней мѣрѣ?—спросилъ его Опалихинъ, не обращая ни малѣйшаго вниманія на его вспышку.

— Какъ произошло? — переспросилъ его Кондаревъ.—Она хотѣла,—продолжалъ онъ,—перекрестить дѣтей. Я задержалъ ея руку. „Не кощунствуй!“

— Это жестоко! — вскинулъ на него глаза Опалихинъ.

— Да пойми ты меня, Сергѣй Николаичъ,—рѣзко крикнулъ Кондаревъ,—что я душегубъ, что-ли?—Я не разсчиталъ удара,—продолжалъ онъ хрипло. — Я хотѣлъ сдѣлать ударъ въ бортъ и вернуть шаръ въ лузу, а онъ выскочилъ за бортъ. Чѣмъ я тутъ виноватъ?—Онъ развелъ руками.

— А развѣ человѣческая голова билліардный шаръ?—спросилъ его Опалихинъ холодно.

Кондаревъ снова рѣзко воскликнулъ:

— Ты-ль мнѣ это говоришь, Сергѣй Николаичъ!

И они сразу притихли, расхаживая по бесѣдкѣ и занятые каждый своей думой.

Такъ продолжалось нѣсколько минутъ. Капли

Digitized by Google

отшумѣвшаго дождя монотонно падали съ крыши, со звономъ ударяя въ лужу.

— Такъ вотъ-съ, вздохнулъ Кондаревъ.— Ты меня сейчасъ подлецомъ назвалъ, но это не вѣрно, и я не ты. Вѣдь я все время противъ воли моей шелъ, — вдругъ вскрикнулъ Кондаревъ, — когда дѣло мести моей совершалъ, — противъ воли! потому что мои боги выше солнышка яснаго, а твои — вровень съ животомъ твоимъ! И ты, — повысилъ онъ голосъ,—и ты, когда подлости свои чинилъ, только животикъ свой щекоталъ, Да-съ! Вотъ между нами разница какая! сдѣлалъ онъ рѣзкій жестъ,— твои боги—палка поганая, мои—святыня чистѣйшая, и я тебѣ на святыню эту чистѣйшую указать хотѣлъ! Понялъ?

— Такъ, — проговорилъ Опалихинъ, — но развѣ-же можно поганой палкой на мѣсто святое указывать?

— А откуда-же ты узналъ, что палка эта— поганая палка? вскрикнулъ Кондаревъ.

И они снова замолчали, напряженно размышляя о чемъ-то.

— Ну, что же,—вдругъ проговорилъ Опалихинъ,—пойдемъ же, наконецъ, къ ней.

— Сейчасъ, — снова безпокойно заметался изъ угла въ уголъ Кондаревъ,—сейчасъ, сейчасъ!

Они вышли изъ бесѣдки и тотчасъ свернули

Digitized by Google

въ боковую аллею сада, ближнимъ путемъ направляясь къ усадьбѣ Кондарева, оба точно чѣмъ-то придавленные, съ озабоченнымъ выраженіемъ на лицахъ и молчаливые. Неподвижный и сырой мракъ сада чернѣлъ передъ ними стѣной. Притихшіе кусты дымились паромъ, и только одобрительное и глухое рокотаніе грома, приносившееся откуда-то издалёка, будило напряженную тишину короткими ударами. Долго они молчаливо двигались во мракѣ, сначала среди холодныхъ и влажныхъ кустовъ, обдававшихъ ихъ спины брызгами, затѣмъ по вязкой дорогѣ и сверкающимъ лужамъ, и, наконецъ, огни Кондаревской усадьбы рѣзко ударили въ ихъ глаза, утомленные мракомъ. Очистивъ на крыльцѣ ноги, они осторожно вошли въ домъ.

Горничная съ заспаннымъ лицомъ встрѣтила ихъ, съ недоумѣніемъ оглядѣла ихъ мокрое платье и снова ушла спать.

Они остались одни; напряженная тишина стояла и въ домѣ; весь домъ спалъ, но спалъ, какъ казалось имъ обоимъ, больнымъ и тяжелымъ сномъ.—Онъ даже какъ будто бредилъ. Полуопущенные огни лампъ почти въ каждой комнатѣ и необычный порядокъ мебели громко свидѣтельствовали имъ объ этомъ.

Они молча посидѣли въ столовой, гдѣ на деревянномъ диванѣ валялась забытая кѣмъ-

Digitized by Google

то подушка, а на столѣ стояла бѣлая склянка съ длиннымъ ярлычкомъ рецепта. И имъ казалось, что каждая вещь этой комнаты внятно говоритъ, что здѣсь, въ этихъ стѣнахъ, только что пронеслась тяжелая буря, утомившая всѣхъ и сокрушившая одно самое слабое деревцо.

Кондаревъ водилъ глазами по стѣнамъ, съ вещи на вещь, и постоянно вздрагивалъ всѣмъ тѣломъ, точно его била лихорадка. А Опалихинъ глядѣлъ на него и напряженно думалъ о чемъ-то. Посидѣвъ нѣкоторое время въ столовой, они, осторожно ступая, на цыпочкахъ прошли въ кабинетъ. И стѣны кабинета взглянули на нихъ съ тѣмъ же выраженіемъ бреда. Кондаревъ все также дрожалъ и здѣсь, внимательно оглядывая въ полумракѣ каждую вещь, каждую бездѣлушку.

Затѣмъ они прошли въ спальню и заглянули въ дѣтскую. Впрочемъ, они какъ будто не рѣшились войти въ самую комнату и постояли лишь на ея порогѣ, тревожно прислушиваясь къ ея тишинѣ. Дѣти спали безпокойно, напуганные страшнымъ днемъ, и ихъ прерывистые вздохи терзали и мучили этихъ двухъ людей, стоявшихъ на порогѣ, повергая ихъ въ тоску и страхъ. Наконецъ, они ушли съ порога, прошли длиннымъ и темнымъ корридоромъ и остановились у закрытыхъ дверей одной комнаты. Оттуда слышался тихій говоръ. Съ ми-

Digitized by Google

нуту Кондаревъ какъ будто колебался, не рѣшаясь отворять дверей этой комнаты, и глядѣлъ на мертвенно-блѣдное лицо Опалихина, точно спрашивая его о чемъ-то. Однако, на его лицѣ онъ, казалось, прочиталъ выраженіе, которое разрѣшало ему приступить къ тому, къ чему приступить онъ собирался. И онъ тихо толкнулъ отъ себя дверь; она растворилась тотчасъ же безъ скрипа, какимъ-то плавнымъ движеніемъ. Опалихинъ сдѣлалъ шагъ и остановился. Въ глубинѣ комнаты, тускло освѣщенной лишь одной лампадой, въ креслѣ съ высокою спинкой, сидѣла Татьяна Михайловна. Бѣлый фланелевый капотъ мягкими волнами окутывалъ всю ея тонкую фигуру съ гладко причесанной головою. Ея глаза мерцали какимъ-то необычайно кроткимъ свѣтомъ, и два алыхъ пятна горѣли на ея щекахъ. Рядомъ съ нею на низкой скамейкѣ сидѣла Степанида съ соннымъ и усталымъ выраженіемъ на длинномъ веснущатомъ лицѣ; на стѣнахъ и по потолку комнаты безпокойно метались тѣни, точно стремясь куда-то и ища выхода.

— Здравствуй, Сереженька, — вдругъ проговорила Татьяна Михайловна, и звукъ ея голоса, необычайно кроткій и пѣвучій точно ножемъ ударилъ Опалихина.

Онъ быстро пошелъ къ ней на встрѣчу какой-то колеблющейся походкой, простеръ

Digitized by Google

къ ней руки и, снова опустивъ ихъ, виновато потупилъ голову и застылъ на мѣстѣ.

— Что жъ ты испугался?—между тѣмъ, заговорила она снова тѣмъ же пѣвучимъ голосомъ,—я тебѣ рада. И тебѣ, Андрюша, я рада,—добавила она послѣ короткой паузы, — мнѣ васъ обоихъ жалко!

Опалихинъ смотрѣлъ ей въ ноги. Безпокойныя тѣни метались по комнатѣ и у ея ногъ, какъ напуганныя чѣмъ-то птицы. Татьяна Михайловна вздохнула; Степанида неподвижно сидѣла близъ нея на низкой скамеечкѣ, съ высоко приподнятыми колѣнами, какъ-то вся скорчившись въ неудобной позѣ, съ выраженіемъ апатіи на лицѣ, и походила на изваяніе. Отъ всей комнаты вѣяло жуткимъ сномъ, и казалось, самый ея воздухъ пронизывалъ Опалихина острымъ и мучительнымъ чувствомъ и тоскою. Онъ глядѣлъ ей въ ноги. Татьяна Михайловна шевельнулась, мягко поглядывая то на Кондарева, то на Опалихина.

— Вотъ спасибо, что ко мнѣ заглянули,—заговорила она снова съ кротостью,—я васъ обоихъ люблю. Только зачѣмъ вы ко мнѣ не приходили, когда мой муженекъ-то грабить меня собирался? Глядишь, онъ бы васъ и побоялся!

Она тихо разсмѣялась.

— Онъ у меня вѣдь страшный, — добавила

Digitized by Google

она,—да сердитый, и я его боюсь!— внезапно она вздрогнула плечами. — Это не то что Андрюшенька иль вотъ хоть ты,—добавила она и умолкла, покачивая головою.—Да вы ко мнѣ почаще заглядывайте,—безпокойно шевельнула она ногами,—въ моей свѣтелкѣ чисто и хорошо! Да что вы стоите-то,—качнула она головой,— садитесь, будьте гостями. А слышали новость?— развела она руками,— муженекъ-то мой миленькій что надумалъ? меня въ новую рѣру обернуть хочетъ! Какъ же? Какъ вѣдь сердился-то,—усмѣхнуласъ она одними губами,—ну, да, пожалуй, и ошибется,—качнула она головой.— Я вѣдь, пожалуй, и въ подземелье уйду. Я вѣдь стойкая, и этому не бывать! Никогда не бывать, никогда! — повторяла она, лукаво грозя пальцемъ. Она умолкла.

Опалихинъ какъ-то весь дрогнулъ, сдѣлалъ два шага, внезапно опустился передъ нею на колѣни и безпорядочнымъ жестомъ сталъ обнимать ея ноги.

Она протяжно и мягко заговорила надъ нимъ:

— Какъ вѣдъ мнѣ тебя жалко-то; какъ вѣдь жалко! Охъ, какъ жалко!

Плечи Опалихина дрогнули. Отрывистое и короткое рыданіе пронеслось въ комнатѣ. Кондаревъ быстро вышелъ; онъ торопливо прошелъ всѣмъ полутемнымъ домомъ и въ замѣ-

Digitized by Google

шательствѣ остановился на крыльцѣ. Сырая тьма дохнула въ его разгоряченное лицо. Онъ повелъ глазами. Черное небо низко висѣло надъ землею. Въ полѣ неподвижной стѣной стоялъ мракъ. Вѣяло сыростью.

Кондаревъ вздрогнулъ; изъ дома поспѣшно вышелъ Опалихинъ.

— Идемъ сейчасъ-же къ Ложбининой, твердо сказалъ онъ, приближаясь къ нему,—тамъ теперь гости.

Кондаревъ съ недоумѣніемъ оглядѣлъ его. Все лицо Опалихина было возбуждено и точно горѣло.

— Идемъ сейчасъ-же къ Ложбининой, повторилъ онъ,—да вотъ что,—вдругъ точно спохватился онъ,—твоихъ лошадей я могу взять? И увидѣвъ у темныхъ амбаровъ ночного караульщика, онъ, не дожидаясь отвѣта Кондарева, крикнулъ караульщику:

— Вели сейчасъ-же кучеру запрягать лошадей и ѣхать къ Ложбининой. Понялъ! Живѣй! Да вотъ что,—крикнулъ онъ ему въ догонку,—слушай! Когда лошади пріѣдутъ туда, пусть кучеръ велитъ о себѣ доложить. Понялъ! Живѣй!—повторилъ онъ.

— Ну, а мы, — обратился онъ къ Кондареву, — пойдемъ туда пѣшкомъ и какъ можно скорѣе. Главное, чтобы не разъѣхались гости!

Онъ поспѣшно спустился съ крыльца. Кон-

Digitized by Google

даревъ едва поспѣвалъ за нимъ. Распоряженія Опалихина какъ будто нисколько не удивляли его. Они снова торопливо двинулись во мракѣ, странно мелькая по пустынной дорогѣ, шлепая по лужамъ и постоянно натыкаясь на холодные и мокрые кусты. Опалихинъ то и дѣло безпокойно шепталъ:

— Скорѣе, скорѣе. Главное, чтобы не разъѣхались гости!

Кондаревъ, размахивая руками, какъ тѣнь, слѣдовалъ за нимъ по пятамъ. Сырой и неподвижный мракъ ночи напряженно молчалъ. Только лужи шипѣли подъ ихъ ногами.

У Ложбининой сидѣли Грохотовъ и Столбунцовъ. Они только-что всѣ поужинали, но еще не покидали столовой и, попивая красное вино, оживленно бесѣдовали. Звонкій хохотъ Людмилочки иногда вырывался оттуда. Однако, когда Кондаревъ и Опалихинъ вошли въ столовую, оживленная бесѣда сразу прекратилась, и хохотъ умолкъ, точно оборвавшись. Изумленіе отразилось на всѣхъ лицахъ. Весь видъ только-что прибывшихъ былъ слишкомъ не обыченъ. Ихъ платье было мокро, а лица блѣдны и возбуждены. Всѣ оглядывали ихъ съ любопытствомъ. Между тѣмъ, не здороваясь, прибывшіе постояли нѣкоторое время въ дверяхъ столовой съ страннымъ выраженіемъ на лицахъ, внимательно разглядывая въ свою оче-

Digitized by Google

редь лица сидѣвшихъ за столомъ въ рѣзкомъ свѣтѣ лампъ. А затѣмъ Опалихинъ твердой и какъ будто даже гордой походкой направился къ столу въ то время, какъ Кондаревъ, проводивъ его уже совершенно равнодушнымъ взоромъ, опустился почти въ самыхъ дверяхъ на стулъ.

Всѣ въ напряженной тишинѣ глядѣли во всѣ глаза на Опалихина, поджидая, что-то будетъ дальше. Казалось, всѣ сразу поняли, что сейчасъ нѣчто разыграется и разыграется весьма любопытное. И всѣ жутко притихли. Опалихинъ подошелъ къ самому столу и снова поочередно оглядѣлъ всѣхъ.

— Господа,—началъ онъ среди тишины.

Однако, сразу же краска бросилась ему въ лицо и его голосъ оборвался; силы его точно обломились. Онъ притихъ. Съ минуту его лицо изображало мучительное колебаніе.

Всѣ ждали его словъ въ жгучемъ любопытствѣ. Только Кондаревъ апатично жмурилъ глаза на своемъ стулѣ у самой двери.

А Опалихинъ стоялъ передъ столомъ, весь залитый свѣтомъ, съ краснымъ и возбужденнымъ лицомъ. И по этому лицу было ясно видно, какія мучительныя усилія употреблялъ онъ, чтобы сломить и одолѣть въ себѣ что-то. И вдругъ его лицо какъ будто прояснилось и стало спокойно.

Digitized by Google

— Господа, снова повторилъ онъ съ твердостью, я пришелъ къ вамъ, — продолжалъ онъ, — какъ къ моимъ старымъ знакомымъ, чтобъ разрѣшить ваши сомнѣнія относительно одного сильно интересующаго васъ дѣла.

Онъ снова оглядѣлъ всѣхъ ясно и спокойно и продолжалъ:

— Я знаю, дѣло это крайне интересуетъ васъ, и мнѣ хочется удовлетворить, наконецъ, ваше любопытство, да, кромѣ того, мнѣ признаться и самому надоѣло вѣчно играть гнусную комедію. Итакъ, слушайте, повторилъ онъ повышеннымъ голосомъ. Онъ передохнулъ. Невозмутимая тишина сковала столовую. Всѣ какъ-то даже слегка наклонились впередъ.

— Три недѣли тому назадъ, будучи въ гостяхъ у Кондарева, — заговорилъ Опалихинъ внятно и отчетливо, но внезапно его голосъ оборвался, и лицо смертельно поблѣднѣло. Онъ какъ будто какъ-то весь осѣлъ. Столбунцову даже показалось, что онъ теряетъ сознаніе и онъ, сорвавшись съ своего мѣста, быстро подставилъ ему стулъ. Однако, онъ отстранилъ этотъ стулъ и жалкими, виноватыми глазами глядѣлъ на присутствующихъ. По столовой пробѣжалъ невнятный шелестъ. А Опалихинъ, крѣпко упершись въ доску стола обѣими руками, снова обвелъ всѣхъ присутствующихъ съ выраженіемъ жалкой приниженности. Его

Digitized by Google

губы вновь зашевелились. Видимо, онъ желалъ что-то сказать, но голосъ не повиновался ему болѣе. Онъ закивалъ лицомъ и судорожно закрутилъ шеей, точно пытаясь сбросить съ себя что-то.

Въ его сердце, очевидно, вновь завязалась мучительная борьба, отнимавшая у него всѣ силы и опустошавшая его, какъ ураганъ. И онъ напрягалъ всѣ усилія и все кивалъ мертвенно блѣднымъ лицомъ. Присутствовавшіе не сводили съ него глазъ и слѣдили за этой борьбой въ жуткомъ любопытствѣ. Казалось, что дыханіе мороза обледенило воздухъ столовой. Только Кондаревъ, апатично жмуря глаза, какъ-бы спокойно поглядывалъ на Опалихина. А тотъ все стоялъ съ жалкой улыбкой и искаженнымъ лицомъ.

Кондарева внезапно точно что-то укололо. Порывисто онъ вскочилъ со своего стула и загорѣвшимися глазами оглядѣлъ Опалихина.

— Гдѣ же твоя силка хваленая, Сергѣй Николаевичъ? рѣзко вскрикнулъ онъ,—эхъ ты горе-богатырь, покачалъ онъ головою укоризненно,— вѣрно, это потруднѣе, чѣмъ счастье-то людское воровать, видно много труднѣе! И онъ вновь измѣрилъ глазами Опалихина.

Тотъ виновато поводилъ плечами. Его лобъ взмокъ.

Кондаревъ съ презрительнымъ жестомъ опу-

Digitized by Google

стился на свой стулъ и снова словно застылъ въ апатичной позѣ.

И этотъ презрительный жестъ точно разбудилъ отъ сна Опалихина. Послѣднее мучительное колебаніе судорогой прошло по его лицу.

— Будучи въ гостяхъ у Кондарева,—вдругъ заговорилъ онъ невнятнымъ, сиповатымъ шепотомъ, — я выкралъ у него сорокъ пять тысячъ... Я—воръ! вскрикнулъ онъ, наконецъ съ усиліемъ.

Его голова слегка заколебалась; онъ умолкъ; неясный шелестъ вновь пробѣжалъ по столовой. Кондаревъ какъ будто вздрогнулъ на своемъ стулѣ.

— И теперь,—вдругъ повысилъ голосъ Опалихинъ, точно радуясь своей побѣдѣ,—и теперь я ѣду къ слѣдователю а затѣмъ, въ острогъ. Чтоже? повелъ онъ плечами,—порадовался, попировалъ, пора и честь знать! Онъ вздрогнулъ.

Въ столовую донеслось со двора унылое позвякиваніе бубенчиковъ.

— Слышите? поднялъ Опалихинъ руку.—Это за воромъ пріѣхали, и вора сейчасъ въ острогъ повѣзутъ. Что-же? а развѣ въ острогѣ не люди? Онъ покачалъ головой и уныло вздохнулъ.

— Только изъ острога-то вотъ куда-же я пойду? обвелъ онъ всѣхъ присутствующихъ

Digitized by Google

глазами,—въ какую сторону? къ какимъ богамъ? По чистой совѣсти,—и самъ не знаю. Но думаю, что куда-нибудь пойду, и куда-нибудь дойду. Дойду-ли? повернулся онъ внезапно къ Кондареву. Тотъ понуро молчалъ въ апатичной позѣ.

— Итакъ прощайте,—снова повернулся онъ къ столу ясно и спокойно,—прощайте господа, прощайте, прощайте!..

И, круто затѣмъ повернувшись, онъ пошелъ вонъ изъ столовой. Кондаревъ неторопливо по слѣдовалъ за нимъ. Скоро они оба исчезли вотьмѣ прихожей. Столовая по прежнему безмолвствовала...

Конецъ

Leihbibliothek Weisstr. 21
Telefon: Nollendorf, 6069

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

1568

Digitized by Google